

Петр Алексеевич Кропоткин
(1864 г.)

Александр Алексеевич Кропоткин
(1865 г.)

ПАМЯТНИКИ ОБЩЕСТВЕННОГО БЫТА

П Е Р Е П И С К А
ПЕТРА и АЛЕКСАНДРА
БРОПОТКИНЫХ

«А С А Д Е М И А»
Москва — Ленинград

ПЕТР и АЛЕКСАНДР
КРОПОТКИНЫ

ПЕРЕПИСКА

ТОМ ВТОРОЙ

1862—1871

Предисловие И. Смилги
Редакция, примечания и
вступительная статья
Н. К. Лебедева

«А С А Д Е М І А»

1 9 3 3

Супер-обложка Г. Ечеистова
Переплет А. П. Могилевского

ПРЕДИСЛОВИЕ

Второй том переписки братьев Кропоткиных обнимает сибирский период жизни Петра Алексеевича. Блестяще окончив Пажеский корпус, П. А. Кропоткин отказывается от военной службы в Петербурге и уезжает в Сибирь. В этом решении уже вполне сказалась железная воля молодого культуртрегера. Слово и дело у него не разошлись при вступлении в самостоятельную жизнь. Типичный просветитель шестидесятых годов, П. А. Кропоткин предпочитает «настоящую» работу на далекой окраине России праздной и пустой жизни гвардейского офицерства в столице. Петр Алексеевич желает быть полезным обществу и ищет поприща, на котором он мог бы работать с наименьшими компромиссами с собственной совестью. Таким местом для работы он выбирает далекий Амур и пустынную Восточную Сибирь.

Из первого тома «Переписки» мы знаем, что мировоззрение братьев — пажа и кадета — складывалось под непосредственным влиянием идеологии шестидесятых годов. В этот период старший брат Александр оказывал младшему Петру большую помощь как в деле изживания предрассудков своей среды, так и при выработке мирозерцания.

На следующем этапе картина резко меняется. Руководящее положение переходит к Петру Алексеевичу. Идеи братья поравнялись. В то время как младший брат рекомендует себя человеком большого ума и воли, с резким тяготением к практической деятельности, старший, Александр Алексеевич, терзаемый «двумя душами», не находит себе пристанища. Налицо уже все признаки готовящейся катастрофы.

Если первый том «Переписки» рисует нам лабораторию, в которой складывалось мировоззрение братьев Кропоткиных,

то второй том дает нам отчетливое представление о том пути, который проделал П. А. Кропоткин от просветительства к революционной деятельности. После Парижской коммуны молодой ученый и радикальный просветитель окончательно становится революционером и в дальнейшем вождем и теоретиком анархизма.

И. Смилга

Москва, сентябрь 1932 г.

ГОДЫ СТРАНСТВОВАНИЙ П. А. КРОПОТКИНА

Второй том переписки П. А. Кропоткина с братом охватывает период сибирской жизни П. А. Кропоткина (1862—1867 гг.). П. А. Кропоткин приехал в Сибирь юношей, когда ему было $19\frac{1}{2}$ лет, а покинул Сибирь $24\frac{1}{2}$ лет, вполне уже сложившимся человеком.

Письма из Сибири дают нам богатый и драгоценнейший материал. Письма Петра Алексеевича, как и письма его брата, — это непосредственные документы, в которых отражаются целиком молодые братья Кропоткины. Эти пожелтевшие от времени листки рассказывают нам о сомнениях, исканиях и колебаниях даровитых юношей.

По этим письмам мы можем проследить шаг за шагом главнейшие моменты сибирской жизни молодого П. А. Кропоткина и нарисовать картину его умственного развития за этот период.

Если письма П. А. Кропоткина к брату из Пажеского корпуса, письма, иногда полные детской наивности, говорят нам о том, как закладывался умственный фундамент человека, как формировались первые элементы его мировоззрения, то письма из Сибири показывают нам не только дальнейший ход умственного развития П. А. Кропоткина, но и первые шаги его практической деятельности.

Годы, прожитые П. А. Кропоткиным в Сибири, — это годы исканий, это, говоря словами самого П. А., «время поисков деятельности, родной его натуре».

Если до двадцати лет человек, главным образом, только собирает и строит извне элементы своего мировоззрения и вырабатывает из этих элементов свой взгляд на мир и на людей, то после двадцати лет человек не только собирает и строит

свое «я», но и стремится отразить себя во внешнем мире, хочет проявить так или иначе свою личность.

В письмах П. А. Кропоткина из Пажеского корпуса мы видели, как юный П. А., еще почти мальчик, всячески восставал против «мелочей жизни», засасывающих человека, и боролся против опошляющего влияния среды, где он вращался. Мы видели, как П. А. Кропоткин все время старался не «плыть по течению», а в среде пошлости, безделья и паразитизма приучал себя к труду, к сознательному отношению к жизни и стремился ставить себе высокие цели. Великий немецкий поэт Гёте в своей книге «Поэзия и правда» говорит, что «наши желания — это предчувствия скрытых в нас способностей, предвестник того, что мы в состоянии будем совершить».

Эти слова великого поэта вполне оправдываются на примере П. А. Кропоткина. Все его юношеские желания и смутные неопределенные стремления действительно как бы продиктованы скрытыми еще способностями и являются как бы слабыми предвестниками того, что современем суждено будет совершить П. А. Кропоткину.

Что поражает больше всего в юном П. А. Кропоткине — так это неустанное стремление куда-то вперед. Куда? Он и сам не знает. У него нет еще ясно осознанных целей. Один, без руководителей, без советников, среди развращенного «высшего» света, он намечает свой жизненный путь и идет намеченной дорогой до тех пор, пока перед его умственным взором снова не откроются новые манящие горизонты.

В вступительной статье к первому тому «Переписки» мы уже отмечали, какую борьбу с самим собою должен был выдержать П. А. Кропоткин, чтобы вопреки всему бросить Петербург и уехать в далекий и дикий в то время Амурский край.

Мы видели, что перед ним, камер-пажем царя, первым учеником Пажеского корпуса, фамилия которого была записана золотыми буквами на мраморной доске и который при выпуске был назван «отличнейшим», открывалась широкая и легкая дорога блестящей придворной карьеры. Но мы знаем, что девятнадцатилетний П. А. Кропоткин неожиданно для всех, вопреки воле отца, отказывается от придворной карьеры и

добровольно уходит с верхов так называемого «высшего» общества.

Но это еще не все. По письмам к брату видно, как П. А., говоря словами его брата, «поклонник науки», мечтал об университете, мечтал о научной деятельности, мечтал быть ученым.

Но он, как будто послушный какому-то властному голосу, отказывается и от поступления в университет. И вопреки даже советам любимого брата, мнением которого он очень дорожит, просит назначения офицером в Амурское казачье войско на Дальний Восток.

Как бы опасаясь, что он может изменить свое решение, П. А. ни одного лишнего дня не задерживается в Петербурге и уезжает в Сибирь. 13 июня был выпуск пажей, а уже 24 июня П. А. покидает Петербург и отправляется в далекий неведомый путь.

По дороге на Дальний Восток П. А. решает заехать в Никольское, родовую усадьбу, где он провел свои детские годы. Он не столько хочет видеть отца, с которым у него были уже холодные отношения и который категорически запретил ему «выходить на Амур», грозя в противном случае проклятием и лишением наследства,—в Никольское Петра Алексеевича зовут воспоминания детства. Он хочет еще раз взглянуть на те места, где он вкусил впервые «сладость бытия» и где он играл в детские игры с любимым братом.

Неожиданно в Никольском судьба приготовила П. А. новое искушение, едва ли не самое сильнейшее. В Никольском он встречает семнадцатилетнюю девушку, дочь богатого соседа-помещика. И П. А. со всем пылом юного сердца влюбляется в молоденькую соседку. Он встречает взаимность. И вместо двух-трех дней, которые он намеревался было прожить в Никольском, живет здесь почти три недели...

В эти три недели П. А. едва не оставляет своего решения ехать на Амур. Он задает себе вопрос: зачем ехать на далекий Амур? Не лучше ли остаться в Никольском, жениться на любимой девушке и зажить сытой, спокойной и привольной жизнью?

В своем дневнике 3 июля 1862 г. в Никольском П. А. отмечает: «... Здесь хорошо...» — и дальше пишет стихи:

Когда б не смутное волнение
 чего-то жаждущей души,
 Я б здесь остался — наслаждение
 вкушать в неведомой глуши...
 Забыл бы всех волнений трепет,
 мечтой бы целый мир назвал.
 И все бы слушал этот лепет,
 Все б эти глазки целовал...

Но в конце концов «смутное волнение чего-то жаждущей души» и на этот раз заставляет П. А. отправиться в далекий край, — и, как будто видевший перед собой мировые дали, П. А. находит в себе достаточно силы воли, чтобы подавить желание «наслажденье вкушать в неведомой глуши», — и он с грустью покидает Никольское.

17 июля 1862 г. он скупно отмечает в своем дневнике: «выбрался из Никольского, давно пора, но все задержки»...

Что же находит П. А. Кропоткин в далекой Сибири?

В Иркутске П. А. сразу же попадает в круг высшей администрации края. Генерал-губернатор Восточной Сибири Корсаков принимает очень хорошо молодого офицера. Подозревая, что молодой камер-паж царя попал в Сибирь не по своей воле, а в виде наказания «за либеральный образ мыслей», генерал Корсаков не торопится отправить его на Амур, а под разными предлогами задерживает его в Иркутске и назначает адъютантом к генералу Кукелю, начальнику штаба войск Восточной Сибири. Генерал Корсаков, по-своему жалея юного офицера, не раз говорит ему, как бы утешая: «подождите, еще всех своих товарищей обгоните». В Иркутске и в Чите П. А. Кропоткин попадает снова почти в такую же социальную среду, от которой он бежал из Петербурга. «Мелочи жизни» встретили П. А. и в далекой Сибири.

Правда, в Сибири среда высшей администрации была либеральнее, у генерала Кукеля можно было найти в библиотеке и «Колокол» Герцена и его «Полярную Звезду». Но, тем не менее, это была все-таки среда русского чиновничества и военных, для большинства которых главный интерес составляли выпивка, игра в карты и погоня за наживой. Жизненным идеалом большинства было стяжание, как источник сладкого житья, под которым понималась обильная и вкусная еда и свобода от серьезного труда.

В Сибири стяжание у многих чиновников и военных переходило часто в прямое, неприкрытое хищничество. Правда, генерал-губернатор Корсаков и его помощник генерал Кукель были честные люди и преследовали хищников, но разве можно было успешно бороться с бытовыми явлениями русской жизни, выросшими на почве крепостнического строя.

В Иркутске П. А. снова соприкасается с той военной средой, которая считалась «образованной». Но огромное большинство и военных и штатских смотрели на образование просто как на некоторую привилегию, которая отделяла «образованного» от «мужика». Чтобы не быть на одном уровне с «мужиком», дворянскому сынку и нужно было знать, что Париж стоит на реке Сене, что римский император Калигула однажды велел привести в сенат своего коня и т. п.

Большинство сверстников, товарищей и сослуживцев П. А. Кропоткина, как «сиятельных», так и не сиятельных, подходили в своих взглядах на образование к тому разряду людей, о которых поэт сказал:

Сын барина, чиновника, князька
Настолько норовил образоваться,
Чтоб на чужие плечи забираться
Уметь, — а там дорога широка.

И эта широкая дорога, с которой добровольно свернул юный П. А. Кропоткин, снова разворачивается перед ним в Сибири.

Первое время можно было думать, что молодой П. А. Кропоткин примиряется с окружающей его средой. Он увлекается административной работой. Его выбирают секретарем комитета по реформе тюрем и ссылки и секретарем комиссии по выработке городского самоуправления.

Для П. А. является возможность практического проведения в жизнь реформ 60-х годов. И П. А. горячо берется за дело. «Со всем энтузиазмом девятнадцатилетнего юноши я взялся за работу», — говорит он сам. В это время он еще верит в плодотворность проведения этих реформ.

Одним из первых ответственных поручений, данных П. А., было расследование о «незаконном» применении телесных наказаний в одной из волостей Забайкальской области. Верхнеудинский заседатель Маркович жестоко обра-

щался с крестьянами, широко прибегая к порке не только мужчин, женщин, но даже и молодых девушек.

Велик был контраст—после вылощенного петербургского высшего общества, после придворных балов попасть в глухую восточно-сибирскую волость, где люди жили в юртах без окон, где черный хлеб считался лакомством и где волостной начальник, казачий офицер-пьяница, был чуть не царьком и сек розгами всех, кого хотел.

Сообщая об этой поездке брату, П. А. пишет: «Ну, Саша, начинается применение на практике моих убеждений! Каково-то удастся?.. Вот и деятельность, и я с радостью принимаюсь за нее...»¹

П. А. добросовестно расследует дело о «незаконной» порке. Он пишет полный негодования доклад, требует наказания заседателя, возмущается, горячится, но его просят успокоиться, обещают рассмотреть дело, и... в конце концов виновного заседателя переводят на более доходное место, правда, на Камчатку.

Чем больше сталкивается П. А. с административными порядками, царившими в то время в Восточной Сибири, тем больше он разочаровывается в пользе «казенной» службы. Но в то же время по письмам его к брату можно было подумать, что П. А. уже не ощущает больше того «смутного волнения чего-то жаждущей души», которое заставило его бросить Петербург, оставить любимую девушку и гнало его «на край света». Можно было подумать, что Кропоткин, как будто успокоившись и примирившись с действительностью, встал в ряды тех бесчисленных рядовых героев умеренности и аккуратности, кто составлял опору государства и у кого

Одна только заветная мечта —
Почетные доходные места...

К счастью, это было не так. Короткое увлечение служебной деятельностью скоро проходит. Молодой адъютант видит, что на государственной службе действительной пользы народу и стране принести нельзя.

И в одном из писем к брату (7 мая 1864 г.) П. А. пишет: «Мысль бросить службу и заняться честным трудом все больше

¹ См. письмо к брату от 8 сентября 1862 г.

и больше крепнет во мне (по моим убеждениям казенная служба положительно труд нечестный). Щедрин где-то удачно выразился, что одни приказывают, а другие смотрят, чтобы приказание исполнялось. Пользы другим ни малейшей — себе вред...»

И снова перед П. А. Кропоткиным встает мучительный вопрос: «Что же делать?»

О научной деятельности П. А. уже не мечтает. Он сознает, что для того, чтобы стать действительно ученым, ему надо многому учиться, многое узнать. В Сибири же нет никакой возможности даже пополнять систематически и тот запас знаний, с которым П. А. приехал из Петербурга.

В Сибири, — и в Чите и в Иркутске, — у П. А. нет близких товарищей и друзей, с которыми он мог бы в беседах на философские и научные темы расширять свой умственный кругозор. В обществе военных и штатских чиновников, в кругу которых вращался П. А., интересовались только пошлыми рассказами и анекдотами о своих ближних, выпивкой и игрой в карты.

В Чите П. А. встречается с двумя декабристами, представителями тех, перед памятью которых П. А. благоговел. Это были И. И. Завалишин и И. И. Горбачевский. И П. А. отмечает эту встречу в своем дневнике 28 октября 1862 г.:

«Сегодня утром я был у Завалишина. Личность не из обыкновенных — есть много хороших начинаний. Он страшный враг Муравьева, деспотизма в его управлении, как он сам говорит, самой личности, как говорят другие. Он страшно самолюбив. А потолковать с ним интересно...»

И затем 8 февраля он записывает снова:

«Сегодня утром познакомился с Горбачевским... Только что я вошел и был ему представлен, как он особенно дружески принялся говорить со мной. Я привозил ему посылку (карточки декабристов) от его племянника Квиста. Квист писал ему об мне, что вот-де человек едет в такую глушь, вот где решимость. Горбачевский говорит мало, больше слушает, зато трещал Завалишин. Он не умолкал просто, переиспал анекдотами, рассказывал про сплав, все это по поводу статейки, помещенной об Амуре в «Московских Ведомостях», где говорится про точность Корсакова в его 29-дневном путе-

шествии по Амуру, когда он на просьбы о хлебе предложил по генеральской замашке: «А где же мне взять? Ешьте камни». И когда был голод на Уссури, не хотел взять на свой почти пустой пароход 300 пудов хлеба для голодных станиц... Припоминал также, как при проезде Михайлова у него были Кукель, Педашенко и вечером просидели, читали... и потом все это было известно Жуковскому, — через кого, чорт знает, верно через почтовых служителей. Говорят, что все, дававшие ему обед в Тобольске, отданы под следствие. Чорт знает что творят...»

Горбачевский представлял как бы живой архив декабристов. Он отлично знал и помнил все выдающиеся факты декабристского движения и в своих беседах неизбежно переходил на далекое прошлое, на пережитое в годы юности. До конца своей жизни он сохранил радикализм своих взглядов, идеализировал народ и отличался суровостью своих моральных правил и отрицательным отношением к компромиссам. Но эта встреча П. А. с Горбачевским была мимолетная... Да к этому времени и идеалы декабристов утратили уже для П. А. притягательную силу.

Теряя надежду посвятить себя когда-нибудь всецело научной деятельности, П. А. с горьким сожалением пишет брату: «Время уходит, пропадает привычка к учебному и ученому труду, еще несколько времени, и это будет трудно осуществимо. Я предвижу это, знаю, что это будет, и покоряюсь, — стараясь чтением вознаградить невознагражденное, стараюсь обращать внимание на жизнь человека и на характер страны... Мой прежний идеал — серьезные научные занятия, приходится разбить его последние осколки...»¹

Похоронив таким образом мечту стать ученым, считая «казенную» службу трудом «нечестным», П. А. увлекается новой мечтой — стать профессиональным актером. Театр он любил с детства. В «Записках революционера» он рассказывает, что, еще будучи ребенком, он любил играть с братом в «театр».

В Сибири П. А. вскоре после своего приезда организует любительские спектакли и с увлечением играет на сцене,

¹ Письмо из Читы от 8 декабря 1862 г.

преимущественно в бытовых драмах Островского. Игра захватывает его. И он серьезно думает посвятить себя театру. Он пишет об этом брату. Брат в ужасе. По этому поводу между П. А. и его братом происходит любопытный обмен взглядами на театр и на профессию актера.

«Пишу тебе под свежим впечатлением от твоих театральных писем, — читаем мы в письме брата от 13 марта 1863 г., — не знаю отчего, но я не симпатизирую твоей актерской деятельности, она мне противна до высочайшей степени... актерство убивает истинное чувство. Оно развивает гаерство в жизни. Оно порождает хитрость, тщеславие. Оно, наконец, бывает причиной множества мелких замашек в речах, движениях, поступках... Я просто ума не приложу: ты любишь играть? Можешь ли отказаться от этой любви? Ах, если б смог...»

П. А. в письме к брату от 3 июня отвечает:

«Ты сильно нападаешь на меня за актерство, но зачем ты в таком случае не нападаешь на меня за игру на фортепьяно? Это непоследовательно. Ты говоришь, что актерство убивает истинное чувство, но в чем разница, скажи: писать драму или воспроизводить ее перед зрителем? Разве актер не так же точно т в о р и т, как сам писатель...»

Писатель решает, как действует данный человек при такой-то обстановке, под влиянием такого-то зарождающегося чувства, решает силой своего творчества, силой чутья, любви к этому лицу, путем размышления, вдохновения, — не то же ли делает и актер? И никогда мне в голову не приходило, каким путем могло бы творчество убить истинное чувство в поэте, музыканте, как в композиторе, так и в исполнителе...»

Неизвестно, до чего дошло бы увлечение П. А. театральной игрой, если бы он продолжал жить в Иркутске или в Чите. Но летом 1863 г. П. А. назначили помощником начальника каравана баржей с хлебом, который нужно было доставить в низовья Амура.

П. А. пробыл в плавании почти все лето. Эта поездка вырвала его из обычной обстановки. Плавание по Амуру имело очень большое значение для П. А. Оно пробуждает в нем инстинкт исследователя.

Великая река и дикая, суровая природа Амурского края сильно поразили П. А. Обратный путь вверх по Амуру П. А.

сделал в лодке. Это путешествие произвело на П. А. неизгладимое впечатление, и он записывает в дневнике:

«Плавание в лодке по большой реке, да еще в хорошую погоду имеет невыразимую прелесть. Огромная водная ска-терть расстилается впереди. На реке полнейшая тишина. И среди этой тишины беззвучно плывут навстречу каменные утесы высоких берегов, местами поросшие лесами.

Особенно очаровательно плавание ночью, когда полная луна отражается в заснувшей реке. Высокие береговые утесы ночью кажутся еще выше. Они покрыты черными тенями, и искрящаяся в лунном свете река кажется бесконечной дорогой, уходящей куда-то в неведомую даль...»

И эта дорога манит молодого путешественника, пробуждает в его душе смутные зовы вперед.

На сплаве П. А. непосредственно сталкивается и с «миром отверженных». Ссылные, арестанты работают матросами на баржах, и П. А. слушает по вечерам, в часы отдыха, их рассказы о своей прошлой жизни, рассказы о том, за что попали они в Сибирь. И перед молодым аристократом приоткрывается еще новая сторона человеческой жизни, полная ужаса, цинизма, грязи и тяжелых страданий.

И словно для того, чтобы в молодой душе ярче запечатлелся контраст между величавой природой и нищетой и невежеством, пошлостью и мерзостью человеческой жизни, его посылают курьером в Петербург.

В Петербурге П. А. снова попадает в «высший свет», он делает доклады министрам, посещает старых товарищей во двореце, видится с двоюродным братом, который занял при дворе то место, которое мог бы занять и П. А., если бы он остался в Петербурге, — место флигель-адъютанта царя.

Два полюса человеческой жизни, на одном из которых — роскошь, богатство, довольство, а на другом — бедность, нищета, беспросветная жизнь, — все ярче и ярче запечатлеваются в душе бывшего камер-пажа. Но П. А. еще не видит ясно того пути, который увел бы его далеко от обыденщины. Он только мечтает как-нибудь вырваться из обстановки пошлости, сплетен и обывательских интересов. Жизнь в Иркутске и в Чите не удовлетворяет его. Его тянет в тайгу, в степи, на вольный простор.

Одно обстоятельство приходит на помощь П. А. В это время русский империализм делал первые попытки захвата Дальнего Востока. В 1855—1857 гг. к владениям русского императора был присоединен обширный Амурский край, но рядом с Амуrom лежали не менее обширные Монголия и Манчжурия. И у многих царских генералов зародилась идея — «прибрать к рукам» и эти территории.

Генерал Корсаков также не был чужд этой политики. Он мечтает о титуле «графа Монгольского», — говорили о нем его соперники. Но, чтобы захватить какую-либо территорию, нужно узнать, хотя бы в общих чертах, страну. Перед военной завоевательной экспедицией нужны разведочные экспедиции. И вот генерал Корсаков намечает несколько таких экспедиций и предлагает П. А. совершить путешествие через Северную Манчжурию, чтобы установить прямой путь из Читы в Благовещенск.

П. А. соблазняется возможностью видеть новые области. Ему дают несколько казаков и переводчика. Но китайские власти не особенно охотно пускают на территорию Манчжурии русских, в особенности они зорко следят, чтобы в Манчжурию не проникали русские военные. В Манчжурии уже ходят слухи, что туда собирается идти сам «Муруфу»¹, чтобы присоединить Манчжурию к России, как это он сделал несколько лет тому назад с Амурской землей. Нужно, следовательно, как-то усыпить бдительность китайских властей. П. А. придумывает средство. Он часто играл на сцене купцов в комедиях Островского. Он разыгрывает роль купца и в действительной жизни. Генерал-губернатор выдает ему паспорт на имя «купца второй гильдии Петра Алексеева с товарищами». Во главе небольшого каравана, под видом торговца П. А. проезжает из Читы в Благовещенск через всю Северную Манчжурию. Он исследует места, где до него не ступала нога ни одного европейца. Он составляет карту пути и разыгрывает «дрянгунду» (купца) перед китайскими властями.

Путешествия все больше и больше захватывают П. А. Вернувшись из Манчжурской экспедиции, он снова едет

¹ Муравьев-Амурский.

в экспедицию на Сунгари, затем на Уссури и вниз по Амуру, до устья.

Он чувствует себя более свободным и довольным в глухой тайге или на раздолье Амура и Уссури, в компании с казаками, тунгусами, бурятами, чем в гостинной генерал-губернатора или на иркутских балах. В тайгу и манчжурские степи П. А. берет с собою книги. Немного книг. Две-три. Наиболее любимые. Какие же это книги? «Фауст» Гёте, «Астрономия» Гершеля, «Космос» Гумбольдта и еще «Философия геологии» Пэджа. Эту последнюю для перевода.

И с «Фаустом» юный П. А. бродит по тайге и степям, внимательно всматривается в окружающую его природу, стремясь познать ее тайны.

Он начинает все больше и больше понимать природу и ее язык. Среди манчжурских степей он записывает в своем дневнике слова Фауста:

Erhabner Geist. Du gabst mir, gabst mir Alles,
 Warum ich bat. Du hast mir nicht umsonst
 Dein Angesicht im Feuer zu gewendet...
 Могучий дух! Ты все, ты все мне дал,
 О чем тебя я умолял...
 Ты дал природу мне, как царство, во владенье,
 Ты дал душе моей
 Дар чувствовать ее, дал силу наслаждаться.
 Иной едва скользит по ней
 Холодным взглядом удивленья,
 Но я могу в ее таинственную грудь,
 Как в сердце друга, заглянуть.
 Ты научил меня собратий видеть
 В волнах и в воздухе и в тихой роще.
 Когда в лесу бушует ураган
 И повергает ближние деревья,
 Ломаясь с треском, богатырь сосна,
 И холм ее паденью глухо вторит, —
 В уединенье ты меня ведешь
 И сам себя тогда я созерцаю
 И вижу тайны духа моего...

И похороненная было мечта о научной деятельности снова воскресает в душе П. А. Перед ним открываются новые перспективы. Он будет путешественником-исследователем. Он посвятит свою жизнь изучению необъятных просторов Сибири и Дальнего Востока. Природа будет отныне его учителем, а эти просторы Сибири его университетом.

Во время путешествий П. А. вырабатывает в себе умение наблюдать, точно описывать то, что он наблюдал, — качества, необходимые для ученого-натуралиста.

Путешествуя по горам и равнинам Сибири, Манчжурии и Северного Китая, П. А., как он сам говорит, «много думал и размышлял». Уже в то время у него проявилась способность к большим обобщениям единичных фактов. В Сибири у него зарождается теория о великом ледниковом периоде и складывается гипотеза о геологическом строении азиатского материка.

«Хорошо путешествовать по тайге, — говорит он, — какая прелесть жить среди девственной тайги, никем не тронутой природы! Сознать, что ты вступил первым в неизведанную местность, что до тебя здесь не было цивилизованного человека, что ты первый пришел сюда и, забираясь в самые глухие дебри, на клочке бумаги рисуешь карту этой неизвестной местности и как бы приобщаешь ее к культурному миру. Как легко, как свободно дышится, когда стоишь на вершине горы и видишь перед собою необъятное пространство. Какая свобода! Какой простор! Какая красота!»

Летом 1865 г. П. А. отправляется один верхом на лошади в Саяны. Он проводит в этой экспедиции почти два месяца и делает более 1500 километров по горам и горным долинам. Путешествуя по Саянам, он хочет найти фактические подкрепления своим теориям.

Вернувшись в Иркутск, П. А. делает о своей экспедиции доклад в Географическом обществе, и Совет Географического общества предлагает П. А. организовать экспедицию для отыскания прямого пути через тайгу и горы с Ленских золотых приисков в Читу. П. А. соглашается и энергично берется за подготовку экспедиции. Весной 1866 г. П. А. в сопровождении своего друга И. С. Полякова и топографа Мошинского с десятью казаками отправляется в далекое и трудное путешествие.

Целых четыре месяца П. А. провел среди глухой тайги и гор. Он спустился вниз по Лене на повозке до селения Витимского, а оттуда верхом на лошадях поехал на Ленские золотые прииски.

После открытия П. А. на Патомском плоскогории следов ледниковых отложений у него сложилась в общих чертах теория о великом ледниковом периоде. В это же время у него наметилась и другая теория о строении Азиатского материка и о расположении горных хребтов Восточной Сибири.

Пребывание на золотых приискаx открыло молодому офицеру картину капиталистической эксплуатации. На приисках он познакомился с трудом рабочих, добывающих золото. С глубоким негодованием он сообщает брату с Тихонозадонского прииска следующее:

«Сейчас я нахожусь в самом центре маслoпузского¹ владения. Вот где вдоволь насмотришься на порабощение рабочего капиталом... Рабочие стоят в разрезе в дождь, холод и жар с четырех часов утра до одиннадцати часов дня, а затем с часу до восьми часов вечера, занимаясь самой тяжелой работой...

Работать приходится иногда по колена в воде... Получая десятки пудов золота, хозяева платят рабочим гроши, да и эти гроши тут же стараются выманить у рабочего, опаивают их, выставляют женщин и т. д.»

И среди тайги и гор в уме П. А. все чаще и чаще зарождаются мысли о несправедливости существующего социального устройства общества. Перед П. А. в Сибири встали во всей неприкрашенной действительности нищета и страдания эксплуатируемых народных масс.

Страдания народа, его бесправная, полная нищеты и лишений жизнь волновали П. А. с юных лет, и тогда он еще задумывался, каким образом он мог бы принести обездоленным народным массам хоть какую-нибудь пользу, облегчить их тяжелую участь. Но он не знал, что нужно для этого делать

И в 1864 году в дневнике П. А. мы находим запись:

«Где та польза, которую я мог бы приносить? И что ж мои мечтания? Бесполезны? Бесплодны, по крайней мере. И с каждым днем, с каждым разом, как я встречаюсь с народом, с его жалкою жизнью, как читаю об этих страшных насилиях,

¹ «Маслопузы», или масляные пуза, — так П. А. называл купцов-золотопромышленников.

которые терпят хоть христиане в Турции, — боль, слезы просятся. Как помочь, где силы? Не хочу я перевернуть дела, не в силах, но я хотел бы тут, вокруг себя, приносить хотя микроскопическую пользу им — и что же я делаю, чем приношу? И умру я, видно, ничего не сделаю, и все мы помрем, проживши так же бесполезно...»¹

В 1864 г. П. А. берет у ссыльного поэта М. И. Михайлова произведение Прудона «*Les contradictions économiques ou la Philosophie de la Misère*», и эта книга производит на П. А. большое впечатление. Но Прудон не революционный социалист, а мирный реформист, и П. А. вместе с Прудоном думает в это время разрешить великий социальный вопрос мирным путем, путем организации артелей и промысловой кооперации. Для организации рабочих ассоциаций нужны деньги. Где их взять? И П. А. наивно предполагает, что деньги дадут передовые представители имущих классов: стоит только разъяснить дело богатым и добрым людям — и капиталы найдутся.

В том же письме к брату с Тихонозодонского прииска П. А. пишет:

«... За капиталом авось дело не станет, — вот хоть бы половина батькиной земли, — славное основание могла бы положить, другая половина — на распространение тех знаний, которые могут привести молодежь к сознанию необходимости подобного же образа действий, как предполагаемый нами. И неужели уже нет и не будут плодиться подобные же отказы от собственности? Если нам, не передовым людям, могла притти в Сибири эта мысль и могло развиваться омерзение от пользования незаработанным, то неужели в кругу российских баричей еще не найдется десятков, сотен подобных же не передовых, и неужели передовые не делают того же?»

Мы видим, что П. А. стоит еще в это время всецело на утопической точке зрения. Его утопизм заключался в вере, что найдутся сознательные и добрые благодетели, которые освободят угнетенное человечество и уничтожат несправедливость. Великий утопист Фурье, как известно, долгие годы ждал прихода в свою квартиру благодетеля «миллионера», который

¹ Дневник П. А. Кропоткина. Изд. Центрархива, М., 1932 г., стр. 180—181.

принесет ему деньги на устройство первого образцового социалистического фаланстера. Фурье умер, не дождавшись прихода миллионера-филантропа. Гениальный утопист глубоко ошибался, веря в «доброе сердце миллионеров». Зablуждался в этом отношении и П. А. Кропоткин. Ни российское, ни какое-либо другое «барство» в своей массе никогда добровольно не шло и не пойдет ни на какие жертвы и на отказ от своего привилегированного положения.

Впрочем, П. А. в глубине души и сам сознавал, хотя еще очень смутно, всю утопичность своих взглядов на разрешение социального вопроса мирным путем. Перед ним уже вставал вопрос о революции. Но революция еще пугала его жестокостью, кровью и насилием.

В письме к брату с Крестовского прииска П. А. пишет: «Читал я о книге Кине «Революция». Вопрос очень важный, насколько революция может считать себя в праве прибегать к безнравственным мерам... насколько полезно для самого дела принимать безнравственные меры?..»

Считая, что «безнравственные меры» деморализуют и человека и общество, П. А. дальше добавляет: «Но, с другой стороны, если принять только нравственные меры, как единственно позволительные во время революции, возможна ли будет вообще революция когда-либо? Ведь там сила. Как же ты силу поборешь иначе, как не безнравственной мерой, т. е. силой же...»

Так встает перед П. А. Кропоткиным вопрос о революционном насилии и его применении. В конце цитируемого нами письма П. А. говорит: «Где же критерий? — Один критерий остается — полезность и вредность для большинства в настоящем и будущем, — везде этот критерий для определения нравственного поступка... О положениях же Кине, особенно о практической стороне дела стоит подумать, да не по силам оно теперь моему мозгу...»

Вопросы социальные, вопросы о несправедливом устройстве жизни, вопросы о способах уничтожения общественного неравенства все более и более захватывают бывшего царского камер-пажа.

В одном из писем брату с Ленских приисков П. А. пишет: «Не знаю, полезна ли такая жизнь (путешествия и ис-

следования), но я по несколько раз в день иногда повторяю себе: В Питер, непременно, будь что будет... Весело ли хоть теперь быть нахлебником у этих маслопузов, жить на их краденном хлебе?..»¹

«... Утешаешь себя тем,— пишет П. Крототкин в том же письме, как бы стараясь оправдать себя, — что без помощи капитала наука не могла бы двигаться вперед... а без науки и пролетарию никогда не выбиться...»

Но в душе П. А. хорошо сознает всю ложную софистику таких взглядов, и он все больше и больше приходит к убеждению, что та жизнь, какую он ведет в Сибири, собственно говоря, «безнравственна», раз он осознал несправедливость капиталистического строя.

Что же делать? Нужно работать над разрушением капиталистической системы общества, раз эта система несправедлива. «Теперь такая работа нужна, — пишет П. А. брату из Витимской тайги, — которая подрывала бы значение капитала, а не то что приносила бы ему пользу, хотя бы то и была грошовая польза. На подрыв капитала надо бы употребить силы, а не на поддержку, хотя бы и самую косвенную...»

Итак, в Витимской тайге перед П. А. Крототкиным вплотную становится проблема перехода в лагерь революции. До этого момента социализм был для него прекрасной, но далекой утопией. Из произведений Чернышевского, из его романа «Что делать?» П. А. Крототкин был знаком с идеями социализма, но эти идеи казались ему лишеными реального значения. Они не приобрели еще до 1866 г. жгучей остроты для П. А., и поэтому он еще не входил в революционные ряды. Только тогда, когда он познакомился непосредственно с «миром отверженных», когда он увидал своими глазами нечеловеческую эксплуатацию рабочих на золотых приисках, он понял, что настоящее дело, единственно «нравственное» — это работа, которая направлена, как он говорит, «на подрыв капитала», а не на его укрепление.

Но П. А. не видит еще тех путей, которые повели бы прямо к разрушению господствующего строя. Он хочет найти эти пути,

¹ Олекминско-Витимская экспедиция была снаряжена на средства иркутских золотопромышленников.

но в Сибири без книг и без людей трудно это сделать, и поэтому у него все чаще и чаще появляется мысль: «в Питер, в Питер во что бы то ни стало!».

«Пора все бросить, — пишет он брату 27 июня 1866 г., — и в Питер. Быть может, о б щ е с т в е н н ы е вопросы займут меня настолько, что оторвут меня от физики (т. е. естественных наук вообще), — пусть к ним все больше моя душа лежит, чем к геологии или этнографии, которыми занимаюсь в экспедициях...»

Итак, у П. А. намечается новый перелом, вопросы «общественные» начинают занимать его больше, чем вопросы научные. «Наука» или революция — так ставится вопрос. И в душе П. А. возникает снова борьба. Куда итти?

Эта борьба продолжается целых четыре года. Победа осталась, как мы знаем, за революцией.

Вернувшись осенью 1866 г. из Олекминско-Витимской экспедиции, за которую Русское географическое общество наградило П. А. большой золотой медалью, П. А. начинает готовиться к отъезду в Петербург. В его дневнике в эти дни мы находим запись: «Жизнь в этом обществе становится с каждым днем заметно неприятнее, даже и при здоровом настроении духа. Противно сознавать, что видишься с людьми, говоришь с ними как с порядочными, в то время как они плевать не стоят, и чувствуешь себя не в силах, не в праве плюнуть им в рожу, когда сам не лучше их, носишь ту же ливрею, выделяешь те же штуки, — чем же я лучше, где основание, на котором я мог бы действовать, сам несамостоятельный человек, к тому же мало развитой?..»

Одно событие ускоряет отъезд П. А. из Сибири в Петербург. Это — восстание в Забайкалье ссыльных поляков. Усмирять восставших были посланы войска из Иркутска. И П. А. понял ясно, что армия содержится не только для отражения внешнего врага, но и для подавления врагов внутренних. В «Записках революционера» П. А. говорит, что это восстание «открыло нам (ему и брату) глаза и показало то фальшивое положение, которое мы оба занимали как офицеры русской армии...»

Ранней весной 1867 г. в морозное апрельское утро П. А. покидает Сибирь. Он приезжает в Москву, едет в Николь-

ское, где как будто ничто не изменилось со времени его отъезда. Но сам он уже не тот, каким был пять лет тому назад.

В Сибирь он поехал юношей, а возвращается уже много видевшим взрослым человеком.

«Пять лет, проведенные мною в Сибири, — говорит П. А., — были для меня настоящей школой изучения жизни и человеческого характера. Я приходил в соприкосновение с различного рода людьми, с самыми лучшими и самыми мудрыми, с теми, которые стоят наверху общественной лестницы, и с теми, кто прозябает и коптится на последних ее ступенях: с бродягами и так называемыми несправимыми преступниками. Я видел крестьян в их повседневной жизни и убеждался, как мало может дать им правительство, даже если оно одушевлено лучшими намерениями. Наконец, мои продолжительные путешествия на перекладных, на пароходах, в лодках, главным образом верхом на лошади удивительно закалили мое здоровье. Путешествия научили меня тому, как мало в действительности нужно человеку, когда он выходит из зачарованного круга условной цивилизации. С несколькими фунтами хлеба и маленьким запасом чая в переметных сумках, с котелком и топором у седла, с кошмой под седлом, чтобы покрыть ею постель из свежесрезанного листвяка, человек чувствует себя удивительно независимым даже среди неизвестных гор, густо поросших лесом, или же покрытых глубоким снегом...»

В Сибири, во время своих странствований по дикой тайге, по неисследованным горам и долинам, П. А. Кропоткин окончательно формируется как человек. В Сибири же закладываются и основы его анархического мировоззрения. С такими настроениями он возвращается в Москву.

В Москве и в Никольском обывательщина и атмосфера «мелочей жизни» снова охватывает П. А. Кропоткина, и в письме к брату из Никольского у П. А. вырывается: «барство, барство — слово, которое я сотни раз повторяю с тех пор, как попал в Москве опять в этот подлый круг... Здесь не дают мне покоя, ухаживания их отвратительны, глупы...»

И П. А. чувствует себя совершенно чужим в этой атмосфере. Внутренно он уже окончательно порвал все связи со

своим классом. Он уже считает себя, как он говорит, «умственным пролетарием», но он еще не связывает своей жизни с жизнью трудящихся масс.

Осенью 1867 г. П. А. уезжает в Петербург и поступает в университет. Наука еще властно привязывает его к себе: он думает еще соединить занятия наукой с служением революции. Так проходит три года. В это время в Западной Европе слышатся далекие раскаты приближающейся социальной бури. Рабочие массы в Западной Европе объединяются под знаменем Интернационала. Близится восстание Парижской коммуны. П. А. живо интересуется рабочим движением в Европе. В душе П. А. Кропоткина медленно, но неуклонно нарастает последний кризис, которым закончится перерождение князя, аристократа и камер-пажа в «умственного пролетария», в революционера.

Но прежде чем перейти окончательно в стан борцов революции, П. А. Кропоткину предстояло одержать еще одну победу над собой. В 1871 г. его избирают генеральным секретарем Географического общества. В то время это был высокий и важный пост. Географическое общество считалось «императорским», председателем его был брат царя, членами — заслуженные генералы, придворные и высшие государственные деятели. Этот пост давал П. А. возможность всецело отдаться любимой научной деятельности.

Но и на этот раз П. А. нашел в себе силу отказаться от «высокой чести». Этим он ставил крест на своей научной карьере. Он окончательно порывает с своим классом. Это было в сентябре 1871 г., когда во Франции версальские палачи творили суд и расправу над пленными защитниками разгромленной Коммуны.

Трагические события Парижской коммуны явились тем фактом, который заставил П. А. Кропоткина окончательно, непоколебимо, раз навсегда, перейти на «другой берег», по ту сторону социальной баррикады и неразрывно связать свою жизнь с делом трудящихся масс.

Н. Лебедев

**ПИСЬМА БРАТЬЕВ
ПЕТРА и АЛЕКСАНДРА
КРОПОТКИНЫХ**

1862 год

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Нижний-Новгород, 27 июля 1862 г. ¹

Милый Саша! Моя записка верно удивила тебя, я писал ее под диктовку отца, как ты верно сам догадался.

В день отъезда отец проснулся очень рано, раньше, чем я предполагал вставать, т. е. в 6 ч. утра. Задолго еще до этого он будил меня, я говорил, что «рано». — «А я вот всю ночь не спал». — «Отчего?» — «Все думаю о нем». Он тебя избегает называть. «Ты вот напиши ему, что я придумал...» Мне пришлось несколько раз уверять его, что теперь ты не тот, что ты готов служить, не откажешься даже и от какого-нибудь незавидного местечка. — «Фанаберия-то верно от голода прошла». — «Может быть», и т. п. Наконец, когда я писал тебе, пожелав всего лучшего, я спросил: «от себя и от вас?» — «Ну, пиши и от меня».

Итак, общий вывод, — еще одной вероятностью больше, что мы с тобой увидимся. Недурно! Но меня беспокоит, чем ты проживешь теперь, а слабой надежды на отца мне далеко не достаточно. Пиши о себе подробнее и скорее по получении письма, чтоб твое письмо застало меня в Омске (адрес — в Омск до востребования).

Что сказать тебе, Саша, о своей дороге? Писать тебе о дорожных впечатлениях?.. Ей-ей, не знаю почему, как-то не пишется, хотя ты и прочел бы с удовольствием, но тебя

¹ П. А. выехал из Москвы в Сибирь 22 июля утром. До Владимира на Клязьме он ехал по железной дороге, а от Владимира до Нижнего на лошадях. Железная дорога в 1862 г. была построена еще только от Москвы до Владимира. (Прим. ред.)

интересовало бы не то, что делается во Владимире или Нижнем, а то, как я на это смотрю, а для этого не стоит исписывать листов. Дорожные впечатления оставляю для Елиз[аветы] Марк[овны]¹ и других, а тебе лучше прямо скажу о себе.

Дорога меня интересует, ты об этом сам догадываешься. Она доставляет мне удовольствие и на мое здоровье дурно не отзывается — скорее хорошо: я полнею, если не в щеках, то в теле, мне это не мешает. Я чувствую себя бодрым. Во Владимире, вечером, я походил по городу, по старому валу (древность какая!). В Нижнем очутился 24-го вечером (22-го во Владимире, 23-го в Вязниках, 24-го Нижний, 390 верст). Каждый день ночью и располагаю так ехать всю дорогу. В Нижнем осужден сидеть до понедельника или до вторника, когда идет пароход в Пермь. Однако мое заточение недурно: под боком ярмарка, а ярмарка интересна, с другой стороны — Нижегородский кремль со старыми соборами, вечевой площадью и восхитительным видом на соединение Оки с Волгой, где на мысу ярмарка, и на раздолье в 30 верст в окружности и даже больше. Все это, вместе с ходьбой, — очень много жожу (в статском), — помогает печени исправно работать, и я довольно здоров. Езда на перекладных, к удивлению, не утомила меня нисколько, правда я сделал в два дня по 110 верст и ночевал. Теперь поеду на пароходе, тоже хорошо, дальше посмотрим, тогда напишу.

Дорогой знакомлюсь с купцами, собираю сведения об Амуре, сведения самые разнообразные. Завтра пойду на Сибирскую пристань расспрашивать...

Саша, пиши больше! До свиданья, слышишь?

П. Кроткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

28 июля 1862 г.

Меня сильно беспокоит твоя поездка. Как-то ты доберешься до Иркутска, голубчик мой, Петя. Я даже боюсь, чтобы как-

¹ Елизавета Марковна — мачеха П. А., дочь адмирала Черноморского флота Карандино. *(Прим. ред.)*

нибудь не напали на тебя разбойники. Хорошо еще, что с тобой едет денщик ¹, это хоть немного успокаивает меня.

Я написал сегодня письмо отцу и письмо маме, прошу дать мне средства излечиться от ревматизма в водолечебном заведении. Если ходить туда из дому, то надо в месяц 30 рублей, квартира со столом неподалеку от заведения, да прочее — также 30 р., итого в месяц — 60 р., лечение два или три месяца. Авось согласится отец, но я мало надеюсь, хотя я пишу, что больной не буду в состоянии служить не только что на Амуре или в Москве, но даже где-нибудь и на юге.

А уж как я рад предложению отца! Дай-то бог только, чтобы не пришлось ехать не излечившимся. Славно мы заживем вдвоем. Я согласен занять место, даже самое незавидное, жалованья при трехстах рублях от отца будет для меня довольно.

Из больницы я уже выписался, но боли в сочленениях продолжают, особенно болит левая пятка.

Пиши мне отныне на имя Леночки ² с передачей мне.

Твой брат Александр

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Пароход «Купец», Кама, 3 августа 1862 г.

Ну, милый Саша, все подвигаюсь помаленьку, вот уже скоро и Пермь. Повторяю то же, что писал из Нижнего, что дорога отзывается на мне хорошо, что я здоров, — нет безобразной скуки, которая гонялась за мной по Питеру, да душила в Никольском. Если бы... да разве в жизни будут минуты, когда не будет слышно этого е с л и б ы!.. Я надеюсь, что мы расстались ненадолго, скоро свидимся, только ради бога (или, лучше, ради тебя самого) береги себя, простудишься, — так и ехать нельзя будет: а вот я узнал, что около Иркутска есть горячие серные воды, и что эти воды помогают

¹ Денщиком П. А., сопровождавшим его в Сибирь, был отставной солдат по фамилии Петров, уроженец Калужской губ.

² Старшая сестра П. А. и А. А. — Елена Алексеевна, по мужу Кравченко. (Прим. ред.)

от ревматизма, по крайней мере очень помогли тому [человеку], который говорил мне это; для тебя замечу, что он очень бережет свои ноги, ходит в шерстяных чулках.

На пароходе есть несколько сибиряков, народ все хороший, один из них иркутский житель, едет теперь в Иркутск, а прежде бывал и на Амуре и в Благовещенске. Вот что рассказывал он: мой выбор прекрасен, Николаевск и сравнить нельзя с Благовещенском, климат очень хорош, местность ровная, горы уходят во внутрь, огромные луга. Сообщение с Иркутском удобно, но только летом, а потому он советовал мне не засиживаться, а спешить, даже по возможности не ночевать, не то, говорит, вы всего натерпитеесь и накупаетесь в Амуре и доедете (хоть и без опасности), но со всякими неприятностями. Лед (на Амуре) идет около середины октября, как я и говорил. Жаль, что я опоздал немного, но делать нечего, проскакать 4000 верст до Иркутска, не ночуя и не останавливаясь в городах, — невозможно для меня; меня утешают скорой сибирской ездой и говорят: «только не задерживайтесь в Иркутске». — «Да я не больше недели». — «Ну, так еще доедете». Иные утешают: «Да вас оставят в Иркутске». Я бы этого не желал. Впрочем, если бы я и не поспел во-время, то лучше дождусь прочной дороги, чем пускаться наудачу.

Из Перми я, как знаешь, обещался писать Леонтьеву¹, и напишу, только едва ли что из этого выйдет, я начинаю убеждаться, что про жизнь сказать что-либо после беглого обзора очень трудно, нужно иметь знакомых, чтобы пользоваться их рассказами, а туристские заметки о губернном городе едва ли могут быть интересны в журнале.

Пермь, 6 августа

Сейчас отправляю письмо Леонтьеву². Пожалуйста, недельки через три по получении этого письма зайти в редакцию.

¹ Леонтьев, Павел Михайлович — редактор газеты «Московские ведомости». В качестве «воскресного приложения» к этой газете издавалась газета «Современная летопись», в которой и печатались корреспонденции П. А. Кротопкина из Сибири.

² Первое письмо-корреспонденция—«На пути в Восточную Сибирь» — напечатано в № 34 «Современной летописи» за 1862 г.

(Прим. ред.)

(близ Ивановского монастыря, в Большом Трехсвятительском переулке, д. Клевезаля) и справься, напечатают или нет. Если напечатают, то я прошу выслать мне «Современ[ную] летопись» на 1862 г. в Иркутск, я пишу об этом в письме, а ты напомни. Кстати узнай имя и отчество Леонтьева, а то я в большом затруднении, как адресовать, пишу про дорогу от Казани и про Пермь, что она прескучный город, и про цены (дороги) и про растительность очень бедную. При этом извинился недостатком материала.

Я здесь уже два дня, бьюсь, чтоб достать тарантас, но все большие — на 3 лошади, и попутчика нет, или предлагают гадость, которая доедет не далее Екатеринбург. Ехать на перекладных отсоветывают, — при такой езде я должен буду ночевать, а я должен спешить, что есть мочи. Уеду отсюда не ранее как завтра.

Вечером

Спасибо Лорану, помог через своего друга батальонного командира, который прислал мне мастерового, тот обнюхал весь тарантас, открыл в нем недостатки и достоинства. Недостатки исправимы, а потому тарантас поправят и я покупаю его. Бедный солдат старается, ему сказано, что из Иркутска я буду писать Сен-Лорану, какова была работа, а потому надеюсь — тарантас будет хорош. Стоит 48 р. да поправка 12, итого 60 р. Как я ни ежился, а пришлось взять. Едучи на перекладных, пришлось бы ночевать каждый день... В тарантасе, ну хоть через день или два, а мне это важно — надо спешить. Потом не говорю уже об удобствах, здесь пермские кибитки, в которых надо сидеть согнувшись или колотиться головою об верх. И то и другое нестерпимо. Попутчика нет, а я ли уже не старался, все буквально (штук 7—8) гостиницы изъездил, и все без толку; недели через две попутчиков будет бездна, но мне ждать нельзя. Завтра непременно еду, после обеда. В Иркутске надеюсь быть около 13 сентября. Пиши непременно в Иркутск (уже не до востребования). Пиши.

П. Кропоткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

14 августа 1862 г.

Вот уже двадцать один год, как я живу на свете, сегодня день моего рождения. Двадцать один год — не мало, особенно теперь, когда развиваются и мужают так быстро: в наши времена личность вполне определяется даже ранее двадцатилетнего возраста. Что такое я — уже давно определилось, день моего совершеннолетия застает меня в сущности тем же, чем я был давным-давно, тем, чем я буду впоследствии. Я до того далеко отстаю от идеала, который живет во мне, что больно... Я нисколько не черню себя, я правду говорю, называя себя ничтожным, вполне ничтожным человеком.

В уме и сердце, даже в телесном достоинстве не отказала мне природа, ни по уму, ни по сердцу я не принадлежу к толпе. И, несмотря на это, я все-таки лишний, пустой человек, одно из созданий, «томящихся в пустом брожении» — одно из созданий, без толку заселяющих нашу незавидную планету. Действительно, что такое жизнь моя? Человек познается по делам его. Поэтические грезы и пустой дилетантизм в науке, со смелыми, но поверхностными догадками, неспособность к глубокому чувству и гнусное самонаблюдение, порыв к благородной деятельности и барахтанье на месте от неспособности к упорному занятию, подлые увлечения при характере, в сущности благородном и любящем, бедность, даже бедность от дряблости ума и воли, бедность при страдательном равнодушии к несчастьям, вообще одинокое услаждение грезами и поверхностными теориями, да одинокий плач о бессилии, — боже, таких людей даже не проклинаят, но кто не назовет их лишними?

Не подумай, что я тоскую о своей дряблости оттого, что не вижу в жизни моей блестящих подвигов. Нет, мне больно, что в ней полное отсутствие просто дел, обличающих силу ума и стойкость характера. На подвиги я способен не менее, чем кто другой, но ведь и Рудин погиб на баррикадах. Дело в том, что подвиг, собственно говоря, легкая вещь и мало ценная, он продукт мгновения, электризирующих событий, воодушевляющей обстановки, человек с сердцем не может не вдохновиться, когда идет решительная борьба за свободу и бла-

годенствие. Но вдохновение — ненормальное состояние, трагические минуты в народной жизни — редкость. Истинный деятель не тот, кто довершает дело в чаду событий, но тот, кто упорно работает в годы наружного спокойствия, в годы страдания втихомолку, в обыкновенные годы. Для работы такого рода нужны упорный ум, упорная воля, да неугасаемая, тихая любовь к добру и к истине. Этого-то и нет у меня. Что же после этого мои умные и честные порывы?

Уж пусть бы не просыпались во мне благородные стремления! Пусть бы не жаждал я жизни, которою бы упиться можно было! Пусть бы вышел из меня рядовой человек! Зачем было мне, бессильному созданию, провидеть человеческое назначение?.. У меня нет сил для достойной человека жизни.

Бессилие мешает мне даже стать просто порядочным человеком, трудовым человеком на личную пользу. Мне двадцать один год, а я даже не мог завоевать себе в обществе звания человека самостоятельного, последний поденщик достойнее меня.

Неужели общество не виновато в том, что в среде их находятся такие дармоеды?

От отца известий нет. Мачеха написала недавно, что пострадается уговорить отца дать мне денег на лечение.

Твой брат *Александр*

Письма мне адресуй на имя Леночки, с передачей немедленно в д. Страхова или где я буду. Это оттого, что Ваня, пожалуй, съедет, не то я.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Омск, 19 августа 1862 г.

Вот, милый Саша, все подвигаюсь, вот и Омск. Я уже проехал на почтовых от Перми около 1500 верст из 3800 до Иркутска. Как видишь, недалеко до полдороги, а я еще не устал, не измучился, а, напротив, чувствую себя здоровым, как нельзя лучше, и усталости еще не чувствую большой, даже признаться — никакой. И отчего ее чувствовать? В Перми я купил себе тарантас, который после некоторых по-

правок оказался очень порядочным, в нем трясет не слишком сильно, гораздо меньше, чем на перекладных; изредка ночью, напр. в Екатеринбурге, Тюмени, Омске, да, кроме того, если уж очень спать хочется и когда Петров¹ очень устал, так сплю часа два на станции, и как сладко прикурнешь на деревянном диване.

От Перми до Екатеринбурга мы все переваливали через Урал: горы, густые сосновые боры из-за сизого тумана, заводики выглядывают из-за лесов, вот общая физиономия этой дороги. По ней сплошь тянутся обозы с чаем, с хлопком. Ночью обозы ночуют около дороги, беспрестанно виднеются костры, черные фигуры около костров... Тут что-то вроде шоссе, везут хорошо. Одно было плохо—целую неделю почти после того, как я выехал из Перми, лил не переставая дождь, перестанет несколько часов, прояснится небо, появится какая-нибудь мохнатая гора на горизонте, и снова все затянется дождем, вроде петербургского тумана. В Екатеринбурге я переночевал и утром же выехал дальше.

Что, брат, сказать про то, каковой показалась мне Сибирь? Обманула! Ведь с детства учат нас про сибирскую тайгу, про тундры, про степи, и мы при слове степи рисуем себе Сахару с ее песками. А тут выходит совсем наоборот. До Тюмени еще, и несколько за Тюменью, тянутся безотрадные болота: едешь по гати, а кругом густая, высокая трава, но не суйся в нее — сгинешь, так и втянет в тину. По болоту растет мелкий березняк, пересохший большей частью. А за Тюменью начинается благодать, да какая! — чернозем, какого я никогда еще не видал, тучность почвы такая, что трава растет в поле в аршин вышины, да густая такая, что муравью кажись не пролезть, камыши ли в болоте,—так-таки и видна их сила, рослость. А хлеба, овсы такие, какие едва ли в Тамбове родятся. Страна богатая, каждый крестьянин пашет по 25—40 десятин, и какие урожаи! Везде довольство, скота много, корм дешев и человеку так же дешево жить. Петрова на постоянных дворах кормят чуть не даром, за бесценок. Чистота, опрятность, щегольство в одежде... Лошади (кони, как их зовут) прекрасны, сытые, пузатые. При дурной

¹ Слуга П. А.

(Прим. ред.)

дороге в тарантас, где сидим двое, да пудов 8 клади, который обыкновенно возит пара, запрягают четырех, пять, даже шесть лошадей! А прогоны — за пару. Зато же и возят! Живя в России, не составишь себе понятия об такой езде. Вот, брат, какова Сибирь!.. Дивная страна!..

Теперь начались степи, кругом не видно им конца, луга да пашни. Народ умный, веселый, смотрит тебе прямо в глаза, не дичится, работающий, славный народ!..

Из Тюмени, 14 августа, я еще написал Леонтьеву. Справься, пожалуйста, напечатают ли. Тебе я не писал оттуда вот почему. Приехавши, принялся писать Леонтьеву. Прописал до 2-х ч. ночи. Утром снова принялся доканчивать¹. Провозился часов до 11-ти, необходимо ехать, я и решил, что напишу из Ишима. Но дорога до Ишима была так отвратительна; дождь лил ливнем, дороги размыло, просто ехать нельзя, приходилось ехать шагом. И вот я делал станции по 33 версты в 7¹/₂ ч., между тем как обыкновенно здесь езда 2¹/₂ ч. Оказалось, что я сильно опоздал в Ишим против расчета, поэтому я и проехал его, не останавливаясь.

Вот уже 3 дня, как дожди перестали, солнце печет (а по утрам морозы), днем тепло, дороги просохли, и я еду прекрасно, скоро, покойно. Со мной едет какой-то господин, довольно интересный, с убеждениями, поэт, музыкант, не глуп, хорошо знает Сибирь. Мы сидим вместе в тарантасе, а Петров у него в кибитке и едем болтая, время проходит незаметно.

Из Томска еще напишу. Я спешу кончить, потому что надо написать еще по нескольку слов отцу и Елизавете Марковне, а надо спешить ехать: Амур и льды на горизонте. Прощай.

П. Кропоткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

19 августа 1862 г. Вечер.

Твое письмо из Перми я получил 16 августа, вечером. В тот же день, утром, я послал тебе письмо, третье по счету

¹ Второе письмо—«От Перми до Тюмени»—напечатано в № 36 «Современной летописи» за 1862 г. (Прим. ред.)

со дня твоего отъезда. Все три письма были адресованы в Иркутск, до востребования. Второе с моим портретом. От тебя я пока получил только два письма. Одно из Нижнего, другое из Перми.

Ну, что написать тебе о моей дрянной жизнишке? Право, нечего. Бедность, бесцветность, пустота, — ну все, как обыкновенно водится у лишних людей. Впрочем, вот уже давненько, как я живу еще хуже, еще несчастнее, чем прежде. Бывало, я тешился научными занятиями, т. е. верхоглядничеством в геологии, психологии и астрономии. Теперь и того нет, значит ничего, положительно ничего нет — никакой отрады, никакой деятельности. Отчего? чорт знает. Думал было, что от пустоты в кармане, да нет. О своей бедности я, как вообще лишние люди, мало забочусь. Значит — время на бестолковое и бесплодное раздумывание о всякой всячине есть; но ничто не развлекает. Нет, просто лень, апатия, так свойственная нашему брату, лишнему, слабому.

Как тебе известно, я собирался написать и посвятить тебе маленький, но подробенький трактатик о религии. Как и следовало ожидать, я не написал пока ни строчки. Зато заглавие придумал: «Б о г п е р е д с у д о м р а з у м а». Да и эпиграф уже есть: «Да будут тебе словеса сия, яже аз заповедаю тебе днесь — в сердце твоём и в душе твоей... и да глаголаша о них сидяи в дому, и идя путем, и лежа, и восставая». И того довольно. Так ли? Боже, что я за гнусный и пошлый человек! Неужели вся моя жизнь будет состоять лишь из одних попыток!

...Я чувствую, что все желанья тщетны, —
 Что внутренно я хил,
 Мои стремления умолкнут...
 В попытках я запас истрачу сил...

Запас, скудный запас, ничтожных сил. На попытки только и достанет у меня сил, их мало так. Да достанет еще на гнусные жалобы вроде тех, что я изливаю теперь перед тобой. Ну, пока больше нечего писать.

Твой брат Александр

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Томск, 25 августа 1862 г.

Вчера я приехал, Саша, в Томск, — мы ехали довольно скоро, не ночевали, а спал я в тарантасе, и спал очень порядочно. Теперь в Томске делается привал, сутки или немного более, сегодня же вечером еду дальше. Вот, Саша, ты так боялся за мое здоровье, а здоровье как лучше и не надо — дорога вовсе не так ужасна, одно не совсем хорошо, — все полнею, платье придется переделывать. У меня нашелся попутчик, едет на перекладной почте почти с одинаковой скоростью, как и я, днем он садится в мой тарантас, на ночь порознь. С ним ехать не скучно. Человек, несмотря на свои 30 лет, еще не испортившийся, верит во все хорошее, мечтает сделать многое (напр. в горах, в Минусинске, основать свободное, независимое от царя общество), конечно, фантазирует, но фантазирует недурно. Он довольно хорошо знает Сибирь, Иркутск, Корсакова¹ и его окружающих и рассказывает много интересного. И вот мы едем довольно незаметно, теперь до Иркутска осталось не более 1500 верст. Теперь вопрос в том, останусь ли я в Иркутске или поеду в Благовещенск. Этот господин уверяет меня, что Корсаков оставит меня непременно при себе, что довольно вероятно. Но, кажется, в Благовещенске у Буссе² не хватает адъютанта, и меня, пожалуй, пошлют туда. Не знаю, что будет лучше. Конечно, состоять при Корсакове гораздо лучше, чем при Буссе, тут скорее удастся разъезжать повсюду, побываю и на Амуре, и, пожалуй, в Китае, говорят, что Буссе добрый, но недалекий человек, немец (русский, конечно), а ты знаешь, как я им симпатизирую. Впрочем, что об этом загадывать, это решится в Иркутске, так как там вероятно встречу с Корсаковым.

Сегодня же пишу Леонтьеву, справься и напиши, печатают ли. Если не печатают, то вытребуй назад и по собственному усмотрению реши, если годится — отдай куда знаешь, ну

¹ Корсаков, Мих. Сем. — генерал-губернатор Восточной Сибири.

² Буссе, Ник. Вас. — военный губернатор Амурской области.

(Прим. ред.)

хоть в «Сын Отечества», там будут этому рады и что-нибудь заплатят. Если нет, не годится, — так и чорт с ним! Это уже 3-е письмо: из Перми, из Тюмени и из Томска ¹. В этом письме я пишу ему, что за дивная, богатая страна Сибирь, а я еще еду не самым югом. Что же на юге, если и здесь так богато! Вот где со временем образуется самостоятельное государство, кто знает, может быть, на новых началах. Богатейшая страна.

Пиши, пожалуйста, как дела на Руси, пиши подробнее, в случае надобности знаешь, как писать ².

Твоих писем я не нашел в Омске, да и не могли быть. Тогда там была получена почта только от 28-го или 29-го. В Иркутске, верно, будут. Чем дальше, тем больше я убеждаюсь, что дорога—моя сфера; одно нехорошо: подчас хочется почитать серьезного, позаняться — и нельзя. Знаешь, что мне в голову пришло, — мне бы хорошо было быть странствующим актером, это по мне, все те, с которыми я встречаюсь, замечают во мне актерские способности.

Впрочем я глупости тебе пишу. Меня теперь сильно занимает вопрос, как бы устроиться здесь скорее и чтобы ты приехал сюда. Это будет, кажется, не очень трудно: а потому я утешаюсь мыслью, что скоро увидимся.

П. Кропоткин

Руки чешутся, когда читаешь про Гарибальди да про сербов.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 7 сентября 1862 г.

Саша, душка, третьего дня (5-го) приехал я сюда и, предвидя, что от тебя должно быть письмо, сейчас же, пообедавши, поехал на почту. Конечно, я не ошибся — получил твое письмо от 28/VII. Меня бесит, что ты так обо мне беспокоишься, а я себе еду наиздоровейшим, без всяких разбойников и прочей дряни, которую ты себе рисуешь. Ради бога, друг, не беспокойся! Я тебе говорил не раз, что дорога — моя сфера, это

¹ Третье письмо — «От Тюмени до Томска» — напечатано в № 38 «Современной летописи» за 1862 г.

² См. ниже прим. к письму П. А. от 8 декабря 1862 г. (Прим. ред.)

оправдалось. Я так раздобрел, что терпел невыносимую пытку, когда должен был одеться в форму, — до того узко все платье; теперь пришлось все переделывать. Доехал я, как лучше и не надо, ведь это только издали кажется так дурно, а поверишь ли, если сегодня снова пуститься в дорогу, обратно в Москву, сейчас же бы поехал, так мало утомила меня эта поездка. Человек удивительно ко всему привыкает, и, проехавши первые сотни верст, чувствуешь уже себя в своей тарелке.

Я сейчас от генерал-губернатора. Везде прием прекрасный, и дела идут очень хорошо. Вчера я являлся к Корсакову, сегодня обедал у него. После обеда он отозвал меня и говорит: «Князь Кропоткин, скажите, какая действительная причина вашего назначения на Амур?» Я объяснил: «Желание быть полезным, найти деятельность, невозможность найти такую в гвардии, невозможность выполнить свое намерение быть в университете», — одним словом, сказал все в немногих словах. Он думал, что меня, м. б., прислали в Сибирь за либеральничание. Я отстранил это предположение. «Нет, что же, если бы даже и так, то тем лучше, там эдакие люди не нравятся, а здесь мы ими очень довольны, давайте побольше». — «Ну-с, а теперь вам нельзя будет добраться до Амура, трудно, парохода не застанете, я думаю, что вам лучше будет в Чите, — главный город Забайкальской области; зиму вы там пробудете, а весной вас отправят со сплавами на Амур... Буссе посердится, что мы у него отняли такого офицера, ну, да весной вы перед ним оправдаетесь. Кстати, Амур гораздо интереснее весной». — Я поблагодарил. — «А вы человек со средствами, имеется свое?» — спросил он. — «Имею, немного». — «Ну, вот оно и хорошо, сразу со сплавами, тут идут рационы хорошие».

Когда я представлялся, я сказал, что Михаил Николаевич¹ обещал написать, чтоб мне не дали засидеться в Иркутске. «Ну, вот увидите, — не засидитесь, а поверьте, еще всех своих обгоните». Но вот что хорошо. Губернатор Забайкалья, Кукель², — превосходнейший человек по отзыву всех, мо-

¹ Брат Александра II.

² К у к е л ь, Болеслав Казимирович — генерал, начальник штаба войск Восточной Сибири. (Прим. ред.)

лодой, артист, отлично играет и поет, и вообще мне очень понравился, тихий, ровный, простой. Отсюда до Читы 750 верст, а что такое 700 верст! Ты, живя в России, и не в состоянии вообразить себе, что такое 700 верст в Сибири; во 1-х, это дело 3-х, много-много 4-х дней; во 2-х, как-то применяешься к расстояниям; знаешь ли, сибирские барышни мне рассказывали в Томске, что они ездят на 2 недели потанцевать в Омск. «А вот бы хорошо съездить в Иркутск хоть на месяц или на несколько недель», — говорит какая-нибудь барышня отцу. И отец повторяет: «Да, не худо бы, вот посмотрим». А от Томска до Иркутска 2000 верст. Заметь главное — это «с ъ е з д и т ь» за 2000 верст.

Конечно еще лучше бы было состоять при Корсакове, он что-то намекнул на это: «через несколько времени». Тогда можно будет съездить в Якутск и еще куда-нибудь, вообще познакомиться с краем. Офицеры, которые при нем, говорят, что редко приходится пожить дома, — все в разъездах, и разъезды интересные, чего же лучше.

8 сентября

Вот тебе одна заметка про здешнюю жизнь, — здесь гораздо бесцеремоннее, проще, чем на Руси, и несравненно вольнее позволяют себе выражаться, — большое влияние; говорят, имели политические ссыльные, которым здесь хорошо, приняты везде с огромным участием. В Чите их должно быть еще больше, это город, возникший из поселений декабристов. Особенность Восточной Сибири — это куча бродяг на дороге. Очень часто останавливается такой бедняк и кричит: «Добрые люди, подайте несчастному на дорогу», другие, посмелее, довольно настоятельно просят милостыню у проезжих купцов, а то беспрестанно видишь, как один или два оборванных человека бросаются в сторону в тайгу, увидев издали экипаж. Крестьяне любят их и помогают, и так как явно боятся подавать милостыню, то, увидевши бродягу издали, кладут краюху хлеба за оконце, нарочно полочка сделана. Впрочем, много между бродягами и таких, которым ничем придушить человека, но они редко нападают на проезжих: они их боятся, — разве только чемадан отрежут, да ограбят какого-нибудь старика, собирающего на церковь,

и, случается, убьют за десяток рублей, — впрочем, убийства редки, а воровства у проезжих часты. Про бродяг есть довольно поэтические песни, я постараюсь записать.

Про Читу говорят, что климат такой же, как в Иркутске, т. е. сухой (там снега почти нет), почта ездит из Верхнеудинска до Читы всегда на колесах; конечно, бывают холодные дни, очень даже холодные, но без ветра, а сегодня я еще у Льюиса читал, что при 55° С можно $\frac{1}{4}$ часа держать руку на воздухе без боли, между тем как при ветре и при 0° больно. В Иркутске, особенно в Чите, редки пасмурные дни, и в самые большие морозы всегда светит солнце.

Как видишь, климат недурен. Нынешнее лето замечательно везде по страшному холоду и массе дождей. В Иркутске и Забайкалье, наоборот, жара, засуха страшная, так что поэтому, если б теперь я ехал на Амур, то не застал бы парохода, сильное мелководье, и последний пароход уже ушел, тогда я должен был бы ехать на лодке, и, кажется, сперва Корсаков, чтобы дать мне возможность лучше добраться, хотел послать меня курьером, но Кукель говорит мне: «я вас к себе вербую, мне порядочные люди нужны». Кукель мне нравится, а потому я и еду к нему в Читу.

Прощай, Саша, не беспокойся о моем здоровье, оно хорошо, это, вероятно, действие сибирского климата, который очень здоров. Прощай, пиши.

П. Кротошкин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

7 сентября 1862 г.

Твое письмо из Омска я получил четвертого сентября и пятого побывал в редакции «Русского вестника». Письмо из Перми напечатано. Начинается: «Через несколько времени после того, как наш пароход...» Заглавие: «На пути в Восточную Сибирь». Помещено оно в № 34, одобрено цензурой 22-го августа. Имя Леонтьева я забыл узнать. «Современная летопись» тебе послана. Письмо из Омска будет напечатано.

Секретарь редакции по просьбе моей подарил мне №, где напечатана твоя корреспонденция. Читал ее. Очень породо-

вала меня твоя наблюдательность, которую, впрочем, можно было заметить у тебя еще и в «Пребывании в Унцовске».

Что касается до меня, то жизнь моя тянется как нельзя хуже. Скука, бедность, недовольство. Например, плен Гарибальди, ведь сердце болит. Когда ж, наконец, станет лучше на земле? Бедная Италия, бедные славяне и венгерцы.

Здесь только аресты да аресты... Придешь в дом Сазонова к товарищам: что нового?.. Тот-то взят, тот-то тоже — и так безостановочно. Лучших людей перехватывали. На кого ж надеяться? Страшно видеть вокруг этот произвол. Я начинаю терять веру в близкую, лучшую судьбу нашей родины. Вот завтра, 8-го сентября¹, ждут манифеста, ждут реформ. Я не жду. Если и будет что — так пустое: от извергов не идет добро. Проф. Победоносцев, член комиссии пересмотра законов, сказал, что даже проект о гласном и устном судопроизводстве брошен под стол. Чего ж ждать?.. А любовь и подобоострастие в народе перед царем беспредельны.

В Польше, говорят, открыли недавно огромный заговор, огромное общество, разделенное на десятки и сотни. Да, там хотя жизнь видна. А наше-то, наше юношество! Глядя на нас, патриот должен притти в ужас. Ведь все, все мне подобны, не делают решительно ничего. На Украине лучше. Кстати, малороссы ждут, что придет к ним «Гарибал». Ненависть к «москалям» возрастает. — Царя не чтут как бога.

Черноморских казаков, не знаю для чего, хотят переселить на Кубань. Они отказались. Мало того, послали одного из своих, Магеровского, бывшего кадета нашего корпуса, к царю в Питер. Просят очень много. Магеровского предупредили, что царь разгневался, и он успел скрыться из Петербурга. Войско его теперь не выдаст, и вряд ли обойдется без серьезного восстания. «Пойдем на Украину», — говорят потомки запорожцев. Псылали против них солдат, — прогнали. Нет, на юге лучше народ. И не в одном этом, во всем лучше. Да, у них история есть.

От отца писем нет — ни мне, ни Леночке. А вот холодные дни настали. Плохо, брат. Места учителя тоже нет. Да и что

¹ 8 сентября 1862 г. праздновалось тысячелетие с начала существования Руси (России).
(Прим. ред.)

я за служака, если даже и откроется место по службе. Ноги болят и болят невыносимо. Хоть и не очень больно, но ни много сидеть, ни много ходить не могу.

Твой брат *Александр*

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

11 сентября 1862 г.

Саша, душка, перешли это письмо Александре Павловне, Полинкиной гувернантке. Вот в чем дело. Ты знаешь про Лидию — я говорил тебе. Она меня не забыла, а наоборот, сколько я узнал из письма Елиз. Марковны. Вот и прошу Александру Павловну достать ее карточку: во 1-х, она очень милое создание, во 2-х, своей милой личностью оставила во мне очень приятное воспоминание, а я, как тебе, кажется, известно, дорожу своими воспоминаниями, особенно приятными, одним словом, карточка ее доставила бы мне много удовольствия, она же даст ее Александре Павловне, — вот я и прошу ее переслать мне в Иркутск. Если послать письмо прямо отсюда, то почтовый штемпель возбудил бы подозрение, отец распечатал бы письмо и разболтал бы Кошкареву и другим, что не совсем приятно, а потому попроси какую-нибудь знакомую женщину написать адрес:

Ее благородию

Александре Павловне Добрицкой,

В город Мещов, Калужской губ.

А оттуда прошу переслать в имение Кн. Крототкина, Село Никольское. Твоего имени в письме не имеется для безопасности, на случай, если бы отец распечатал письмо.

Тебя удивит, что конверт запечатан, но, Саша, я такие глупости пишу там, что, ей-ей, мне совестно, чтоб ты читал, копию дам после. Ты, кажется, тоже испытывал это чувство.

Я писал тебе два дня тому назад и напишу скоро, до отъезда из Иркутска, где пробуду еще дней 5, чтоб ехать вместе с Кукелем, у которого я исполняю обязанности адъютанта, так как его адъютант уехал в Петербург курьером, а потому ничего не пишу тебе о себе.

Прощай, не вини меня в неоткровенности, не сердись за глупость.

П. Крототкин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 14 сентября 1862 г.

Саша, дружок, посылаю тебе 50 р. Ты опять запоешь старую песню; в ответ на нее скажу, что деньги у меня есть, я на Амур не еду, прогоны следовательно могу употребить, ты про шпоры знаешь, успокойся, куплю отличные шпоры, манильские, которые здесь очень дешевы.

В Иркутске я еще пробуду, пожалуй, неделю. У Кукеля я исполняю обязанности адъютанта, являюсь к нему каждое утро, чтоб написать две-три бумаги, остальное время (с 9 до 1 часу) сижу и читаю что-нибудь или болтаю с теми, кто к нему приходит. Чем дальше, тем больше схожусь я с Кукелем и убеждаюсь, что он пресимпатичная личность, играет на фортепьяно, я думаю, что зимою будет хорошо, у него жена прехорошенькая, — все веселей. Вообще здесь живут не так, как в России, я уже писал тебе. У Кукеля получаются всевозможные журналы, в том числе и «Колокол». У него живет некто Дадешкилиани¹, грузин, славный человек, у него тоже все прочтешь. «Колокол» выдается при Кукеле, — как хочешь — заслуга не велика, положим, но нам дико видеть превосходительного генерала в таком роде, — отзывается на все хорошее, и действует так же; напр. у раскольников в Забайкалье поп с его ведома (впрочем, это знают все) служит по старым обрядам, и он этому радуется. Его девиз: «в с я к о е н а с и л и е е с т ь м е р з о с т ь». Он его проводит в жизнь, да еще с какой юношеской энергией. Все преобразования в Восточной Сибири, все идут через Корсакова и в широких размерах, напр. по вопросу об уничтожении казачества в Забайкалье для уравнения его в правах с остальными, дарования им самоуправления — все работает Кукель. Везде почти есть библиотеки: в Иркутске, в Чите, в Кяхте... Одним словом, лишь бы удалось устроить твой перевод сюда, надеюсь худо не будет.

Но, Саша, как ты проживешь до этого времени? Как поправишь ты свое здоровье?.. Саша, брось пить, ты портишь

¹ Д а д е ш к и л и а н и — бывш. адъютант Муравьева-Амурского.
(Прим. ред.)

себя этим, не хвались своим здоровым пищеварением, смотри—отзовется, и разве это для тебя уж такая потребность?

Ну, должен кончать, — иду к Кукелю. Напишу еще, как только приеду в Читу.

Прощай, П. Кротокин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 15 сентября 1862 г.

Саша, милый мой, дорогой! Одно за другим получил я твои два письма — от 6 и от 14 августа. На первое я только что ответил и послал на имя Вани 50 р. На второе надо ответить подробнее. Саша, ты неправ. Ты говоришь, что не чернишь себя. Пожалуй, но смотришь на себя неверно. За что ты называешь себя «ничтожным, лишним человеком, без толку неселяющим нашу незавидную планету»? За что?.. Ты говоришь: «кто назовет подобных мне людей не лишними?» А я спрашиваю: кто смеет назвать таких, как ты,—лишними?.. Я чувствую, что если ты уж назвал себя Рудиным, то я становлюсь Лежневым, но мне до этого дела нет. Послушай, разве ты своей жизнью, своими словами, своим примером — не дело делаешь... Ты, честная, благородная душа, что бы ты там ни толковал, за что на себя клеветешь? «Неспособность к глубокому чувству»? А любовь к человеку? к добру?— Да знаешь ли ты, сколько раз ты будил меня этим, знаешь ли ты, что ты меня плакать заставлял; заставлял оглядываться на самого себя? Что ты меня делал лучше! И с другими, верно, то же делал, хотя я и не знаю. И еще спрашиваешь — что такое «умные и честные порывы», не видишь разве, что они — те же дела.

Ты, может быть, скажешь, что время таких деятелей прошло, что Рудин давно умер. Но он свое поколение будил, — ты, честная душа, будишь свое. Тогда были нужны Рудины,—теперь они точно так же нужны. Если уж тебе угодно сравнивать себя с Рудиным, то знай, что ты Рудин нашего поколения, что ты не тот Рудин, ты не фразер, как он, что ты от него далеко ушел вперед. Рудин с годами становился хуже, а

ты, я думаю, станешь лучше, горячки меньше будет, горячка нужна будет для подвигов, и тогда она явится.

Ты сам себе цены не знаешь, ты такой человек, к которому на шею кинуться хочется, чтобы рыдать...

Разве я говорю, что твоя участь завидная... Я на твое письмо смотрю беспристрастно, молчу об увлечениях, но ты слишком себя унижил...

Чорт возьми, я не в силах писать, ты поймешь меня с полуслова.

Прощай.

П. Кроткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

18 сентября 1862 г.

Твое письмо из Томска, четвертое по счету, я получил сегодня, 18 сентября. В редакцию «Рус. вестника» я не могу пока итти, ибо ноги болят и нет пальто теплого. Но могу сказать тебе и не ходивши, что письма твои печатаются. Письмо из Перми, как известно тебе, напечатано. Второе — мне сказали, что напечатают. Значит — будут напечатаны и прочие.

На-днях, знаешь, что я сделал? Исправил немного твое «Пребывание в Унцовске», т. е. выпустил кое-что, изменил кое-какие обороты, прибавил две-три фразы — более не мог по отсутствию фантазии, наблюдательности и памяти, — да переписал. На-днях снесу в редакцию «Зрителя», — авось напечатают.

Мои обстоятельства попрежнему очень плохи. Хорошо хоть обедать стал, вот уже три дня тому назад тот самый повар, которому я должен уже 30 р., упросил меня брать, даже по меньшей цене, соглашаясь ждать уплаты хоть год целый. Так как это предложение я получаю вторично и притом надеюсь через полгода, когда Ваня получит наследство после жены, уже непременно поправиться, то я на предложение этсго доброго повара согласился. Притом, в самом деле, трудно сидеть то на яйцах, то на колбасе, а то и ни на чем. Ле-ночка предлагает мне купить пальто, посмотрим, — верно: соглашусь.

Лучшая моя надежда, — это жениться, — впрочем, не иначе, как чтобы розно жить. Как видишь, я опять запел ту же песню. Да и действительно, отчего не жениться, если явится охотница? Комедия? Во 1-х, эта комедия безвредна, во 2-х, вообще без комедий нельзя атеисту жить в наше время... Ну-ка, если я стану не приобщаться, а попу буду объявлять на исповеди, что не верую в бога!.. Унижение достоинства брака?.. Но брак вовсе не нравственная святыня, а просто обычай, может быть и очень полезный, но все-таки не такой, который можно оскорбить, он вовсе не есть что-то достойное уважения. Впрочем, что до брака из-за денег, но с тем чтобы вместе жить, — на такой брак я бы не согласился: во 1-х, не желаю связать себя, во 2-х, словно не нравственно. Даровое приобретение имущества?.. Но, право, не понимаю, отчего только трудовой кусок считают честным? Воспользоваться кладом, подарком и т. п. не считают же подлым. Притом, разве труд на личную пользу — нравственная обязанность? Обаяние силы, которое веет от трудящегося человека, я понимаю, но все-таки нравственного долга я здесь не вижу. Другое дело — труд на общую пользу, — он обязателен; да и то не самый труд, а его результаты. Человек, как и всякая тварь, не любит труда, только необходимость могла заставить его трудиться. «Мы обязаны трудиться», — эти слова вырвались из груди работника только вследствие бессознательной потребности утешить себя, поддержать свои силы, да затушить чувство зависти к безжалостному богачу. Требовать, чтобы человек отказывался от легкого, ни для кого не обидного, приобретения средств к жизни — положительно несправедливо. Подло жить на счет трудов и слез своего ближнего, а отнюдь не на счет добровольного даятеля. Труд только поддерживает цивилизацию, с этим я вполне согласен; но если я не стану трудиться и даже напишу увлекательную книгу о том, что труд не обязателен, поверь, что подобных мне немного расплодится: голод не тетка.

Притом, сказать правду, я не способен к труду. Калеку никто не обвинит за бездействие, а калечество от жизни, мозгов и воспитания нисколько не менее сильно и уважительно, чем калечество от падения и т. д.

Ты просишь известий о России, но, к несчастью, я ничего не могу тебе сказать, ибо ничего не знаю. У меня только 5—6 человек знакомых, — и хотя трое из них очень любят родину и скорбят о ее несчастиях, но также ничего не знают, вследствие неимения знакомства с деловыми людьми. Ждали 8 сентября, в тысячелетие, и манифеста и бунта, но ничего не было... Что знал, я написал тебе в прошлом письме. Но не знал я еще тогда, как содержат несчастного Гарибальди; я шел домой, когда узнал, захлебываясь слезами. Прочитай в «Московских ведомостях». Одного довольно: Гарибальди сказал: «Вот до чего я дожил, желая блага людям!».. Эти слова останутся в истории памятником трусливости и нечеловечности короля и министерства. Народ хоть резался, да как ему было не выходить на площадь за Гарибальди. Помни притом, что Гарибальди запрещал своим волонтерам стрелять, и дрались только немногие. «Совре[менная] лет[опись]» и не догадалась, что оттого-то и проиграно было сражение, и в №, где твое письмо (34), гласит: «Видно плохо дрались, — Гарибальди приходилось подстрекать» и т. п.

Кстати, вспомнил, если «Пр[ебывание] в Унц[овске]» будет напечатано, то с подписью: «Неизвестный».

Это письмо мое — седьмое, не то восьмое. Предпоследнее мое письмо есть то, где я пишу о Гарибальди и России, да о том, что твоя корреспонденция из Перми напечатана, на нем найдешь № 1, и так до десяти. Твое первое письмо, по прочтении этого, также да будет под № 1.

19 сентября

Я не столько мечтаю о жизни с тобой вследствие моего переезда в Сибирь, как вследствие выписки тебя отсюда в полную отставку. Дай-то бог жениться. А отец для перевода на Амур денег не даст, можешь быть уверен. Если можно на кого надеяться, то на Ивана Дмитриевича¹; он непременно получит к марту наследство после жены, а может быть

¹ К р о п о т к и н, двоюродный брат А. А. и П. А., сын Дмитрия Петровича Кропоткина. (Прим. ред.)

до того времени и женится. Да, может быть, и я женюсь, вот-то был бы рад.

Твой брат Александр

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 14 октября 1862 г.

Третьего дня получил, Саша, твое письмо. Я в Чите уже со 2-го октября. Я ехал с Кукелем в тарантасе, чудном, покойном, лежал лучше, чем на своей постеле под мягким песцовым одеялом, летели стремглав — 650 верст в 52 часа, а Кукель так хорош, так симпатичен, что с ним ехать было бы весело и не двое суток. Говорил я с ним в дороге об месте для тебя. Но он в Чите только временно, я тоже, что же делать. Он говорит, тебе бы в Глав[ное] Упр[авление] или уж в Обл[астное] Упр[авление] Иркутской обл[асти], а где я еще буду... Как тут быть? Кукель может устроить для тебя место в Чите, но к тому времени, как только можно будет получить твое прошение о принятии на службу хоть в Читу, Кукелю нужно будет уезжать отсюда, а я весною отправлюсь на Амур. Останусь ли в Благовещенске? Едва ли... Я не знаю, что и придумать?

Я живу у Кукеля в доме. Он упрощает меня оставаться, но мне хотелось бы для своего удобства жить на своей квартире, а квартиры пока нет. Чита — деревня, где еще в 1852 г. была голая степь, теперь город, даже церковь только одна, а общество препосредственное, впрочем я мало знакомлюсь, — все дома сижу, семья у Кукеля чудная, жена, мать жены, еще бодрая старушка, хорошие люди, дети стали моими друзьями. Но я несколько стеснен, их жизнь такова, что мало времени остается для самого себя, а теперь еще утро бывает незанято службой, я ничего не делаю, собираюсь писать по разным вопросам управления и излагать мнение Кукеля по делу обращения бурят (кочующих) в оседлое положение. Прежний губернатор хотел поселить их на землю во что бы то ни стало, а бурята дали приговор, что не хотят, нужно доказывать правоту их дела и несостоятельность насильственного переселения.

Долго в Чите я не буду, скоро, верно, пошлют, — Кукель пока еще не трогает, дает осмотреться, а на-днях чуть-чуть не послали за 500 верст, на китайскую границу по какому-то делу, — однако уладилось.

Я здоров, не хандрю, а скучать никогда не скучал, и следовательно ты напрасно обо мне печешься. Меня только одно смущает, — ты с своим положением. Мое письмо из Перми напечатано, я видел и получил «Современную летопись», за эту страницу уже получил 8 р. А письма из Тюмени, Томска, Иркутска и из Читы (об Иркутске) все довольно длинны, ты получишь за них что-нибудь. К декабрю, надеюсь, соберется что-нибудь — жалованье, порционные, да от отца, — тогда можно будет поделиться. Саша, ради бога, только не пей, да береги себя. Да перестань ты себя величать лишним человеком, — не такие были лишние люди, я писал тебе об этом, получил ли ты мои письма? Из Иркутска я послал их четыре, начиная с Нижнего это 9-е.

Прощай, спать хочется. Уже 2 часа ночи, а я сегодня устал.

П. Кропоткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

21 октября 1862 г.

Я посылаю это письмо на почту с человеком, который идет за получением твоих денег. Он же отнесет на почту письмо твое и к Добрицкой. Твои письма от 15-го и от 17-го сентября я получил только вчера, вечером. Объявление о деньгах получил тоже вчера, 20-го. На-днях ты получишь от меня «Очерки астрономии» Д. Гершеля. Второй том вышел. Василий купит оба тома по дороге из почтамта. Гершеля стоит изучить: ты поймешь все, и знания у тебя прибавится много.

Ну, к чему ты, в самом деле, лишаешь себя необходимого? Я понимаю, что из любви ко мне. Но можешь быть уверен, если пришлешь еще раз что-нибудь, то получишь обратно, как ни глупа будет такая... не знаю, как сказать... Кто кого перещеголяет... в великодушии...

Твое письмо к Добрицкой бросилось мне прежде всего в глаза, когда я распечатал общий конверт, поэтому я тотчас

же, не читая ничего, распечатал его. Когда я заметил, что оно не ко мне — бросил. Хотел было и после не читать, но прочел. Ничего особенного!

Из твоих мнений обо мне я заключил только одно, что ты меня очень любишь. Это не новость.

Я послал сейчас к Колошину, ред[актору] «Зрителя», «Пребывание в Унцовске». Денег из редакции «Русского вестника» еще не получил, хотя один раз сам был там, а в другой раз послал письмо. Пошел бы еще раз сам, но, во 1-х, нет одежды, во 2-х, пешком не могу по болезни, а извозчиком рисковать не намерен. Впрочем, теперь можно будет подождать. Оно, пожалуй, лучше. Получу, когда буду нуждаться. Однако, знаешь ли, как тяжела мне моя жизнь! Достань мне место, приеду летом непременно, если деньги будут.

Писать больше нечего. Авось, вскоре найдется, что писать.

Твой брат Александр

Это письмо мое — второе в Читку.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

29 октября 1862 г.

Тебе это, может, странным покажется, но знай, что жизнь становится для меня с каждым днем все скучней и тягостней. Это не временное расположение духа, нет, я давно уже стал замечать в себе это новое чувство. Да как давно? Около года. Меня гнетет внутренняя пустота, я хожу и сижу как шальной, я даже стал несравненно молчаливее. «Моя песенка спета», — повторяю я при всяком удобном случае. Да, Петя, я уже отжил свой век.

Я жил всегда и могу жить одной только внутренней жизнью. Одно только может наполнить мое существование: дума. Я и этой отрады лишился, настал конец моим размышлениям, мне более уже не о чем думать, умственная пустота и бессмыслие заменили во мне неумолкавшую работу былого времени. Отныне я могу только твердить зады от скуки. Истинный прогресс кончился. Я могу теперь только уяснить, только развивать свои мысли, и притом мысли старые. Это, кажется, даже и ты заметил. Мне не о чем думать, потому что я все

узнал, потому что я до всего дошел, до чего может дойти более или менее светлый ум без фундаментальных знаний. Постройка мирозерцания кончилась, передо мной светлый мир науки, и я стал в бессилии, неспособный перешагнуть в этот чудный мир. Достигнуть полноты воззрения — не моя доля.

Я не могу трудиться. И как при этом не тосковать и не мучиться пустотой!

Из наук, как известно тебе, меня интересуют астрономия, геология и психология. Не в силах будучи отказаться совершенно от строгой науки, я каждый день делаю попытки вернуться в это святилище, но тщетно: недостаток предварительных знаний и неспособность к труду связывают меня. Я хватаю то Гершеля, то Ляйеля, то Бенеке, то Будмейстера. Боже, как это тягостно!

Вот, например, я многое не понимаю в «Очерках астрономии» Гершеля. Между тем там нет ничего мудреного и головоломного, мне недостает только общего образования и знаний в математике. Поучись я как следует в корпусе — и Гершель был бы для меня вполне доступен. Ты скажешь: время не ушло, можешь позаняться. Что время не ушло, — это я и сам знаю: очень хорошо, но в том-то и горе, что я позаняться не могу: чтобы получить общее образование, надо потрудиться.

Впрочем, я мечтаю позаняться, мечтаю учиться и геометрии и тригонометрии: мне так хочется узнать астрономические явления (хоть кое-как). Да вряд ли. «Не с нашим рылом соваться в калашный ряд», кабы я взаправду хотел позаняться, я завтра же достал бы себе книги. Если я примусь когда, ограничусь, верно, попыткой. Я способен только на первый шаг в труде, — натуры, видно, не переломишь.

Не надоел ли я тебе? Пойми, что все это извинение в краткости последних писем, о чем писать?

Твой брат Александр

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

8 ноября 1862 г.

Не все твои письма дошли до меня. Пропало, видно, одно, где ты писал о Гарибальди и России и писал, что мое письмо

из Перми напечатано. На-днях я получил твое письмо от 18/X, где ты пишешь про предыдущее письмо, снова про женитьбу и т. д. Причина этому та, что письма адресованы в Иркутск, а там залеживаются, даже пропадают. Та же история происходит и с «Совр[еменной] летописью».

9 ноября

Вчера получил предложение ехать, я поеду завтра снова к Байкалу, за 650 верст, в Кабанскую волость; недели через три я должен вернуться в Читу, если ничто не задержит. Дело, по которому я еду, очень недурно. Есть здесь Жуковский ¹, губернатор Забайкалья, а теперь, за отсутствием Корсакова, председатель в совете Главного Управления Восточной Сибири. Личность, о которой напишу когда-нибудь подробнее... в письме нельзя говорить о нем...

У него есть родственник, мерзенькая личность, заседатель одной волости, громадной—больше русских уездов. Этот господин делает мерзости, и Кукель посылает меня производить над ним ревизию ². Одним словом, ревизию над гражданским чиновником производит офицер. Не правда ли, странно? Чтобы не было странно, я назначен Испол[няющим] должность адъютанта при Кукеле.

Вообще я очень рад этому делу, хотя, с другой стороны, иные обстоятельства и удерживают меня в Чите. Напр., хотя бы театр и наконец некоторая привычка. Но я охотно еду туда. Дело интересное, к тому же дорога, новые лица etc.

Ну, Саша, начинается применение на практике моих убеждений. Каково-то удается?

Вот и деятельность, и я с радостью принимаюсь за нее.

Не беспокойся, если с месяц не будешь получать [писем]. Если удается, будет время между разъездами по селениям воло-

¹ Жуковский, Евгений Михайлович—в 1860—1861 гг. был забайкальским губернатором и атаманом казачьих войск Восточной Сибири.

² П. А. был командирован Кукелем для расследования жалоб жителей Кабанской волости на жестокое обращение верхнеудинского заседателя Марковича (родственника атамана казачьих войск Жуковского). П. А. собрал много обличающих фактов. Но Маркович имел сильную руку в Петербурге и был вместо наказания переведен исправником в Камчатку, где разбогател, эксплуатируя население. Будучи в отставке, в 80-е годы писал патристические статьи в консервативных газетах.

(Прим. ред.)

сти, — напишу. Тогда это тебе будет сюрпризом. Тем лучше. Но раньше месяца не жди писем.

Прощай! У меня дела много, а времени мало, а потому не взыщи за коротенькую писульку.

Прощай, дружок!

П. Кропоткин

Продолжать ли писать на Леночкино имя?

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

6 ноября 1862 г.

Наконец я вчера получил твое письмо от 21 июля. Боже, если б ты знал, как я был рад ему. Но что за ужасные сообщения! С лишним 3 месяца! Не мудрено, что я считал тебя уже умершим.

Вскоре жди от меня более обширного письма. Я теперь तो роплюсь, ибо сегодня же хочу отправить это письмо. Притом, решительно нечего писать. Вот уже более месяца, как я решительно ничего не делал, я провел это время даже в полнейшем отупении. Отчего? Оттого, что ждал со дня на день известия о твоей смерти, а следовательно и дня, когда решу свое самоубийство. Если впереди не жизнь, а смерть верная — можно ли чем-нибудь интересоваться? Я только и делал, что пил, думал о тебе, читал вздор, спал.

Теперь дела пойдут иначе. Но надо время, чтобы опомниться окончательно. Я обленился слишком много.

Глава «о борьбе за существование» написана, но мне лень переписывать. О моем деле ни слуху, ни духу.

Денежные обстоятельства поправились по милости Леночки и Петра Дмитриевича (50 р.).

А. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

С. Кабанское¹, 24 ноября 1862 г.

Милый Саша, поручение свое я кончил и завтра еду назад в Читу. Письмо это отправляю из Верхнеудинска. Милый мой,

¹ Кабанская слобода на р. Селенге, в Забайкалье. (Прим. ред.)

ты здоров ли? Странно, глупо говорить про сны, но вчера я целую ночь все тобой бредил, рыдал во сне,— приснилось, будто ты убит на дуэли, будто тебя расстреляли, и прочая чушь. Целый день ты сегодня не выходишь у меня из головы, и подчас такие мелочи припоминаю из нашей детской жизни, такие подробности, которые, может быть, и несколько лет не припоминались. Впрочем, конечно, это пустяки, происходящие от несварения желудка (так, кажется, объясняется чрезвычайное обилие снов), пусть так, но именно эти пустяки заставляют подчас живее сознавать разлуку, сильнее желать скорее свидения... А между тем, как это устроить? Ты, кажется, не слишком-то хотел бы сюда попасть, и чем больше знакомлюсь я со здешней службой, тем больше я становлюсь втупик, какое место могло бы быть по тебе. Везде по статской службе нужна работа, и сильная работа, толковых людей мало, и на одного человека взваливают то, что в России делают четверо. Потом беспрестанные разъезды, — нужно же угодить во все места своего участка, а участок с $\frac{1}{4}$ Франции... На сидячих местах — писать, писать... Ведь здесь во всех присутственных местах пишут по вечерам с 4-х до 8-ми часов.

Попасть чиновником по особым поручениям у отдельных губернаторов — нет таких мест, а к Корсакову трудно. Да потом не знаю еще, куда мне придется ехать. И это неизвестно. Если Кор[сакова] не утвердят, Кукель не останется, а вместо него будет ужасная личность, тогда, конечно, лучше всего в Благовещенск. Если утвердят, то, конечно, лучше быть при Кукеле, тогда следовательно в Иркутске. Итак, ничего нельзя решить, я теряюсь, что делать... Кукель тоже, если не высказывает этого, то думает:

Приходится положиться на время. Авось... да легко ли это «авось»?

Ну, а я тут свое поручение кончил. Пришлось столкнуться с сибиряком, с его хитрой увертливостью. Приходилось по двум делам договариваться. Заседатель участка (совершенно русский исправник, только его участок гораздо больше русского уезда) сек тут крестьян, баб, девок и т. п. Надо было доискаться, как было дело, чтобы вывести его на свежую воду. Кое-как удалось, но чтоб добиться доверия, боже, сколько надо было времени провозиться, непременно стараются скрыть,

ведь своего же брата высекли, да как, жестоко до крайности. «Вот таких-то секли? Ну, спрашиваешь, сколько дано ударов?» — «Да може 25», — когда знаешь наверно, что этой бабе было дано до 150 ударов, и ведь сколько провозишься, чтобы добиться правды. Впрочем, в тех деревнях, где приходилось пробывать подольше, иногда целый день, под конец удавалось добиться доверия и разболтаются... а там, где можно было пробывать часа два, не более, — просто беда, — «не видали», «не знаем», «да и не было тут ничего такого»...

Иногда же выдадутся и смелые люди, — придет, сядет и начнет тебе рассказывать, заспорят тут же, а потом обращаются: «ну-ка, разбери-ка, ваше благородие», — размахивают руками, воодушевляются, но это редкое исключение.

Был я на месте провала, который сделался у берегов Байкала после землетрясения, только все замерзло, занесено еще снегом, слабые подземные удары и до сих пор еще слышны, вчера были слышны, как говорят, но я и не почувствовал, потому что в это время горячо говорил с заседателем, так как он сунулся толковать мне о своих убеждениях.

Меня взбесило это: гуманность на языке, а дерет баб и молодых женщин за ссоры и драки, я и наговорил ему самым вежливым образом самых смелых вещей, так что из-за этого, вероятно, и не почувствовал «трясения земли», как говорят здесь.

Тут мне пришлось порядком-таки поездить по разным дорогам. Но, несмотря на морозы, не приходилось даже зябнуть сильно, так, немножко, но не больше, как сколько нужно для того, чтобы с аппетитом напиток горячего чая. Я разъезжал в полушубке и дохе, сшитой из диких коз, шерстью наружу, это не тяжело и тепло.

Завтра вечером я собираюсь выехать в Читу; приехавши, напишу вскоре, а теперь прощай.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

28-го ноября я вернулся в Читу, просидел несколько дней над писанием отчета, рапорта о своей командировке, не успел опомниться, и вот снова еду отсюда, а именно завтра утром,

выехал бы и в ночь сегодня, но не успели приготовить нужных бумаг.

Я везу деньги, нужные для сплава, в Шелапутино, верст триста отсюда, по тракту на Нерчинск и Нерчинский завод, до которого впрочем не доеду.

Я очень рад этой поездке, так как она в другую сторону, чем последняя в Кабанск, и интереснее. Дней через 5 вернусь назад.

Поездки мне все впрок идут, я чувствую себя отлично, здоров и не хвораю печенью, не хандрю, а, напротив, чувствую себя хорошо.

Не взыщи, что пишу мало. Теперь около трех часов утра, а я все писал, так как весь вечер просидел у Кукеля.

Прощай.

П. Кроткин

Послушай, мне поручают предупредить переводчика при-
ветствия твоего мне на новый год «Брось свои иносказанья»
etc.—а то плохо, один человек пакостит, — как узнал из писем¹.

1 декабря 1862 г.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 8 декабря 1862 г.

Милый мой, дорогой, как только я приезжаю из командировки, сейчас спрашиваю, есть ли письма, а на этот раз прямо пошел к правому углу стола, и, конечно, письмо от тебя. Твои письма я чаще всех других читаю, да они одни только и радуют, хоть от них подчас и сгрустнется, да с грустью этой как-то легче и лучше. Впрочем, есть еще письма, которые тоже с радостью получаешь — это от двух товарищей по корпусу, но таких писем я всего два получил, следовательно о них почти и говорить нечего. Письма же от отца не представляют ничего веселого, гадко, перевернется на душе, читая их, и не дочитанные бросишь их...

¹ Переводчиком стихотворения Гейне. «Брось свои иносказанья...» был поэт М. И. Михайлов, сосланный в 1861 г. на каторгу. О чем нужно было предупредить его, см. примечание к следующему письму.
(Прим. ред.)

Впрочем, наш отец теперь в поэзию пускается о своем одиночестве в Петровском¹. Чорт знает как драматично переплелись наши жизни, точно чорт какой все это связал себе на потеху, а нам на распутывание.

На отца надежда плоха, — за глаза всякие обещания к чорту, снова жолчность при слове о тебе, жалобы на свое отчаянное положение, пишет, что и выехать совестно из Тамбова, потому якобы без денег, одним словом, вывод тот, что денег на переезд едва ли даст. Надежда плоха — разве на двойные прогоны, да летом приехать. Но что такое двойные прогоны? Можно кое-что съэкономить, да очень немного. Я просто теряю надежду. Женильба? Но ты упускаешь главное из виду. Ты никого не любишь. Но ты можешь полюбить кого-нибудь и сильно. Надеюсь, при этих словах ты не улыбнешься недоверчиво. Ты помнишь, как я в былые времена высокопарно отзывался о любви, но теперь я убежден, что это вещь совершенно естественная, вполне объяснимая даже при крайне материалистическом и математическом воззрении на мир, и вдобавок подтверждается фактами. Ты можешь полюбить девушку не настолько развитую, как сам. Не смейся, но кто знает, быть может, ты решился бы жениться в таком случае. Ты знаешь, что я считаю брак величайшей глупостью (по тем формам, которыми обставило его законодательство), хотя не спорю, быть может, и я был бы в состоянии сделать эту глупость, но часто не иметь возможности сделать этой глупости может быть страшно мучительно. Подумай, как ты себя связываешь. А кто поручится, что твои воззрения на это дело не изменятся со временем? Ручаться невозможно. Подумай. Ничего я не пишу тебе утвердительно, но что же делать.

Драматизм! В общем скверно. Всем тяжело, даже и отцу. Да, стоит о нем подумать — и нам скверно, и ему скверно, и даже мачехе и той скверно. А как же скверно всем окружающим. Надо же было сложиться такой путанице!..

Мне теперь даже совестно за письмо к Добрицкой, это можно было выкинуть только в Иркутске по приезде, при известной обстановке. Обдумав, я теперь не сделал бы этого. Но инте-

¹ П е т р о в с к о е — село в Тамбовской губ. Борисоглебского уезда, именье отца Кророткина. (Прим. ред.)

ресно мне знать, каким образом из всего этого ты вывел, что я тебя очень люблю. Тебе скорее следовало бы посердиться на меня.

Но, Саша, ты опять попрежнему говоришь об этих глупых деньгах. Тебя не переспоришь... Но, право, я тут не вижу никакой игры в великодушие, так как великодушия-то никакого нет, только недоверие с твоей стороны, нежелание поверить мне на слово, что мне тут нет никакого стеснения, отказывания даже в необходимом. Всегда до известной степени можно приноровиться к имеющимся средствам. 50 р. разницы не составляют. Ну, да и не хочется снова поднимать этого вопроса, мы говорили о нем с тобой на разных языках, в этом мы не сходимся, не во всем же быть *deux têtes sous un bonnet* ¹.

Третьего дня я вернулся из своей поездки. Понял ли ты *raison véritable* ² этой поездки и вспомнил ли свое приветствие на новый год? Как видишь, — у меня не все же служба деловая, бумажная. Я все сделал ³, очень удалось, впрочем, несколько не из-за меня, а по обстоятельствам, которые сложились вообще хорошо.

Тебя, верно, удивит такая метеорная поездка, но это в Сибири не кажется странным. Разве только кто-нибудь меня спросит: «Что это вас не было видно несколько дней — не

¹ Две головы под одним колпаком.

² «Истинную причину»... Спрашивая брата, понял ли он «истинную причину» поездки П. А. и «вспомнил ли он свое приветствие на новый год», П. А. намекает на то, что «истинной причиной» его поездки было то, что нужно было предупредить сосланного на каторгу поэта Михайлова о том, что на Казаковский прииск, где жил Михайлов, едет жандармский полковник Дувинг, присланный из Петербурга проверить, как содержится Михайлов на каторге. Дело в том, что Кукель позволил жить Михайлову на Казаковском приiske, заведующим которого был брат Михайлова, горный инженер. Михайлов пользовался поэтому относительной свободой и занимался литературной работой. Жандармский полковник был уже на приiske в октябре и арестовал там приехавших из Петербурга Н. В. Шелгунова с женой. На этот раз он намеревался произвести новый обыск у Михайлова и выяснить, как он содержится. Чтобы предупредить администрацию прииска и самого Михайлова от нового налета жандармского полковника, Кукель и просил П. А. Кропоткина срочно съездить на Казаковский прииск.

³ Т. е. предупредил Михайлова о том, что на промысел едет жандармский полковник из Петербурга.

были ли нездоровы?»—«Нет, я ездил». — «Ничего, скоро вернулись, да дороги теперь рекой хороши». — Я ездил верст за четыреста отсюда и вернулся, пробыв в дороге ровно 4 суток, уехал 2-го, вернулся шестого около 3-х часов. При этом сделал еще одно дело, отвез деньги, пробыл там несколько часов, а по дороге заезжал еще к знакомому ¹, у него часа четыре пробыл. Две ночи даже спал по несколько часов. Зато езда здесь бешеная: станция в 40 верст делается в 2 ч. 33 м. Из своей поездки я почти не вынес никакого впечатления, или, вернее, знакомств, только два-три уголка бросились в глаза своей красотой, когда, случайно приподнимая свою меховую шапку, в щелку между ею и башлыком я взглядывал на окрестность. Судя по этим уголкам, можно сказать, что местность донельзя хороша. Горы крутые, отвесные, скалы, с трещинами и заметными наслоениями отрог гор, которые я знал лишь по рисункам, да леса, леса, вплотную нагроможденные над рекою, несколько в высшей степени эффектных розово-лиловых освещений в горах, — вот все, что я вынес. Про население даже сказать не могу — кто живет, так как по станциям судить нельзя. Морозы были ужасные, но я не зяб, иногда зябли несколько ноги по собственной небрежности, или, вернее, неопытности, а сам вообще не мерз, так как мороз сопровождается безветрием и доха отлично предохраняет от холода. Я здоров, не хандрю, а потому, видишь, с этой стороны твои беспокойства напрасны, а что же до дела и «дел», то не могу пожаловаться на недостаток. Приехавши из поездки в Кабанск, пришлось отдавать отчет, писать громадный рапорт (впрочем, литературного повествовательного вида). Едва успел я его кончить в 4 ночи накануне своего отъезда, эту работу я делал охотно, за этим была защита прав крестьянина, слишком молчаливого, дающего себя бить и драть ни за что, ни про что. Только я приехал, назначен производителем дел по здешнему приюту, тут будет поскучнее, но зато и дела немного. Сегодня занимался писанием, — как тебе понравится, описанием бывшей здесь сельскохозяйственной выставки. Это даже забавно при совершенном моем

¹ Это был Ф. Ольденбург, отец академика С. Ф. Ольденбурга.
(Прим. ред.)

незнании здешнего хозяйства. Но дело в том, что отчет написали такой, что хоть брось. Сегодня Кукель просил меня поправить изложение этого описания. Оказалось — все хоть брось. Кукель не знал, что делать. Ничего не оставалось, как взять все это на себя¹. Я взял. Кроме того по приюту надо устраивать разные сборы, вечер и т. п. Немножко пришлось поработать и по новому городскому устройству. Одним словом, дело будет и можно найти довольно интересное.

Мое же дело, занятия — собственные, в отличие от казенных, надо сознаться, не очень-то усилены. Вся обыденная, ежедневная жизнь складывается так, что для них остается очень немного времени, и заниматься ими приходится урывками. Вот почему ты ошибаешься, полагая, что я бы не бросил карьеры для жизни где-нибудь на юге, на воле, я и там не остался бы без деятельности, я стал бы учиться, а учиться многому еще хочется. Математика меня особенно интересует, не сухою своей стороной, а живою, в теориях, в приложениях к той науке, которая не переставала меня интересовать, — астрономии, и сама по себе была бы моей деятельностью. А то с моей охотой странствовать я не могу найти для себя ничего кроме интереса новизны, тогда был бы интерес науки, если бы я больше знал. Я бы стал учиться... Но время уходит, пропадает привычка к учебному и ученому труду, еще несколько времени, и это будет трудно осуществимо. Я предвижу это, знаю, что это будет, и покоряюсь, стараясь чтением по возможности вознаградить невознаградимое, стараюсь обращать внимание на жизнь человека, на характер страны, вероятно, то же будет, если я буду бродить со временем и по другим странам. Мой прежний идеал — серьезные научные занятия, приходится разбить его последние осколки. Труд мой будет бестолковый, отрывочный, разбросанный, но я готов трудиться, и я рад, если могу принести хоть тут микроскопическую пользу, пользу хоть по службе частью своими заметками. Но все-таки повторяю: чувствую отсутствие спе-

¹ Этот отчет о выставке в Чите, написанный П. А., был издан в Иркутске в 1863 г. отдельной брошюрой под заглавием: «Описание первой Забайкальской выставки сельскохозяйственных и других произведений, бывшей в гор. Чите, в 1862 г.» (Прим. ред.)

циальности и сознаю я это беспрестанно, это нехорошо, верно, отзовется и на всю жизнь.

Я читаю, но очень мало сравнительно с тем, сколько читал прежде. Что же делать! Переделать обстановку не имею возможности. Занятия: перевожу Эгмонта Гёте, я не совладал еще и с последней сценой (с которой начал), но я нахожу ее до того хорошей, что всегда принимаюсь за эту работу с особенным удовольствием. Далее Араго, последний том Куно Фишера, который читаем вслух с Кукелем, да еще до своей поездки занялся я просматриванием «Космоса» — французского журнала за 1862 г. Нашел там довольно много очень интересных вещей, между прочим несколько подтверждений моих душевных мыслей, а именно — подчинение всех отраслей знания (положительно) математическому анализу. Я говорил одному доктору, что до тех пор медицина будет ощупью бродить в потемках, пока не коснется ее математика. Но как? Мог ли я мечтать — как?

Вообще из «Космоса» я узнал довольно много о движении научных вопросов, и на будущий год непременно абонируюсь на этот журнал.

Ну, еще что сообщить о моих занятиях: английский язык лежит, заброшен и подвигается довольно туго. Скучно, это нужно с учителями, как я изучал латинский с Классовским ¹.

Ну, прощай, пиши, теперь я думаю несколько времени остаться на месте, поездок не предвидится, а потому и я скоро опять буду писать.

Прощай.

П. Кропоткин

Пойдет 15-го.

Получил ли ты листик с прорезами? ² Не зная наверно, я не рискую писать, а то кое-что можно бы написать преинтересное.

¹ К л а с с о в с к и й, Вл. Игн.—проф. Петербургского университета и преподаватель Пажеского корпуса. Он давал П. А. бесплатно частные уроки латинского и греческого языков.

² П. А. Кропоткин и его брат в детстве (еще до поступления П. А. в Пажеский корпус) употребляли при переписке друг с другом листики с прорезами — они делали в двух листках бумаги небольшие квадратные прорезы, затем накладывали такой листок на листок почтовой бумаги и писали в прорезанных квадратиках то, что хотели сказать, затем они снимали листок с прорезами и пустые промежутки

Я адресую это письмо на твое имя на квартиру Вани, чтоб письмо в случае приезда отца в Москву не попало к нему в руки.

Только что получил Гершеля... Очень, очень тебе благодарен за него.

Хотя многое взятое со мной еще не прочтено, но этому (Гершелю) отдаю предпочтение перед остальными.

2-й том особенно показался интересным, новое что-то и, вероятно, понять можно будет.

Ну, а вот тебе несколько сведений на будущее время, практических при пересылке, — больше заворачивай в бумагу, холст употребляй толще. Гершелю посчастливилось, а то, судя по тому, в каком виде я получал первые книги *Annales et Psychologie* от Гесселя¹, можно было предположить, что из Гершеля должны были дойти одни лохмотья, к счастью, он цел, за исключением перетертых краев. Литографии в нем очень хороши, не испортились, обыкновенно в *Annales* портятся сильно при пересылке; нужно класть тонкой, лучше почтовой бумаги между ними. Вообще же состояние удовлетворительное. Очень тебе благодарен за него.

Да, еще совет: не пиши карандашом, — то, что ты написал на обратном листе, совершенно вытерлось, разобрать можно только отрывочные слова, между прочим, что письмо к Добрицкой ее застанет, да еще что-то такое про 21, 22, 23 октября, да поклон Василия. Кланяйся ему, пожалуйста, от меня и скажи, что он купил очень хорошую книгу (не экземпляр), мастер выбирать, что я благодарю его за это и за книгами пускай ходит, а водку пусть не носит — это для тебя и пр.

Прощай, мой друг.

П. Кротки

на листе заполняли между написанными словами какими-нибудь фразами. Когда тот или другой из братьев получал письмо, то накладывал имеющийся у него листок с прорезами и читал те фразы, которые каждый из них хотел скрыть от отца, мачехи или начальства корпуса.

Из приводимой в письме фразы — «получил ли ты листик с прорезами», — видно, что П. А. хотел было возобновить детский способ конспирирования переписки. Но, повидимому, брат такого листика не получал, и последующие письма братьев писаны обыкновенным образом.

¹ Книготорговец в Петербурге.

(Прим. ред.)

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ—АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 21 декабря 1862 г.

Саша, и у тебя хватает духу в конце письма ставить вопрос— не надоел ли ты мне. Нехорошо.

Но ты неправ к самому себе. Нет, ты не отжил свой век! Помни, что ты за деятельность еще не принимался. Но скажи, пожалуйста, неужели ты был бы бесполезен, если бы тебе предстала деятельность прямо в жизни? Быть может, на первых порах ты не совладал бы с жизнью, наделал бы ошибок, увлекся бы, к счастью не в первый раз, но знай, что ты мог бы быть полезен, а это уже значительный шаг вперед от твоего теперешнего бездействия. Саша, ты почти ни с кем не выдаешься, а это возможно только тому отшельнику, который уже пожил, да зарылся в книги, тому, который имеет перед собою только свою святую науку, который сделал в ней что-нибудь. А ты один, всегда один, еще не живши...

Теперь только я сознал, что сделал, но, ради бога, не брани меня— я был слеп, я не знал тебя таким, каким ты был. Когда твои письма стали делаться короче, все короче и короче, я себя винил в том, что отстал, и утешался тем, что серьезнее изучу то и то, — я все-таки знал тебя больше по письмам, ты был в моих глазах вечным тружеником для науки— я тебя настоящего не знал.

После твоего письма я стал думать о том, как писать тебе о дифференциальном исчислении.

Мне пришла мысль: быть может, получая мои письма с изложением математическ[их] основ, ты стал бы заниматься. Но, думал я, что же арифметику, геометрию писать, тут бы я ничего не написал более простого, чем есть в учебниках. Я задумал заинтересовать тебя прямо с дифференциального исчисления, излагая те истины из алгебры, которые тебе понадобились бы. Я попробовал, но приходилось делать отступления на каждой строчке, немножко бы самых элементарных понятий с твоей стороны, и ты меня стал бы понимать, оно довольно ясно улеглось в моей памяти, а вдобавок есть еще книги хорошие, может быть, что-нибудь и вышло бы.

Начинать с дифференциального исчисления, может быть, и показалось бы тебе трудно, но оно интереснее алгебры, а по-

тому ради интереса от времени до времени ты выслушал бы мои алгебраические заметки. Но разных отступлений нужно столько, что страница состояла бы из 5 строк самого текста, остальное — объяснения.

Но где же исход? Общество? Но пустое общество не удовлетворяет тебя...

22 декабря

Теперь несколько начинает определяться положение. Корсаков остается, следовательно мне придется, вероятно, жить в Иркутске. Впрочем, вопрос о том, буду ли я в Благовещенске или в Иркутске, еще не решен.

А на недостаток материалов для деятельности грех пожаловаться. Теперь мне дано одно дело, огромное и очень важное. Думают уничтожить телесное наказание. Для уничтожения телесного наказания потребуется заменить его тюремным заключением; число тюрем, а также их устройство придется изменить совершенно, для этого потребуется определить до мельчайших подробностей состояние здешних тюрем, а здешние тюрьмы важнее напр. тульских, так как сюда высылают новых ссыльно-каторжан до 800 и более. Средства к улучшению, как изменить систему тюремного заключения и пр. и пр., требуются практические указания от разных лиц. Каково? Мне, совершенно незнакомому с состоянием тюрем, даже с законами по этому предмету, пришлось учиться с азбуки, т. е. с устава о ссыльных, и собирать сведения о том, какие здесь имеются тюрьмы. Я бы никак не взялся за это дело, но было бы бессовестно не взяться, так как я вижу, что больше некому поручить, а ведь это вопрос серьезный. Я взялся (так как дело очень интересное). Потом мне предлагали быть производителем дел в новом комитете о городском устройстве, — я отказался, чтобы не погнаться за тремя зайцами. Как видишь, была бы охота работать, работа есть.

Прощай, друг! В следующую почту пишу Леонтьеву, вероятно будут помещать уже в воскресные прибавления к «Московск[им] ведомостям».

П. Кропоткин

1863 год

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 13 января 1863 г.

Вот уже несколько почт прошло, а от тебя нет писем, и я задаю себе вопрос: что с ним? здоров ли? Утешаюсь только тем, что, может быть, не получает давно от меня писем, а у меня был, кажется, в 1-й половине октября такой перерыв. Верно поджидает письма и оттого не пишет. Вот когда так несколько времени писем не получаешь, начинаешь сознавать, как далеко находимся мы друг от друга. Впрочем, теперь и период такой подошел, что какая-то неохота думать, делать, признаюсь, — заваливает работа, для себя ничего не успеваешь делать; поверишь ли, при всем моем желании Гершель лежит на 60-й странице, журналов тоже не читаю, из своих работ только кончил последнюю сцену «Эгмонта».

Впрочем, я иногда задаю себе вопрос: чем же та работа, хоть по тюрьмам или по городскому устройству, — нехороша?

Тоже и дела, да не затрагивают они так за живое, как астрономия, как механика. Когда иногда с грустью развернешь начатый перевод и видишь, что кончить его не успеешь, разве-разве разделаешься с Сибирью (но, сказать по правде, если мне и придется оставить Сибирь, то сделаю это я не без сожаления — страна хорошая и народ хороший).

На-днях мне вздумалось пересматривать исписанное мною. Я просто удивился, когда увидел, какие это составляет массы, и потом сколько еще писем и бумаг собственноручно написанных, так как писаря нет. Это просто меня озадачило: когда я это все успел сделать?

Не сердись, что пишу так мало, роятся мысли, да как-то не ложатся на бумагу, до другого времени. Прощай, друг!

П. Крототкин

Поцелуй за меня Леночку много, много раз. Скажи ей, что она не пришлет мне своей карточки, право порадовала бы она меня. Не так давно я писал ей, — получила ли она письмо?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 19 января 1863 г.

Саша, как давно от тебя нет писем, последнее я получил 25-го, а тогда почта шла чуть ли не кругом Байкала и письмо твое давнишнее (от 13 ноября), здесь же получили уже московскую почти от 17 декабря.

Если б не последнее Леночкино письмо, где она про тебя пишет и говорит, что она получила на-днях от тебя записку, я бы полагал, что ты болен, как не раз закрадывалось в душу, когда я не получал от тебя писем уже недели три. Не пропадают ли твои письма? Пока пропало только одно (о Гарибальди).

Милый ты мой, пиши, пожалуйста, чаще, я обещаю тебе тоже писать аккуратно, ведь, подумай, даль-то какая, письмо как долго идет. А уж твои письма стали для меня просто необходимостью, так, бывало, в начале зимы и знаешь: вот с этой почты будет от Саши письмо, — и есть, а то случалось, когда с прошлой почтой получишь, ну, думаешь — сегодня не будет: вдруг утром слышу шум в прихожей, Петров несет письма, от тебя все-таки есть, ведь не отцовские же письма радуют, не нежность Елизаветы Марковны (хотя и они подчас доставляют удовольствие), а твои, да письма от товарищей, да эти бывают не часто, Леночкино тоже, вчера первое получил. Пиши же, Саша, ну хоть немножко. Да ты все ли мои получаешь, не переехал ли Ваня, может быть, они пропадают, а ты ждешь моих писем.

Что, как астрономия? Верно, пишется и подвигается сильно, надеюсь, ты к этому делу не остынешь.

А я тут немного делал хорошего для себя. Все казенная работа, я уже писал тебе об этом. Теперь у нас затевается театр.

Приехал один господин и устроил. Играли «Не в свои сани не садись» и водевиль «Любовный напиток». Мне досталась в 1-й пьесе роль Бородкина, роль, которая мне не нравится, не по мне. Однако я все-таки взялся и изучил, как мог. Завтра спектакль. Генеральная репетиция была. Говорят, я играл хорошо, воспроизвел в Бородкине его артистическую наклонность и его заносчивость, хвалят мимику, но я собой доволен.

Там во 2-м акте есть одно хорошее место, но по разным обстоятельствам не постарались, играет скоро, да и Дуня — лед, хотя и очень хорошенький, но лед, девочка лет 17-ти, замужняя уже, только что из института из Петербурга, обдаёт иногда, как холодной водой, своей игрой — нет возможности войти в роль, а я убежден, что если бы вошел, так это место вышло бы хорошо. Третьего дня, напр., я разучивал роль и до того увлекся, что разрыдался до истерики, мой Петров даже перепугался. На сцене приходится играть с подогретым жаром, слезинки не выступает. Впрочем, другим нравится, — меня это даже бесит. А как скоро разучили, даже мне некогда было толком выучить роль! Читали в субботу, первая репетиция — во вторник, репетиции каждый день, играем завтра, в воскресенье, а тут еще комиссия.

Кроме того я играю в «Любовном напитке» молодого, очень молодого человека, роль несколько не типичная, бесцветная, но крайне легкая, так что я ее даже и не учил, даром что она из главных, до того можно легко играть в ней, врать и выдумывать, приходится петь, любезничать, целоваться (все с той же, которая играет Дуню). Это идет очень хорошо.

Итак, завтра первый дебют, не знаю, как сойдет.

Я знаю только одно, что я на сцене не конфужусь, а говорю, как должно, а все-таки неловко, потому что так мало было репетиций, выходов не знаешь, роли не знаешь, впрочем, хотя и не знаю, все-таки не унываю.

На репетициях весело, а потому грустнее, когда дома сидишь и перечитываешь твои письма. Боже, где же исход?

Прощай.

П. Кропоткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

31 января 1863 г.

Наконец-то я немного успокоился и могу приняться за письмо к тебе. Я не писал тебе так долго сперва оттого, что задумал писать и написал (за исключением несущественного) слишком много. Я говорю о письме насчет «чудесного». Я взялся слишком широко за это дело. Думал, что выйдет немного, а вышло очень много, почти печатный лист. В самую ту пору, как заканчивал я письмо, начались хлопоты. Ваня съехал с квартиры за неимением денег. Я задумал расстаться с ним. К тому же явилась надежда поступить на железную дорогу. Искал квартиру очень долго, много потратил попусту денег.

Сегодня, наконец, устроился кое-как, и вот мои предположения о будущем. Приходится сделать коренной переворот в жизни, чему я очень рад. Оставшись на своем собственном попечении, я, может быть, и устроюсь как-нибудь получше.

На железной дороге не будет места. Денег надо. Как быть?

Я потаскаюсь, когда немного отболят ноги, утомившиеся от хождений за квартирой, по редакциям. Это — раз. Вторых, свое письмо о чудесах переделаю и пошлю в один из журналов. В 3-х, постараюсь, чтобы в моем аттестате изменили слова «по неспособности к военной службе» словами—«по болезни». Если я представлю свидетельство о выздоровлении, я имею право поступить прапорщиком в один из линейных батальонов. Выбрал бы себе сибирский полк, иркутский, что ли. Есть, верно? Только вряд ли изменят, хотя лицо, от кого это зависит, сродни одной моей знакомой. Побоится, пожалуй, хотя бояться нечего и дело безвредное. Ноги? Ну, конечно, если они будут в исправности.

Сверх всего этого, может быть, напишу что-нибудь, например о значении материалистической метафизики... Наконец, пойду с предложением услуг к Кольчугину (сыну), который вздумал издавать разные переводы. У Глазунова был — отказали.

1 февраля

Мне на душу камнем легло сегодня одно дело, хотя я собственно сам не знаю, чем виноват — легкомыслием или вроде этого. Представь себе, вчера, когда я шел с братишкой

Ярцева домой, мне повстречался на улице какой-то очень оборванный немец. Первая мысль, которая пришла мне в голову, когда я на него взглянул, это было то, что он славный и неглупый человек. Он спросил меня, где тут поблизости есть немецкие фабрики, говорил, что ищет вот все работы, что его нигде не понимают, так как он говорит только по-немецки. «Ай, ай, — говорил он, — зачем покинул я родину?» — человеку, видно, трудно пришлось. Имеет он всего 4 копейки, говоря, что это все его состояние, что и это он выпросил, и тотчас опять стал говорить о фабриках. Ну, что надо было сделать? дать хоть четвертак (правда, последние были) или отыскать фабрику и отвести. Я не сделал ни того, ни другого, он не попросил, и я не дал.

Этого человека нашли мертвым в эту ночь на Девичьем поле. Он был оборван донельзя, кто бы его убил? Правда, пальтишко оказалось взятым, но не после ли кто сделал? Ну, кто бы стал убивать нищего? Ну, обобрал бы и бросил. Да кто покусится на это дрянное пальто? А отчего штаны не сняли? Сторона глухая, а то, может быть, заложил и пропилил, думая порешить с собой в ночь. Я убежден, что этот человек сам убил себя. Ведь он не хотел быть нищим, имея 4 коп. он мог бы попросить у меня, притом он хотел работы. Верно, не нашел фабрики, а не то, быть может, ему отказали. Боже мой, Петя, как мне тяжело, я считаю себя одной из причин самоубийства этого несчастного. Я очень хорошо обсудил, это не романтическая выходка. Конечно, забуду, верно, завтра. Но теперь я просто мучусь.

2 февраля

Я получил все твои письма. Особенно грустное действие произвело на меня твое большое письмо. Жизнь теснит, нет сил развернуться. Знаю я, конечно, что не всегда оплакиваешь ты это. Но ведь трагедии без перемежки не существует, а сколько на свете несчастных. И притом слышать это от человека, которого одного любишь. В повестях читаешь — и то заплачешь, а тут ведь своя плоть плачет, мне легче себя видеть несчастным.

Я заметил в твоём письме, что ты любишь, и притом «простою» девушку. С твоим благородством ты даже сожалеешь о невозможности брака. Брак, какой бы то ни был, есть неле-

пость. Контракт в любви. Знай только, что эта любовь пройдет и даже довольно скоро. Одиночество — вот ее причина. «Простой» девушке, как бы красива, умна и добра ни была она, не удовлетворить развитого человека.

Я тебе не пишу о вселенной и проч. оттого, что не взял книг. В статье надо было бы более подробно изложить чудеса, чем я хотел в письме, и я взял *Histoire du merveilleux*¹, Фигье, вторично.

Пиши все на имя Леночки. Я и сам не хотел бы этого, но что делать, видишь, съехали. Хорошо, что твое последнее письмо дошло до меня. Так пиши же на имя Леночки. Я вот тоже не знаю, долго ли проживу на своей новой квартире. Если не будет денег, придется сойти.

Твой брат Александр

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 2 февраля 1863 г.

Наконец-то, Саша, получил я от тебя письмо от 18 декабря, и то благодаря тому, что почта вследствие установившихся дорог стала ходить скорее, а то я бы просидел без писем от тебя довольно долго.

Приезжай летом, если будет возможность, надо сказать тебе, что здесь служат даже такие, как напр. Дризен, мой бывший товарищ, который ровно ничего не делает. Но вот скоро перейду вероятно в Иркутск, авось к лету что-нибудь да сделаю.

Ну, а чтобы от тебя ничего не скрывать, знай, что я был немного нездоров, т. е. сидел в комнате и виделся с доктором. Причина та, что объелся блинов. Теперь я обедаю в клубе, так как семья Жукеля уехала, и в немасленичное время за-теяли блины, я был усердным участником и немощно прохворал. Теперь поправился и здоров, и уж выхожу из дому. Знай, что и впредь я тебе буду докладывать о каждом своем нездоровье, и неполучение иногда писем не может быть следствием нездоровья, так как если бы нездоровье было бы серьезнее объедания блинами, кончившегося слабительным, — я бы тебе написал непременно в начале нездоровья. Это тебе к сведению на будущее время.

¹ «История чудесного».

(Прим. ред.)

Завтра воскресенье, начинается действительная масленица, и в субботу или пятницу думают опять играть. Сегодня я только что получил 3 роли в 3-х водевилях — все 3 очень глупые, как и сам водевиль. Хотели играть «Бедность не порок», не состоялось по недостатку дам, а затем не было ничего выбирать, кроме как «В чужом пиру похмелье», которое не понравилось, а потому ставят три водевиля, что мне сильно не по сердцу.

Тогда я писал тебе накануне представления «Не в свои сани не садись». Роль Бородкина сначала мне не понравилась, потом нравилась все больше и больше, и теперь я нахожу, что она недурна. (Нельзя сказать, что хороша.) Есть места и очень недурные. Я исполнял ее, как говорят, хорошо, но я собой недоволен, не совсем доволен, — выигрался, на второе действие не хватило действительных слез, все вытекли дня два перед представлением, когда я дома так увлекся, что дорыдался почти до истерики. Впрочем, и самая обстановка не давала войти в роль, пропускался романс и т. п.; несмотря на то, все-таки было недурно, аплодировали и, как водится, прерывали, что, я убедился, страшно бесит.

Затем я играл в водевиле «Любовный напиток». Роль очень веселая и приятная, по крайней мере многие мне позавидовали за очень звучный поцелуй.

Впрочем, я тебе все глупости пишу.

А вот что я тебе скажу: здесь, в Забайкалье, несметное количество всяких минеральных вод, столько, что и названий не припомнишь — почва вулканическая, и вследствие этого всевозможных кислых, сернистых, железных вод здесь куча. *Avis au lecteur*, да и мне оно не худо. Спроси, пожалуйста, если придется к слову, какие воды были бы тебе пригодны при твоих ревматизмах и при моих болезнях печени. Впрочем, надо тебе сказать, что только на одних (Туринских) водах есть что-то подобное на устройство, а то на прочих надо нанять у бурят юрту или даже купить ее и поселиться. А о пище самому позаботиться, заготовить, а на иных водах и самому приготовить. Зато в утешение имеешь какую-нибудь деревушку, бурятские юрты да горы и серьезную природу, — такая строгая, задумчивая. Здесь она вся такая: горы, скалы, еловые леса, сосны, горная речонка, скверная такая, что курица

вброд ходит, а за горами степь, да гладь, да ширь, лиловые горы на горизонте. Может быть, если удастся, и отправлюсь я куда-нибудь на воды. Оно было бы двояко полезно: и для здоровья и для самого себя — позаняться своим делом, а то, право, ничего не успеваешь делать для себя... Только когда был болен и сидел три-четыре дня дома, дал себе льготу от казенных дел и за эти дни столько перечитал, и Арагостал почти кончать, а то, представь себе, с Петербурга лежал наполовине, потом Гершеля первого тома больше половины прочел, перечитал все *Annales de Physique et Chimie*. Только не следует мне всего этого читать. Еще ярче рисуется то, что так часто рисовалось, занятия в университете, потом, может быть, поездка за границу, там учиться, поступить к кому-нибудь из французских ученых и работать под его руководством несколько времени. Это бог знает как давно рисовалось мне, и теперь то же на уме — а там свой угол и свои занятия. Неужели этому не суждено никогда сбыться? И неужели я мог бы осуществить это, как говорил Класковский? Скажи откровенно свое мнение. Я полагаю, что и выйду из корпуса с твердым намерением поступить в университет и стать современем ученым, я бы не мог никогда привести этого в исполнение, завалила бы работа или над переводами, или уроки с болванчиками, потому что уж не пришлось бы выбирать себе учеников по сердцу.

Впрочем, бог с ними!

Теперь работаю, как могу, в комиссии, этих дел не пришлось даже оставить, когда я был нездоров и давал себе четырехдневный отпуск. Приходилось работать, и в карете ездил на заседания. Ну, право, Саша, ты не сочтешь это за хвастовство, уверяю тебя: я не в состоянии дать себе отчета, до какой степени безобразия дошли бы их ответы, если бы они работали сами по себе. А уж говорить нечего, сколько времени было бы потрачено, да и теперь тратится, на пустую формалистику, которую от них никто не требует и которую они сами сознают ненужной. Вот это и интересно. А все так делают, — страсть, привычка, порода что ли? И старые привычки во всем.

Есть в комиссии один осел, баран старожил, который чорт знает почему выбирался на 2—3 общественных должности, ну, смотреть за садом за общественным, в клуб... Вот по рутине

и выбрали его председателем. Ведь глупость-то какая. А есть в комиссии люди, ей-ей, очень не глупые. А придут в комиссию, либо не высказываются, либо такую чепуху порют. Много интересного замечаешь здесь. Стоит только присматриваться.

Однако, прощай, Саша. Я и Леонтьеву-то редко пишу теперь, потому что отвлекают другие дела, да и теперь почти нечего писать про Читу.

Впрочем, я приготавливаю письмо, только соберу несколько сведений и отправлю.

Ну, прощай, Саша. Знаешь, я часто, кончая письмо, мысленно прощаюсь с тобой по портрету, а ты, помнишь, находил портрет лишишим.

Прощай.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 8 февраля 1863 г.

Саша, я только что с провод Кукеля. Мне стало невыразимо грустно, но поверить некому своей грусти, — нет тебя, а больше некому. Ни с того, ни с сего пришло ему предписание немедленно выехать в Иркутск и дожидаться там дальнейших распоряжений. На место его назначен другой. Корсаков ничего не пишет — он не вернется, все это как снег на голову. Ясно — предписание от высшего начальства, а не от Корсакова. О причинах можно догадаться: я писал тебе о Жуковском, о Михайлове, Шелгунове — тут есть связь между лицами ¹, а в политических делах нет закона, как проповедует Жуковский: Жуковский всегда за правительство.

¹ Кукель был уволен со службы по доносу за то, что он будто бы содействовал в 1861 г. побегу М. А. Бакунина из Сибири. По некоторым предположениям, донос был сделан Жуковским, бывшим губернатором Забайкальской области. Жуковский был также автором доноса на М. Л. Михайлова и Шелгунова. Шелгунов Н. В. — известный писатель-публицист, автор прокламации «К молодой России». Когда Михайлова сослали за распространение этой прокламации на каторгу, в Нерчинские рудники, Шелгунов счел своим долгом бросить Петербург и переехать на Казаковский прииск Нерчинского округа (вместе с женой), и здесь, благодаря Кукелю, он добился возможности поселиться вместе с Михайловым на Казаковском прииске. Об этом и послан был донос, и Шелгунова арестовали в декабре 1862 г.

(Прим. ред.)

По доносу все делается. Вот каковы дела. Еще и еще сотое подтверждение «либеральности реформ». И после этого возможны ли «мирные реформы»? Эти слова стали для меня так же противны, как тебе когда-то слово «практичность». Жаль Кукеля. Я с ним расставался, как с очень близким человеком... Его поехало провожать до 1-й станции (за 40 верст) чуть ли не все «общество» — троек более десяти или пятнадцати. Надо видеть, как все озадачены. Вчера курьер привез это известие. Еще раньше слышали об этом и собирали подлиску на обед, иные записывали 100, 50, 25 руб. Спектакль единодушно отложили... У всех такие грустные лица, это хоть несколько охарактеризует тебе этого человека.

Вчера я получил твое письмо о вечности¹. Ответ напишу немного спустя, теперь дела не мало, и вероятно придется отложить денька на три, на четыре.

Адресуй попрежнему в Иркутск.

Если Жуковский будет ген.-губернатором, то вероятнее всего, что я уеду в Благовещенск.

Прощай.

П. Кротокин

6-е мое письмо напечатано в «Москов. ведомостях», № 4.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

18 февраля 1863 г.

Я просто не опомнюсь от радости, что ты в Сибирь вышел. Не говорю уже о блестящей полезной карьере. Нет, а вот что хорошо. Это я только четыре дня тому назад постигнул. Ведь всю гвардию, за исключением каких-то двух полков, услали усмирять Польшу. Прочие войска тоже стягиваются. Ты бы, конечно, не поднял руки за насилие. Перейти за границу невозможно или необыкновенно трудно, притом очень неприятные последствия. Осталось бы тебе либо самому убить себя, либо попросить, чтобы тебя расстреляли. Боже

¹ Письма А. А. «о вечности» в архиве П. А. Кротокина не имеется.
(Прим. ред.)

мой, ну, как тут не радоваться! Бедного Чистякова с его полком послали на-днях в Петербург, оттуда, верно, скоро в Польшу. Он улучил время, пришел ко мне поговорить со мной, высказать мучения борьбы с собой. Не нашел меня, так как я переехал. Отправился к Васильковскому, тот тоже не знал моего нового адреса, но что я мог посоветовать ему, — это очень ясно. Он решил только обороняться. Сам понимаешь, до чего это невозможно в свалке, в чаду битвы. Сколько добрых, хороших людей покроют себя несмываемым позором! Жаль, жаль их, страсть как жаль, они стоят сожаления, Петя, по крайней мере многие. Не правда ли?

Мой «Бог перед судом разума» так и не подвигается. А славная выйдет штука, коли проживу еще лет пятнадцать. Главное — лень, и все как-то отвлекаешься то тем, то другим. А для нескольких параграфов надо кое-что прочитать: факты, — знаю их не довольно, напр. содержание религий. Вот кабы успокоиться, дело пошло бы на лад непременно. Мне это так близко, так близко к сердцу.

21 февраля

Посылаю тебе программу «Бог перед судом разума». Это любопытно. Тебя поразит смелость замысла, особенно третьей главы. Но не забудь, во-первых, что я не буду пускаться в мелочи, в подробности, так как для этой цели мне этого вовсе не надобно. Во 2-х, помни, что я всю жизнь буду писать эту книгу, сперва коротко, потом подробнее и подробнее, по мере появления новых знаний и соображений.

Книгу посвящаю тебе. Набрал уже несколько строк посвящения. Вот они: «Да будут тебе эти заметки пособием в часы трудов по освобождению рассудка от религиозной лжи, делу, которое тебе, конечно, не менее, чем мне, дорого» и т. д.

Хотя нас много, но поверь, что нам труднее вербовать последователей, нежели проповедникам иных учений, напр. христианского. Правда, нам не заграждают пути ни костром, ни мечом, зато против нас такое упорство предрассудков, какого апостолам Иисуса Христа не приходилось встретить. За них были сердца толпы. Кроткий Спаситель и Всескорбящая Дева так хороши и обаятельны... Нам, атеистам, Петя, нечем польстить толпе. Во имя истины мы разрушаем даже

веру в бессмертие, — лучшую надежду страдающего человека. Притом проповедникам Христа приходилось, да и теперь приходится, только изменять понятие о боге, а не вовсе искоренять его из человеческого рассудка. Реформы легче пересоздания. А пересоздание, которого мы хотим, требует отречения от самой сущности всего, что привычно и дорого с детства; требует того полного разрыва с былым, который для людей, не вполне преданных истине, так труден. Но *Die Wahrheit siegt, sie wohnt in ew'gen Sphären* ¹!

Популярность будет необыкновенная. Это будет просто прозрачная ясность. *Dès que la première ébauche sera finie* ², напечатаю за границей. Главное достоинство сочинения будет состоять в его полноте, ясности, в том наконец, что я дам на замену разрушенных верований современное миросозерцание. Первая глава будет исключительно разбор, ничего иного, как разбор; оттого-то и попадают в третьей главе заглавия, тождественные или сходные с некоторыми первой. Впрочем, и в 3-й главе будет кое-где попадаться критика: нельзя.

С о д е р ж а н и е :

Брату
Читателю

Г л а в а п е р в а я. Разбор основательности доводов за существование бога.

1. Понятие о боге.
2. Повсеместность религий.
3. Создание.
4. Причина причин.
5. Стройность в природе.
6. Чудеса природы. Необъяснимые явления.
7. Св. писание и св. предание.

Молитвы, святые мощи, иконы, нравственность и т. д. — все пустяки.

Г л а в а в т о р а я. Существование зла и страданий как прямое доказательство того, что нет бога: внутреннее противоречие в представлении «Бог».

Г л а в а т р е т ь я. Опыт нового миросозерцания.

1. Два ряда явлений. Их сущность.
2. Пространство и вещество. Свойства вещества.

¹ Истина побеждает, она пребывает в вечных сферах.

² Как только первый набросок будет закончен. (*Прим. ред.*)

3. Силы природы. Их соотношение. Движение. Причина причин (в настоящ.) как отвлеченное понятие.
4. Общее описание мира.
 - a) Вселенная. Группы. Солнечная система. Земля.
 - b) Организмы: их жизнь и распределение.
 - c) Общество человеческое.
 - d) Прошедшее — вообще. Будущее — вообще.
5. Вечность вселенной, как бесконечной совокупности обособленных тел.
6. Вопрос о вечности системы. Лаплас.
7. Три изъяснения геологических и палеонтологических фактов минувших времен. Солнце, как переменная звезда. Расплавленность земли. Изъяснение посредством явлений, тождественных с теперешними.
8. Ну, так как же?
9. Психические явления в животных.
10. Физиологическая психология. Сущность психических явлений.
11. Взаимные отношения людей. Уважение. Любовь. Справедливость. Семейство и проч.
12. Поэзия и творчество.
13. Чудеса природы.
14. Новые законы.
15. Оценка мирозерцания: наука, гипотеза, метафизика.

Глава четвертая. Изъяснение религий.

Значение этой главы.

1. Языческие боги.
2. Боги монотеизма.
3. Деизм и пантеизм.
4. Общее определение бога.
5. Причины появления религий, язычество, монотеизм.
6. Изъяснение развития религий.
7. Национальность богов.
8. Об эгоистическом и нравственном элементах в религии.

Глава пятая. Значение религий в прошедшем и настоящем. Их значение для будущего. Теоретическое и практическое. Рассуждения.

Написано уже «зарождение религии у первых народов», о которых история ничего не знает.

Не правда ли, что недурно было бы выпустить в свет такую книгу? Конечно, я очень хорошо сознаю трудность исполнения. Главная причина того, что я уже давно как не продолжаю писать Б.П.С.Р. [Бог перед судом разума], в том, что я никак не могу достать необходимые книги.

Сюда скоро ждут мачеху с Полинью, и я не дожжусь времени, как бы увидеться с обожасемой сестричкой. Не знаю, говорил ли я тебе, но я обожаю Полинью. Не проходит месяца, чтобы я по несколько дней сряду не мечтал о ней. Это любовь — в самом полнейшем смысле этого слова, любовь такая страстная. Может быть, я ее слишком идеализирую, недостатки ее, впрочем, знаю.

Твой брат Александр

Пойдет, когда у Вани гривенник достану.
Я бы непрочь в Иркутск, но как это сделать?

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 20 февраля 1863 г.

Саша, ради бога, не сердись на меня, что я вот уже десять дней не писал тебе и столько времени не отвечаю на твое письмо о «вечности». По временам на меня находит такая полоса, что весь отдых от писанья состоит в том, что заедешь к одной госпоже часа на два вечером, и читаешь ей, да соберутся к тебе несколько горячих поклонников новых порядков и учреждений, и начинают толковать, как уломать отсталых, упирающихся как волю. И вот нашла такая полоса, что в комиссии о гор. устр. решается существенный вопрос. Пришлось вытаскивать Городов. Грамоту 1785 г., пришлось переречь законы и писать довольно много, а к тому же надо было кончить свое описание выставки¹, которое я уже кончил и сию теперь над переписыванием отчета, так как с моих черновых рукописей, беспрестанно передельвающихся и дополняющихся по незнанию предмета, писарь ничего не разберет, да и читать в комитете было бы трудно.

Пожалуйста не взыщи.

¹ П. А. Кротокин был избран в 1862 г. секретарем выставочного комитета устроенной осенью 1862 г. в Чите «Забайкальской выставки сельскохозяйственных и других произведений». Отчет об этой выставке, написанный П. А. Кротокиным, был издан отдельной брошюрой в Иркутске в 1863 г. 55 стр. (Прим. ред.)

С прошлой почтой я отправил начатое еще в январе письмо к Леонтьеву ¹.

Теперь я пишу только, чтоб сказать о себе, что я здоров как нельзя лучше. У нас началась весна, но сменилась снова морозами, и все-таки весна настоящая близко, снегу уж совсем нет, только в горах, а потому теперь и болеть грешно. Прощай.

П. Кропоткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Воскресенье, 24 февраля 1863 г.

Вчерашний вечер будет мне долго памятен. Днем приходил Ярцев с братьями, выпили. После обеда пошли к Васильковскому. Оттуда к Ване, не застали дома, но остались и стали пить чай. Ваня пришел, посидели... Все это время я был в порядочном состоянии духа. Но едва я вышел из ворот, это было в начале девятого часа, и пошел домой — на меня напала такая тоска, такое отчаяние. Тоска о бедности, или, лучше, о том безвыходном состоянии, в котором я нахожусь... Я начал думать, где бы достать денег. А мне надо много денег, на все надо. Я шел по Арбату, и вдруг мне пришло в голову пойти, а это только немного в сторону, к дяде Дмитрию Николаевичу ² и тете Ольге Александровне — сказать им: судите как угодно, я у вас давно не был, на это были причины, вот теперь пришел — давайте на сапоги и калоши... так и скажу — «на сапоги и калоши», как это ни странно и ни нахально. Я шел просто, не думая, был в таком отупении. Прихожу к ним, дома нет, вправду нет. Я был рад этому случаю... Пошел домой, ноги были промокшие, но я уже не обращал на это внимания. Я шел не разбирая дороги, ступал в лужи, меня всего обрызгало, я все шел. Думал, как бы хорошо было убить себя. Ведь счастья не дождешься, людям пользы не принесешь... И меня останавливало только то, что ты меня любишь и что тебя замучила бы моя смерть...

¹ Было напечатано в № 18 «Современной летописи» — приложении к газете «Московские ведомости»

² Сулима, брат покойной матери П. А. и А. А. (Прим. ред.)

Милый, милый Петя, я тебя только люблю, да еще и Полиньку. Годы разлуки не убили этой любви. Я так часто и много мечтал о ней. Если это возможно, я люблю ее еще более теперь. Это плохо. Кончаю, потому что слезы подступают. Мечты и слезы всегда при мне.

Александр

Мачеха дала 10 р., взял!!

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 10 марта 1863 г.

Я только что получил твое письмо с твоей новой квартиры. Ты пишешь о коренном перевороте в своей жизни. Дай-то бог. Ах, Саша, неужели нет исхода? Но он будет, и я жду его, жду! Глупо я сделал, что поехал сюда. Если бы я остался в Петербурге, мы вместе бы были, легче было бы. Но я утешаюсь хоть тем, что тебе сюда можно будет попасть, тогда много лучше будет, сторона хорошая, — тебе понравилось бы, и гораздо вольнее живется. Ты вот подумаешь, что это фраза: «вольней живется», — а оно не фраза, действительно легче, чем — правда, трудно определить — простотою отношений, что ли.

Ты говоришь про мое большое письмо, говоришь, что понял, что я полюбил девушку «простую». На этот раз, Саша, не угадал, я еще не любил никакой женщины, кроме ребяческой любви к Варе Сорокиной¹. Здесь м[ожешь] б[ыть] спокоен. Если и зарождалось на несколько времени (несколько дней) что-то похожее на любовь, то это была не более как сильная потребность любви, принятая за любовь, да это, впрочем, продолжалось недолго, именно несколько дней, может быть, под влиянием этого я и писал. Но девушка это не «простая», а замужняя барынька, но тоже не развитая, не по мне. Я и развязался с ней в какие-нибудь полторы недели. Впрочем, и в настоящее время у меня осталось к

¹ Дочь небогатой помещицы, соседки по имению Кропоткиных, подруга старшей сестры братьев Кропоткиных. Посвященный ей акростих, написанный П. А., приводится им к письме в брату от 30 июня 1858 г. (см. I том «Переписки», стр. 103). *(Прим. ред.)*

ней очень приятное чувство, хоть мне скучно с ней вечер просидеть, но сплетни на нее всегда трогают за живое, в ней много хорошего, есть и природный ум (небольшой), но мне даже и говорить с ней не о чем. Это та институтка, вышедшая замуж 17-ти лет, с которой я играл в «Не в свои сани не садись» и в «Любовном напитке», и во всех затевавшихся новых пьесах — я писал тебе о ней.

Но где ты нашел, что я сожалею о невозможности брака, я не помню этого, а потому выпиши то место, которое навело тебя на эту мысль, мне это интересно, — может быть, сорвалось.

Ну, однако, прощай.

П. Кропоткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

13 марта 1863 г.

Полинька уехала. Дней пять до ее отъезда я лежал на кровати и плакал о предстоящей разлуке. Я так ясно представлял себе эту минуту расставания, я думал даже, что дело дойдет до рыданий. Настала минута, и я только с грустью расцеловал мою «голубку и пташечку». В последние дни я разглядел, кого я так страстно любил, и как горько я ошибся в чувствах моей обожаемой сестрички... Я был обманут оттого, что слишком глубоко чувствовал.

Какое страшное разочарование, до чего может пылкий человек идеализировать предмет своих мечтаний, до чего могущественно влияние одиноких грез!

Ведь я прежде знал Полиньку. Вспомни: «знаю ее недостатки»... Как же это фантазия могла заглушить во мне голос рассудка? Мне просто стыдно вспомнить, до чего восхитительный образ носился передо мной. Довольно того, что я начал писать повесть. Я утешаюсь только тем, что скоро отрезвился. Мне надо было только день один, чтобы разогнать этот дикий бред.

Стоит ли рассказывать, что такое Полинька. Ты ее знаешь. Бесчувственность, отсутствие того ума, который нам дорог, т. е. не житейского, — скарედность, даже отсутствие того нечто, которое в дитяти и отроке заменяет идеал человеческого достоинства... Она презирает бедность, она тщеславна,

она презирает лакеев, не за то, что они мерзавцы, а за то, что они лакеи... и проч. и проч.

Разумеется, я понял влияние среды. Я наблюдал до того зорко, что заметил частные причины зарождения всех недостатков этой девочки; если бы не лень, то я привел бы тебе очень длинный и сухой перечень.

Что в ней хорошего? Глаза, ресницы, волосы, губки, милое выражение лица, цвет его? Она преумненькая и кое-что понимает в людях, но спесь, притворство и т. п. Да, хороши еще и кое-какие детски-откровенные выходки, хороши... но разве она не дитя?

Любит ли она свою мать? Будет ли, вообще, когда-нибудь любить? Я почти готов утвердительно ответить, что нет. Если нет, то перерождения не будет.

Но мне было все-таки так грустно проходить сегодня мимо гостиницы, где они останавливались. Когда я завидел этот белый дом, эту громаду, почему-то так резко выделяющуюся на вечернем небе, — мне стало так больно, что слезы, неизбежные слезы, поминутно принимались подступать и душить меня. Я побоялся, что мало-по-малу опять предамся мечтам... Ну, что, если фантазия и чувство опять в самом деле одержат победу над разумом? Ведь это будет обидно...

16 марта

Пишу тебе под свежим впечатлением от твоих театральных писем. Не знаю отчего, но я не только не симпатизирую твоей актерской деятельности, — она мне противна до высочайшей степени. Знай, что я через строчки читаю те страницы, где ты мне пишешь о театре. Не требуй от меня строго отчета о причинах моей антипатии к актерам. Я сам не ясно сознаю, отчего не желал бы видеть тебя на сцене. Во мне чутье говорит на этот счет. Но, кажется, что вот причины этой антипатии к актерству: актерство убивает истинное чувство. Оно развивает гаерство в жизни. Оно порождает хитрость, тщеславие. Оно, наконец, бывает причиной множества мелких отвратительных замашек в речах, движениях, поступках, которых как-то не могу сейчас припомнить... Васильковский откликнулся на мои чувства. Впрочем, он смотрит на дело иначе, сцена, по его мнению, отклоняет от

иных, более полезных занятий, посредственного актера он считает дрянью. Я просто ума не приложу: ты любишь играть? Можешь ли отвязаться от этой любви? Ах, если б мог! Давно еще, при твоих словах об актерских наклонностях, я почувствовал невольное отвращение к этой стороне твоей натуры и какой-то испуг. Потом ты стал пописывать. Я до сих пор молчал, сам не знаю почему.

Ты спрашиваешь меня, какого я мнения о тебе. По мне (Васильковский читал твои письма и одного со мной мнения, а это оракул), ты редкий человек, один из таких, каких надо России. Вышел ли бы из тебя при иных обстоятельствах ученый в полном смысле этого слова — сомневаюсь... Но ты поразительно хорош и без учености. Месяца два тому назад я подвел твои свойства под следующие рубрики: 1-е — женственность, грация в чувствах и обращении и поступках; 2-е — светлый и самостоятельный ум; 3-е — множество основательных познаний; 4-е — идеальное благородство; 5-е — воистину удивительная наблюдательность; 6-е — охота и способность к труду; способность дело делать, воистину непонятная в таком молодом человеке; 7-е — любящее сердце; 8-е — поэтическая душа. Не помню еще что-то. Пороков и недостатков нет, разве вот склонность к театральной игре. Но это скорее мать пороков, чем порок.

Чем тратить время на изучение дурацких ролей, да на репетиции — ты лучше бы занимался наукой: сам пишешь, что времени мало. А не то хоть переписывал бы набело свои письма: я читаю их с трудом, до того неразборчиво. Вообще, от души бы желал, чтоб ты бросил актерство. Притом нет ничего хуже посредственного актера, а есть ли в тебе сценический гений, сильно сомневаюсь. Да если бы и был, чорт с ним! Я о тебе говорю, а не о публике.

Я получил от тебя всего 19 писем, считая с письма из Нижнего и кончая тем, где ты пишешь о смещении Кукеля 8-го и 9-го февраля. Это письмо возмутило меня. Чего же ждать от подлецов! Я так и предсказывал Васильковскому, что Кукеля рано или поздно прогонят. Разве у нас потерпят таких людей? Доберутся и до Корсакова, увидишь!

Я сунулся было на-днях в табачный акциз, — отказали, места нет. В Сибирь уж конечно не придется ехать. Откуда

взять денег на проезд? А на обмундировку? В военные нельзя. От отца нечего и ждать. Меня просто давит мое бездействие да эта проклятая нищета.

А. Кропоткин

Пойдет, вероятно, завтра, двадцатого.

Ревматизм не покидает меня.

Бедность, грязь и лохмотья в одежде — тоже. Ну и заботы, думы о том, как бы устроиться... Последнее мне просто покоя не дает — мешает даже заниматься как следует.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

22 марта 1863 г.

Я сейчас думал о том, как хорошо тому, кто, при поэтической душе, имеет множество познаний о природе. Глубокое знание природы не только не убивает поэзии, но даже доставляет более материалов для поэтических наслаждений. В виду антропоморфического мирозерцания минувших времен, в котором так много поэтических образов и дум, находящихся в прямой зависимости от невежества, иные подумали, что с расцветом естествознания падет и поэтическое воззрение на природу. Это грубая ошибка.

Что касается до первого, то я, например, очень хорошо понимаю, что травы и камни — бесчувственные создания. Но мне порою жаль сдвинуть камушек с места, думается, что он привык к этому месту, что он привык к клочочку земли, которая находится под ним, к травкам, его окружающим, и проч. Любовь теснится в грудь, а в любви так много поэзии... Часто являлась во мне какая-то бессознательная потребность сдвинуть соломинку, разнять засохшие травки, и я оставался недвижим, мне становилось жаль нарушить то гармоническое спокойствие, в котором мне грезилась любовь. Осеннее небо с быстро летящими облаками, в отдалении лес с опадающими листьями, пустые, пустые нивы, — все это затрагивает во мне так много поэтических струн, что я принимаюсь сладко грустить с природою, я ее люблю в эти минуты, будто она вправду живое, скорбящее существо, полное нежной грации. Ветер

ли заунывно поет в печной трубе, мне чудится плач... В торжественных раскатах грома и ярком блеске молнии мне чудится какое-то сосредоточенное, намеренное проявление невыразимого величия. И между тем я понимаю сущность всех этих явлений, и я один из самых горячих приверженцев научности в мирозерцании. Но поэтическая дума, как я сказал уже, возможна и помимо антропоморфизма. Когда я думаю о звездах, — какие пластически прекрасные представления вызываются во мне! Например, строения систем, быстрые передвижения светил, неописанная величественная внешность светозарного солнца среди глубокой темноты беспредельного пространства...

Я знаю слишком и слишком мало, но чувствую много поэтических наслаждений, прямо зависящих от моих познаний. Начнешь, например, воображать себя на луне. Ходишь там, рассматриваешь эти странные горы, тени их, любишь на освещение, — кругом все мертво, тишина не возмущенная... А не то, бывало, валяешься в лесу, чувствуешь, что тут жизнь кипит, соки переливаются, чувствуешь оплодотворение. Все эти мечты были бы невозможны без знания. Как бы я стал наслаждаться своими мечтами о луне, если бы не знал об ее устройстве. А как, вероятно, наслаждается Дарвин, когда в его уме возникает представление о великой борьбе за существование *Struggle for life*, в которую вовлечены все земные организмы? Как много здесь мрачной величественной поэзии! Между тем, без знания этой борьбы невозможна и поэтическая дума о ней.

Однако, знаешь ли, я сейчас прочитал то, что написал тебе сейчас, мне стало совестно. Это как-то не в лад с событиями, которые теперь развертываются в Польше. Конечно, мне нечем помочь полякам, но все-таки как-то совестно.

Я читаю теперь книгу Дарвина, но очень мало выношу из этого чтения. И по недостатку в подготовке: надо видеть эту книгу. Притом я всегда очень много беру чутьем и мгновенным воспоминанием при случае того, что прежде попало в мозг. Я почти ничего не выношу оттого, что не понимаю многих немецких слов. Я вообще очень мало читал на немецком языке.

Дядя Митя ¹ купил около Волги где-то маленькое именье. Он пригласил меня туда, недельки на две, когда переедет туда, говорит—«молоком опую». Дай-то бог. Хорошо и в городе, но в деревне лучше.

Одно больно мне. Природа всегда вызывает во мне болезненное недовольство. Непосредственное созерцание не удовлетворяет меня вполне, а познаний почти нет. Да какой почти, — вовсе нет. Я знаю только что о звездах и т. п. Настанет, впрочем, иная пора, я уверен.

Довольно с тебя пока.

Твой брат Александр

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 24 марта 1863 г.

Теперь я начинаю жалеть, Саша, что уехал сюда, когда читаю, что в Сербии готов подниматься народ, везде по дворам оружие, и беспрестанно читаешь, что вот-вот, весной, вероятно, пойдет потасовка. В Сербии нужны руки, и я охотно бы поскакал туда. Что же до Польши, то, при всем моем сочувствии, я не поехал бы туда по нескольким причинам: 1) что восстание не довольно серьезно. Если бы поднялся народ, то, и одними косами вооруженный, он что-нибудь бы да сделал. Ему не надо драться, нечего лезть под картечь да под пушечный выстрел, а надо рвать мосты, из-за каждого куста и камня стрелять и при первом приближении войска бежать в леса.

Такая война — единственно возможная война — до того утомляла бы войска, что они дрались бы не очень успешно. При полном сочувствии массы народа не так-то легко было бы колоннам преследовать шайки, а у них и стычки-то только с шайками, где встретят, а не в каждой деревне, не на каждом мосту, да и мосты не жгут, на ночлегах не тревожат ежеминутно.

¹ С у л и м а, Дмитрий Николаевич, брат матери П. А. и А. А. Кропоткиных. (Прим. ред.)

В Сербии, Черногории война пойдет иначе.

2) Вот, все-таки есть чувство, что против своего солдата не хотелось бы идти, впрочем, это последнее зависело бы от сопровождающих их обстоятельств.

Но в Сербию, в Черногорию, в Албанию рабочие руки нужны, нужны инженеры, артиллеристы полевые, туда я бы не задумавшись поехал. Но я в высшей степени доволен, с другой стороны, что уехал сюда. Что меня ожидало бы, если б я был в полку? Может быть, все время не пришлось бы переписываться.

Вот, Саша, не скоро мы с тобой дождемся чего-нибудь толкового.

Знаешь, что, по-моему, самое честное, самое нужное в настоящее время, — это учить и воспитывать народ. Как образец воспитания народа могу указать на управление Кукеля. Постоянное внимание ко всякому малейшему нарушению прав народа, — всякую вещь, как бы мелка она ни была, он разбирал добросовестно, всегда выказывал уважение к миру и его приговорам, для чего многие дела предоставлял решать мирским судам, наконец, само обращение, — всякому подавал руку, говорил, выслушивал мнения крестьян на сходках и т. д. Он принес великую пользу основанием более полсотни школ. Ну и, само собой, его поспешили убрать. Ненависть, доносы, — вот оно русское общество; всегда и везде будет то же; началась, брат, у нас на Руси доносомания давненько и долгонько она продолжится. В числе доносчиков, если не прямых, то своими писаниями министрам, был Завалишин ¹ (я писал тебе о нем), — один из декабристов, а еще высидел двадцать, что ли, лет в каземате!

Одним словом, и здесь делается мерзко. Мне предлагали стать чиновником особых поручений. Место штатное и очень хорошее жалованье, но теперь я положительно желаю ехать в Благовещенск и отказываюсь. Иркутск в высшей степени противный город. Ответ пиши в Читу, а потом, вероятно,

¹ З а в а л и ш и н, Дмитрий Иринархович (1804—1892), декабрист. П. А. познакомился с Завалишиным в Чите через другого декабриста, И. М. Горбачевского, к которому П. А. имел в 1862 г. рекомендательное письмо из Петербурга. (Прим. ред.)

придется писать в Благовещенск. Саша, дело с твоей службой все хуже и хуже. Неужели просить Шелашникова¹? И что он сделает? Ничего. Он сам временный.

Что сказать о себе? Я здоров, немножко два дня чувствовал себя нехорошо, а потому теперь лечусь так: утром в 8 часов (по утрам здесь всегда тепло — нет ветра; днем всю весну сильный ветер), как только встану, сажусь верхом на лошадь и еду в горы. Иногда карабкаюсь на горы пешком. К 9 часам возвращаюсь, пью чай. Это очень здорово. Теперь дела у меня поменьше, а потому я стал читать побольше, прочел между прочим Мицкевича, «Cours de litterature slave», и теперь читаю Гершеля и Seguín «Sur les causes de la collision, supportés a l'abstraction newtonienne»...

Однако прощай, 12 часов, надо письмо отсылать.

П. Кропоткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

14 апреля 1863 г.

Я всегда восставал против целей в жизни, и восставал во имя счастья. Я ошибался, если судить по чувству душевного спокойствия, которое вот уже четыре месяца как воцарилось во мне. В начале нынешнего года я окончательно почувствовал в себе что-то новое, чему не мог дать имени. «Что же это такое?» — спрашивал я себя: Если не ошибаюсь, слово найдено. Для меня началась жизнь с целью...

Цель моей жизни — «Бог перед судом разума». Как вспомнишь теперь свои занятия и думы былого времени, то ясно видишь, что все они были подготовлением к этому труду. Я до сего дня не сознавал этого, меня смущали мои энциклопедические занятия. Теперь я понял, какое бессознательное чутье руководило мной в выборе занятий: создание естественного мирозерцания, борьба против бога и свиты его, — эта идея царила над всем, что я воспринимал извне, над всем,

¹ Шелашников, Константин Михайлович — ген.-майор. В 1863—1866 гг. губернатор в Иркутске. (Прим. ред.)

о чем я задумывался ¹. Я теперь припоминаю это, и мне делается легко на душе. Чутье заменилось теперь сознанием, что «Бог перед судом разума» — цель моей жизни. Теперь я вижу свою будущую жизнь как на ладони. Энциклопедические занятия будут продолжаться. Но мне не к чему изучать и запоминать все растительные и животные породы, все частные проявления электричества, мне не к чему вычислять планетные возмущения, не к чему знать по именам всех рыцарей крестовых походов... Я буду, как и теперь, выбирать отовсюду готовые результаты, за медом дело не станет. Само собой, что можно ошибиться в выборе результатов, но чутье спасет меня, я верю ему, оно меня не обманет, и оно развито во мне поразительно; как подумаешь, даже страшно станет, даже зароятся самолюбивые мечты.

Притом у меня логичный, ясный ум, особенно с 1861 г. Это много значит.

При подобном качестве, при чутье, даже, имея мало сведений, бываешь хорошим критиком. Да и то надо сказать, ведь я хватаю не совсем только одни верхушки, а постепенно буду заглядывать все глубже и глубже, я имею на это данные.

«Бог перед судом разума» будет писаться всю жизнь мою. Этот труд будет выигрывать в глубине по мере накопления знаний и дум. La première ébauche появится, вероятно, в 1870 году, по совету Васильковского, на французском языке (перевод по заказу) под заглавием «Dieu au tribunal de la Raison», в Лондоне, ровно 100 лет спустя после известной «Système de la Nature» Гольбаха, также изданной в Лондоне. «Бог перед судом разума» будет полней этой книги вдесятеро, хотя, конечно, не будет той гениальности, да моя книга не произведет и того действия — век не тот. Но она будет хороша, в этом я уверен. Отчего? Богданов ² как-то напомнил мне очень обыкновенную фразу: «Если много позаняться одним предметом, то непре-

¹ До ноября 1858 г. я еще веровал в бога и в сверхъестественное. Но вспомни критику религий... не видно ли в ней стремления к созданию мирозерцания, наиболее истинного, научного, стройного.

(Прим. автора)

² Богданов, Анатолий Петрович — профессор зоологии Московского университета.

(Прим. ред.)

менно принесешь пользу», т. е. если посвятить себя одному делу, то непременно сделаешь, наконец, что-нибудь хорошее. Эти слова я только теперь вполне оценил, сознание этой истины окрылило меня. Конечно, чтобы сделать что-нибудь в науке, надо быть по меньшей мере неглупым, — я не глуп. Надо терпение... а на что любовь? Боже, да что мне всего ближе к сердцу? Ты, Петя, да «Бог перед судом разума» — один человек и одна идея — и «б. п. с. р.» будет хорошее сочинение. Беда, беда, что я беден. Правда, я и теперь przygotowляю себя, буду przygotowлять постоянно и впредь время не будет пропадать, оказывается даже, что оно никогда не пропадало, что я всегда przygotowлял себя.

А. Кроткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 21 апреля 1863 г.

Милый Саша, нет гаже чувства, как чувство бессилия, а я его испытал, когда читал твое письмо. И зачем я хотя на лето не вышел в какой-нибудь полк, а потом в отставку, все бы легче было вместе маяться... нет, да всего не скажешь, а много, много чего пришлось передумать, перечувствовать. Впрочем, не в этом дело. Когда первое поулеглось, я стал думать, и вот результаты: если бы мы любили бы друг друга вполне, не было бы этой игры, этой, право, чуть не церемонности. Что за безобразие, право, у нас слишком умственная любовь — сердце-то иначе говорит. Ты в беде, и я тебе не помогаю, я не могу этого выносить, да разве ты, ты не стал бы мне помогать в нужде, а я не нуждаюсь, — мало того, может быть, даже не слишком бережно живу. Одним словом, эти церемонности чувшь. Вот на первых порах 30 р. У меня было довольно денег, да я их пораскидал, теперь немного, но скоро снова наберется. Отец высылает довольно аккуратно по 160 р. (40 р. вычитает за 100 руб., присланные Елиз. Марковной на обмундировку). Впрочем, потом будет высылать по 100 руб. и будет высылать наверно. Через несколько времени я смогу еще прислать, но в предупреждение всяких вздоров, если ты будешь снова говорить, что и прежде, то вот тебе честное слово — эти деньги будут отдаваться на «улучшения храма

менно принесешь пользу», т. е. если посвятить себя одному господня в Чите». Право, Саша, я начинаю заподозревать наши отношения — положительно в них есть какая-то фальшь, а то, где ты увидишь двух здоровых любящих друг друга людей, которые бы церемонились (извини за выражение, — иначе, право, не говорится) брать друг у друга деньги, когда нужно.

Скоро я поеду на Амур. Жалованье амурское 39 руб. в месяц, порционные 1 р. 50 к. в сутки — 45, да 40 руб. от отца, видишь, делиться есть чем. На Амур я плыву без больших расходов, платье есть, следовательно, надеюсь довольствоваться порционными (квартира — катер), как наберется жалованье или как прийдет отец, вышлю тебе, найдется человек, которому можно будет поручить. Наконец, если мне будет трудно, то, даю тебе слово, прямо напишу.

Это первое, вот второе:

В июне или июле положение Шелашникова определится: весьма вероятно, что Жуковский сюда не будет назначен. Если так, то и я останусь, — с Шелашниковым жить можно, а в Иркутск я не хочу. На Амуре сказано меня не оставлять, и едва ли я бы остался, — все отсоветывают; да наконец я обжился в Чите. Подумай хорошенько, хочешь сюда или нет.

Видно, что жизнь меня еще не пристукнула, за унынием на меня всегда находит охота противодействовать. Слушай: у нас есть же силы, уладим как-нибудь, а чего уж я не затевал, думал уж и назад ехать. Да правду сказать, и теперь думаю. Тебе никак не удастся (хоть бы ты и решился тронуться раньше октября) добраться сюда через три с половиной месяца. Через три с половиной месяца может быть здесь твое прошение, через два месяца получишь ты на него ответ. Следовательно, ехать ты сможешь не раньше первых чисел октября. К тому времени я еще подумаю: если нужно будет, — я найду средства весной 1864 г. тронуться отсюда.

Теперь я скоро должен буду тронуться на Амур. Меня устроили очень хорошо. Я попал к заведующему сплавами и сказал ему, что вот-де намерен итти весной на Амур со сплавом, что-де в начальники района не гожусь, сами знаете, а помощником начальника рейса непрочь, желал бы итти на Усури. Меня и назначили помощником к начальнику сплава,

человек молодой и очень хороший. Через месяц мы тронемся с ним вместе, на катере, вниз по Амуру до Николаевска, а я постараюсь подняться на Уссури. Дела мне, вероятно, предстоит не особенно много, так что один господин говорит даже, что я поеду туристом. Почти так. Я очень рад ехать, — нужно мне побыть на воздухе, а то прожить здесь за казенными занятиями было бы не весело. Наконец, верховья Уссури особенно меня интересуют.

Леночка писала мне, что у тебя начинают глаза болеть. Так ли? Пиши же покрупнее.

Да, о письмах к Леонтьеву. Я решительно не понимаю, отчего мое письмо об читинской жизни не напечатано. Оно очень длинно, разве оттого, что у них много материалов о городских выборах и о Польше. Впрочем, я просил помещать в воскресных прибавлениях; после того я писал еще одно письмо. Надо бы понаведаться, получено ли оно, будет ли напечатано, и будут ли продолжать печатать мои письма. Если нет, то надо бы передать в какой-нибудь другой московский журнал, из хороших, потому что в плохоньком норвят печатать на шаромыжку. В «День» не годится, да и корреспонденция бесплатная.

Прощай, Саша, я просто не в силах писать, — до того беспрестанно выводит меня из терпения Петров¹, это ужас что за зверь.

П. Кроткин

Скоро я пошлю еще письмо о комиссии, потом с Амура. Эти будут печатать.

Со следующей почтой напишу, теперь не могу писать. Не лучше ли писать тебе на квартиру?

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

13 мая 1863 г.

Новости, Петя. Отец приехал! Я написал ему письмо, в котором просил у него личного свидания: «Многоуважаемый папаша! Убедительнейше прошу Вас позволить мне повидать»

¹ Петров — слуга П. А. из отставных солдат. (Прим. ред.)

ся с Вами, чтобы лично упросить Вас доставить мне какое-нибудь служебное место, способное обеспечить меня насчет насущного хлеба». Он отказал! Как? Можешь судить по следующей копии с его письма:

«После перенесенного в течение продолжительного времени от милого Алекс. Алекс... невыносимого огорчения, стыда и унижения, лицо, к которому он имел смелость письменно обратиться через Т. П.¹ и испрашивать свидания для личных объяснений, находит по своему мнению бесполезным и неприличным допустить оное, при чем то лицо сим заявляет, что ни за какие блага в мире оно не дозволит себе ходатайствовать, дать одобрительную рекомендацию о доставлении ему какого-нибудь служебного места, могущего обеспечить его существование, единственно в избежании снова переносить стыд и бесчестие чрез его необузданный характер, привычку к праздной и безнравственной жизни, унижающей достоинство русского дворянина. Одно, что только, для спокойствия своего и для прекращения неприятных и обидных разговоров о его нищете, по Москве распространяющихся, и хождения по чужим дворам, испрашивая подаяние, лицо то принимает на себя: приискать верного попутчика в Восточную Сибирь в областной город Читу и туда его отправить под непосредственное покровительство брата его П[етра] на свой кошт и снабдив всеми необходимыми нужными вещами из одежды и прочего, который вероятно не откажется доставить ему случай загладить все свои прежние безнравственные и отчасти подлые поступки и сделаться порядочным человеком и полезным членом для общества. Время на выезд из Москвы в город Читу назначается около 20-го июля, стало быть времени очень довольно обдумать это предложение и прислать ответ в г. Мещовск. Мая 10-го 1863 года, г. Москва». Письмо это было написано на полулисте простой бумаги, в конверт не вложено и писано не рукою отца, но сочинено, разумеется, им. Указываю на эти мелочи, ибо, зная отца, ты поймешь значение мелочей. Можешь сам понять, как это на меня подействовало. Скажу одно: я узнал, что получу письмо, ранее

¹ Татьяна Петровна, тетка П. А. и А. А., через которую он передал письмо отцу. (Прим. ред.)

получения его: С. М.¹ сказала. По дороге домой я, само собой, думал о том, что вот-де получу письмо, и, сам не знаю отчего, представил себя целующим письмо отца моего... Я грешу семейными подробностями... Вспомнив эту мечту, я заплакал... Однако надо было отвечать. Я написал, что согласен на все, но что... видишь ли, брат, что я подумал: ехать на авось хуже, чем ехать уже получивши место, так попрошу же царя принять меня офицером в К. К. А. В.²; придумано — сделано, написал прошение и послал отцу, объяснив его значение. Вот это прошение, впрочем не то самое, которое посылал отцу, а копия: «Августейший монарх, государь всемилостивейший!.. В 1859 году я вышел из I М. К. К., окончив курс в этом В. У. Я имел тогда полное право поступить на службу прапорщиком, но вследствие некоторых своих намерений отказался от воинского звания и вышел коллежским регистратором. С той поры я нигде не служил, ныне же почувствовал желание служить под знаменами В. И. В., так как при выпуске из I М. К. К. я отказался от чина прапорщика, то и не был произведен в оный чин и, следовательно, теперь имею право поступить на службу В. И. В. не иначе как нижним чином. Я бы желал поступить на службу В. И. В. не нижним чином, а прямо офицером, имея в виду, что я кончил курс в I М. К. К. и следовательно некогда имел полное право на чин прапорщика. Воззрите на меня всемилостивейшим оком и соблаговолите принять меня на службу не нижним чином, а прямо офицером и именно в К. К. А. В. Ревностною службою, по мере сил моих, я докажу, что достоин этой милости, которой теперь всеподданнейше прошу у В. И. В. Желая же я поступить именно в Амурское Казачье Войско, а не в какое иное, по той причине, что в К. К. А. В. находится на службе мой родной брат, сотник, кн. П. Кр[опоткин], летом 1862 года выпущенный из фельдфебелей Пажеского Вашего И. В. Корпуса. Сие прошение сочинял и переписывал набело сам проситель К. А. К. [князь А. Кропоткин], который к нему

¹ С. М. — Софья Марковна, сестра мачехи братьев.

² Конно-казачье амурское войско.

³ Первый московский кадетский корпус.

(Прим. ред.)

и руку приложил. И проч.». Заметь конец. Отец прислал следующий ответ: (ох, забыл, я писал отцу, что согласен на его предложение ехать, но никак не в Читу, так как Петя там не обретается, может быть, даже и в настоящую минуту и т. д.) «Копия с прошения при сем возвращается с некоторым изменением, остается только переписать оное и, помолясь милосердному творцу небесному, отправить по принадлежности и ожидать благоприятного решения. Попутчик на поездку в Иркутск нашелся, а оттуда до Читы нетрудно будет другого найти, там всего 700 верст расстояния. 12 мая 1863 года».

Заметь нелепость этого письма, особенно конец. Кажется, ясно писал ему, что в Читу не придется мне ехать ни в каком случае...

Предоставляю тебе самому судить о моем прошении. Надо же есть. Но как доеду? Но я не умею верхом ездить. Но если царь позволит, отец, пожалуй, ничего не даст: есть-де у него свои деньги, как тогда собраться?.. Если царь откажет и придется исполнять собственно отцовское желание, то я поеду не иначе, как получив все необходимое и 700 руб. на дорогу.

Мне лень отвечать подробно на твое письмо от 9 марта. Ограничусь следующим: если не ошибаюсь, мы теперь покончим с вопросом о вечности вселенной. Я утверждаю, что в беспредельном пространстве всегда находилось и будет находиться математически бесконечное количество обособленных тел, я утверждаю, что вселенная всегда была и будет, в общих чертах, тем, чем она есть теперь, не отрицая частных распадений систем, как бы огромны они ни были (напр. наша звездная группа), не отрицая возможности периодических переходов систем из газа в состояние звездного скопления и наоборот, мало того, утверждая, что такие процессы всегда совершались и всегда будут совершаться в беспредельном пространстве математически бесконечное количество раз,— я отрицаю возможность для всего вещества вселенной быть когда-либо, сколько-нибудь времени в газообразном состоянии, или наоборот. «То, что есть, то было и будет всегда». Ты утверждаешь противное, но на каком основании, не очень-то ясно понимаю, но чую, что тут все зиждется на перемножении периодов частных тел и систем. Если да, так очнись же, Петя, вспомни, что во вселенной математически

бесконечное количество тел (напр. звезд и систем), и что следовательно твое умножение должно длиться математически бесконечное количество математически бесконечных периодов (лет ли, или именно математически бесконечных периодов), что значит, что оно никогда не кончится. А из этого следует ясно вечность вселенной в моем смысле. Уяснив мне мой тезис и уяснив его как нельзя более, перешли мне его по почте.

Одним словом, основываясь на твоих периодах и умножениях, докажи мне математически ясно вечность вселенной. Дело в том, что я не совсем-то понимаю твои периоды и умножения, но чую, что они мне на-руку.

Тебя, вероятно, удивляет, что нет продолжения письма о происхождении видов. Это оттого, что мне некогда. Я имел неосторожность до сих пор книги братья у Богданова, их надо кончать к сроку, и оттого я все читаю и читаю. Через две-три недели покончу с чтением, тогда стану продолжать.

Тороплюсь послать тебе это письмо оттого, что давно уж не писал тебе: я послал тебе последнее письмо 27 апреля. Жди скоро еще письма.

А. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 13 мая 1863 г.

Вот уже около 3-х дней, как я в Иркутске, — приехал курьером — сказать, что Амурский сплав итти не может по случаю мелководья. Пускай придумывают средства, как сделать, чтобы не было голодухи на Амуре.

Собрался я в несколько часов. Около часу дня я ничего не знал об этом. Когда мне сказал кто-то из знакомых, что вы, мол, едете курьером в Иркутск, я поморщился, но вспомнил, что в Иркутске Кукель, что в августе он уедет в Петербург, что я его долго не увижу, вероятно; вспомнил про тракт кругом Байкала и успокоился отчасти. Кругоморский тракт замечательное местечко во всей Вост. Сибири. Представь себе на южном берегу Байкала горы громадной высоты, первые порядочные горы, которые я видел, высокие, крутые,

то совсем голые, покрытые еще снегом, то мохнатые, заросшие лиственницами, но какими великолепными, с чудной темной зеленью,— я много слышал про Кругоморку, и мне хотелось ее видеть.

В субб[оту] 4 мая, рано утром, я выехал. На Кругоморке надо делать 7 станций верхом, до того круты горы, быстры реки.

Дорога вышла такая, какую и предвидеть было трудно.

Первые два станка я проехал скоро, правда немного скучно, — тут дикая однообразная местность, но — горы, горы... спокойно о них вспомнить не могу. Верховая езда не слишком утомительна. К вечеру первого дня верховой езды я уже сделал около 80 верст. Я ехал не один, а с хорошим пареньком — Паулем¹, прямой, хороший, дерзкий господин. В первый же день к вечеру пришлось славная переправа. Нас не хотели везти, мы настаивали, взяли ямщика, старого бурята. Одна беда: по-русски ничего не понимает.

Пришлось перебираться через невероятно быструю речку, черт знает, что за быстрота, в России нет таких, такие бывают только в горах, как Хамар-дабан², вдобавок весною. Бурят взял лучшего коня, искал, искал броду, разик провалился, местах в 30 попробовал, наконец выбрал и сказал нам переправляться. Лед лег на дно и протаивает сверху, больше, чем по брюхо лошади, имеется воды с быстротою, кажется, 5 саж. в 3 секунды, если я верно считал. Впрочем, лошади привычны, мы переправились. Потом попали в снега такие, что ехать нельзя, дождалось 2-х часов утра, когда уже светает, и пустились дальше. Снега выпадают здесь такие, что бывают до 1¹/₂ саженой. Солнце жарит вот уж несколько дней. Все горы завалены снегом, а мы идем в одних бешметах нараспашку. Снег весь протаял по всей дороге, под собою слышишь журчанье ручьев, во всякой впадине речушка, в долине речка. На 10 шагах непременно провалишься до колена, иногда до живота в снег, внизу вода, и это случается почти

¹ Пауль, Александр Карлович—реvisor акцизного управления Восточной Сибири в 1863 г.

² Х а м а р - д а б а н — горный хребет к югу от озера Байкала, некоторые вершины поднимаются до 2000 метров. Горы круто спускаются к Байкалу и трудно проходимы. (Прим. ред.)

на каждом шагу. Лошади падают, и поминутно соскакиваешь с них или поднимаешь, не слезая. В одном месте в долине столько набежало воды, что некоторые лошади купались до шеи — хорош волок! — и падали, мы бросали их, чтобы самим выбраться. Провалившись несколько раз, добрались до островка, т. е. непротаявшей льдинки, лошадей нельзя вытащить, одна лошадь пошла сама вперед по протоке и застряла. Но и островок наш протаивает, я провалился в воду, нечего делать (надо итти), Пауль пошел вперед, провалился, еле вышел, мы решили вернуться на станок, бросивши лошадей. Советовались долго и решили сделать легкие санки, разделить легчайший вьюк на три части и итти пешком. Саней не из чего сделать. Впрочем, бурят вызвался проложить новую дорогу. Мы, само собой, согласились. Пока он ходил искать дорогу, мы стали сушиться и греться чаем. На бурятских станках ничего не достанешь, кроме чугунного чайника, сами они пьют кирпичный чай, да варят ядрицу наимерзейшим образом (хлеба нет), при всем аппетите есть не станешь, разве на 3-й день совершеннейшего голода, а я не слишком брезглив. С нами был белый хлеб да гусь жареный. Уж как мы им дорожили в продолжение 3-х дней странствования по бурятским станкам! Воду вскипятят в чайнике и засыпают потом уже чаем, пьют из деревянных чашечек, буряты едят в них свой кирпичный чай с салом.

Буряты отвели воду помощью запруды, и в 5 часов мы снова двинулись. Но лошади застряли в другом месте, мы ушли пешком, вьюки вытащили на руках, а лошадей бросили, потом уж нас подобрали обратные [кони из-под почты] другого каравана и ночью дотащили до станции. Я думал, что простужусь. Весь мокрый до колен, усталый, сел на коня, продрог вдобавок... ехали шагом. Пешком итти было невозможно от разлившихся речек. Но ничего, обсушились, напились кипяточку, все со смехом, с остротами, и через час готовы были ехать. С рассветом выбрались, впереди была хорошая дорога, станок в 24 версты проехали в два часа (7 верст в грязи шагом, остальное крупной рысью и вскачь). Поздно вечером успели в Иркутск, 1100 с чем-то верст в пять суток, из них в одни сутки сделали только 18 верст.

И что ж, на другой день только маленькая усталость, больше ничего.

В Иркутске всякая пакость. Корсаков бесится за что-то, дурит немилосердно, — кажется, за то, что Кукель со мной хорош, и за то, что я пописываю. — «Ох, смерть моя эти сочинители», — сказал он, смотря на меня. Встреча была преинтересная. — «Вы зачем приехали?» — «Затем, что воды нет, сплав не может идти». — «А мне-то что?» Я объяснил: «нужны такие-то и такие меры». — «Вам, верно, в Иркутск захотелось?» — «Нет, мне в три часа велено было собраться». — «Да верно вам нужно было в Иркутск? скажите по правде?» «Я уже сказал, повторяю, что мне велено было в несколько часов собраться».

Он отправил меня к Нач[альнику] Шт[аба] — и ни слова.

Потом узнаю, что сегодня он говорит: «Уж прямо так бы и сказали, что нужно было Паулю ехать» (у Пауля тесть здесь умер, и я будто бы поехал с ним, чтобы ему веселее было). Вообще Корсаков меня сильно не пожаловал, — некоторые даже спрашивали: «Да что такое сделал Кропоткин, что он его видеть не может?»

Я постараюсь вызвать его на разговор, чтобы он повторил свое предположение про Пауля, — приличный ответ будет.

Вообще читинцы здесь считаются либералами, которых нужно подтянуть. Говорят, в Читу едет Шульман¹, теперешний начальник штаба, тогда нужно и нужно подумать, куда направиться: в Благовещенск — худо, в Чите и тебе было бы скверно: Поплавский², теперешний вице-губернатор, на которого я рассчитывал, переведен в Иркутск, туда назначен святоша преотвратительнейший, — скверно будет, да еще Шульман, надо подумать.

В Иркутск? Ты не поверишь, как здесь скверно... Я 3 дня здесь, а хочу уже скорее уехать снова, не дожидаясь парохода, который пойдет через 3—4 дня.

¹ Ш у л ь м а н, Николай Густавович—бывш. капитан Семеновского гвардейского полка, где начал службу и генерал Корсаков. В 1863 г. Корсаков перевел Шульмана к себе и назначил губернатором в Читу вместо уволенного Кукеля.

² П о п л а в с к и й, Иван Варфоломеевич, был советником областного управления в Чите. (Прим. ред.)

После этого письма ты долго не получишь писем, потому что напишу уж из Читы, следовательно через 7 дней по выезде отсюда, может быть, даже 8—9 дней, да почта из Читы в Иркутск идет около 4-х недель, следовательно почти месяц не будешь получать, а это письмо, может быть, придет раньше предыдущего.

Прощай же, дружок.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 1 июня 1863 г.

Я давно уже приехал из Иркутска и так долго не писал тебе. И сегодня пишу только, чтобы ты знал, что я здесь и здоров. Скоро, может быть, даже очень скоро, — через несколько дней, — я должен буду уехать отсюда, пришлось сдать свои дела и стараться всеми силами кончить их, так как сдать их неоконченными — это значило бы задавать работу чуть не с начала тому, кому она досталась бы. Да и кому сдашь? Я должен был яро приняться за работу. Не сердись на меня, что я не пишу, и это не лень, я встаю теперь в 6 часов, ложусь в 12 и даже в час, — следовательно сократил свое спанье еще на час. Пишу много, и много работы, наводящей усталость, скуку и тупоумие, напр., по часам занимаюсь умножением и сложением цифр об арестантских портках да рубашках, и это нужно, потому что требуют на ряду с описанием состояния тюрем и статистические сведения о них. После нескольких часов такой работы я не в силах писать что-нибудь, над чем надо подумать, наконец и рука устает, и физически устаешь. А еще более приходится уставать по той причине, что моя сидейка¹ пришла в совершенную негодность, и я принужден ездить верхом на чрезвычайно тряской и непокойной лошади. По этим же делам приходится порхать от Шелашникова домой и в Обл. Правление, а эти места от меня в 1¹/₂ верстах, съездишь 3 раза взад и вперед, а это почти каждый день, два раза минимум, и выходит

¹ Двухколесная тележка — «бестужевка».

(Прим. ред.)

9 верст. Вчера, до 8 часов, я просидел с милой, умной, хорошей бырынькой, Поплавской, я писал тебе о ней, она скоро едет в Иркутск.

На-днях я уеду, вероятно, в Бянкино ¹ (300 верст). Там придется пробыть во время загрузки всех барж (до 100) нашего неудачного сплава, который в три недели отошел только 15 верст.

Там я буду совершенно свободен. Придется, может быть, ехать через 2 дня, а может быть, через 2 недели, т. е. через 2 дня после того, как вода начнет прибывать (сегодня начала, что завтра скажет).

В ответ на твое письмо (что получил от Леонтьева гонорар вперед) я послал письмо Леонтьеву, вышло очень большое (8 листов), о Комиссии город. устройства со множеством статистических сведений; я предложил разделить письмо надвое. Скоро он получит еще письмо. Я писал его около 3-х дней.

Буду писать о Кругоморке 10-е и о сплаве 11-е ². Не сердись, что я не переписываю писем, — если б ты видел ту массу бумаги, которая исписана мною за зиму; — даю слово, я сам удивлялся, когда успел. Буду писать крупнее.

Однако, прощай, я едва в состоянии писать, право, выпадет же такое времечко, прощай.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 3 июня 1863 г.

Я приехал из Иркутска и нашел 2 твоих письма, через несколько времени получил еще 2, а сам успел написать только одно, да и то не пошло, потому что перемешали день отдачи писем с перевозкой через Байкал.

Твои 4 письма (с разницей в месяц между первым и последним) получились чуть не вместе, — это неисправности весенних почт.

¹ Станица на берегу р. Шилки, недалеко от Нерчинска.

² Напечатано в № 42 «Современной летописи» за 1863 г.

(Прим. ред.)

Впрочем, постараюсь ответить на все, хоть и в нескольких письмах.

Что сказать про тебя и Полиньку? С первых строк первого твоего письма о ней на меня нашла грусть, — предвиделось, что ты скоро разочаруешься, не знаю, но мне она положительно не нравилась, много в ней нехорошего; ты писал: любовь даст все; да, любовь может много дать, она может перерождать человека, быть может, я даже слишком много готов приписать ей и ставлю ее неизмеримо высоко — во всем, без нее, по моему, ни одно действие человека не приведет к хорошим результатам, даже у человека самого умного; все это так, но надо так полюбить, чтобы переродиться; в возможность этого я не верил для Полиньки. Отчего? Оттого, что все ее детство было без привязанности к кому бы то ни было, оттого, что она и ребенком никого не любила, ничего не любила того, что мы находили красивым, ни даже тенистой аллеи, ни даже цветка, ни няни, никого и ничего...

Мне грустно было от неизбежности разочарований, и я выяснил себе, что лучше было бы, чтоб она уехала для тебя той Полинькой, которую ты хотел видеть (или чтобы ты разочаровался теперь же), и идеал Полиньки не мешал бы тебе насладиться возможностью любви к другой женщине, — я до сих пор не решил, что было бы лучше. А еще грустнее было оттого, что тебе, способному полюбить так сильно и хорошо полюбить (не нахожу другого слова), т. е. без многих дурных сторон любви, неизбежных в другом человеке, что тебе не встретилось до настоящего времени такой женщины, которая была красива во всем не по щедрости фантазии, а в самом деле.

Ну, да довольно.

Ты сильно нападаешь на меня за актерство, но зачем ты в таком случае не нападаешь на меня за игру на фортепиано? Это непоследовательно. В твоих строках об актерстве мне беспрестанно слышится, что ты считаешь, что актер только представляет, что он сам ничего не чувствует, что он не живет в том лице, которое изображает. Я смотрю на это вот как: в тебе есть что-то, что при известном случае выразится страстной любовью. В жизни оно может быть вызвано женщиною, вовсе не достойною такой любви, но которая одною своею стороною выкупает другие. То же и в драме: положим, что любимую

тобой женщину играл бы урод. Но ты роль изучал дома, перед тобой не было урода, а перед тобой была вся нравственная красота этой женщины, нечего и удивляться, если в тебе при игре расшевелится то чувство, задатки которого в тебе есть. Раз расшевеленное, когда ты вошел в свою роль, оно сохранится и тогда, когда перед тобой будет стоять не тот идеал, который ты хотел видеть, а другая женщина. Если бы не было этого вызывания того, чего есть в тебе самом (задатки), тогда ты мог бы безразлично играть всякую роль, но каждый сколько-нибудь порядочный актер имеет только свой круг ролей и их играет, да и то — хороший актер будет играть только сообразно своему настроению или же играть иногда скверно, если контрактом обязан играть 3 раза в неделю. Ты говоришь, что актерство убивает истинное чувство, но в чем разница, скажи, писать драму или воспроизводить ее перед зрителем? Разве актер не точно так же т в о р и т, как сам писатель, он творит интонацию голоса, замашки. Писатель решает, как действует данный человек при такой-то обстановке, под влиянием такого-то зарождающегося чувства, решает силою своего творчества, силою чутья, любви к этому лицу, путем размышления, вдохновения, — не то же ли делает и актер? И никогда мне в голову не приходило, каким путем могло бы творчество убить истинное чувство в поэте, музыканте, как в композиторе, так и в исполнителе; то же относится и к актеру, который не представляет, а чувствует. Каждый великий актер создал себе 2—3 роли, все имеющие нечто сходное между собою, как и в творениях поэта лежит что-то общее. Так, напр., Дависон¹ играет Мефистофеля, Ричарда III и Франца Моора (дурного брата в «Разбойниках») и в этих ролях двигает театром, как сам Гете, Шекспир и Шиллер, Бетховен, Россини и Моцарт и т. д. Играет Дависон и Отелло, но Шекспир рядом с Отелло написал «Два веронца». Если бы Дависон гением был равен Шекспиру, тогда он одинаково хорошо играл бы и Ричарда III и Отелло. Вот что такое актерство. Хитрость, тщеславие могут развиваться в тех, у кого есть задатки хитрости и тщеславия. Разные отвратительные замашки являются у всякого

¹ Д а в и с о н, Богумил (1818—1872)— знаменитый немецкий актер.
(Прим. ред.)

человека при различных обстоятельствах, если только есть задатки; у Гарибальди, напр., не явилось от начальствования этих замашек, а сколько начальников, у которых они есть, у Лаговича, напр., подражание Гарибальди, поза. Что же касается до посредственного актера, то и посредственный поэт и посредственный музыкант и ученый и т. д. и т. д. — в этом я согласен с тобой — дрянь, хотя они все-таки приносят свою долю пользы и доставляют удовольствие. Сколько помнится, впрочем, я чересчур увлекался, писавши о театре,—действительно, мне доставляло большое удовольствие играть, — ведь это было в первый раз и с женщиной, которая мне нравилась... но и только...

Васильковский прав совершенно, ты не совсем, — но, мне кажется, оттого, что ты смешиваешь актерство Рудина с актерством Дависона. Впрочем, из Рудина и не вышел бы посредственный актер. Еще помнишь, Паншин («Дворянское гнездо») актер, и довольно хороший (на сцене), вот этот мог бы привыкнуть к ложному, если б пустился в драму, а у меня сделалась истерика, когда я разучивал роль (конечно, дома, где Дуня не обдавала меня холодной водой), а во время репетиций и представления я не плакал, хотя, конечно, не помнил, что я в Чите и на сцене.

Итак, ты прости мне мои излишние увлечения театром, но не нападай понапрасну.

Саша, но как ты способен увлекаться,—ведь по твоим определениям выходит, что я чуть не Гарибальди, а я.. я писал тебе про Петрова ¹, — я Петрова выталкивал в шею несколько раз,—совестно выговорить, не выговаривается прямо, бил его, т. е. ударял его. Я выходил из себя и себя не помнил, но какую нравственную пытку я выносил перед тем и после того. Я не в состоянии был больше терпеть, долго все тут рассказывать, на досуге расскажу. Я просил Петрова перестать пить, когда он после первой рюмки, еще не пьяный, начинал говорить чорт знает что. Я бросал писать, умолял его перестать, не мешать мне,—напрасно, потом приказывал, снова просил, наконец вскакивал и выталкивал, рука судорожно сжималась, я несколько раз ударял его таким образом в плечо. На другой день он

¹ Солдат, слуга П. А.

(Прим. ред.)

выпивал рюмку для храбрости, говорил мне, что я ему зуб вышиб. Сперва я верил, извинялся, плакал, потом через неделю он говорил, что я 2 зуба вышиб, — три. Я вздумал посмотреть с мыслью: «боже, боже, что я сделал», — и как оказалось, все зубы целы — один гнилой крошится. Когда он потом мне говорил то же или являлся, хрипя и говоря, что я задушил его, взявши за ворот, а через несколько минут начинал говорить громко, а потом снова хрипел, как только может хрипеть человек только нарочно, — я не в состоянии был выносить этого. Теперь, к счастью, все кончилось — и врыванье его в комнату, когда он пьян, и страшный стук, когда я запирался, и его пьяные крики: «Князь, пусти, я за тебя жизнь положу...» и разная возмутительная ложь и на прачку, и на портного и т. д. Я долго не решался его прогнать, думал — ведь он с голоду сгинет, а жена его? Она в Калуге пропадет, не получая более от отца 2 руб. в месяц из жалованья Петрову, но более держать его было невозможно. Я кончил это, упрошу отца выдавать его жене денег из того, что он мне присылает, его отпустил, он ушел за 90 верст к попу, говоря, что ему есть там место. Даю тебе слово, и квартира моя повеселела после его ухода, особенно когда в ней поселился сметливый, грамотный, читающий казак вестовой.

Я просмотрел все это, я словно все оправдываю себя, но я все-таки признаю себя сильно виноватым, — идеально благородный человек не сделал бы этого, — правда, все удивлялись, как я его еще держу, и говорили, что я не виноват; но он не был таким, когда я его брал. Но отчего же он приучился пить, и я тут виноват, потому что ему не было никакой работы, а деньги у меня всегда не заперты, притом я ему во всем доверялся даже после того, как много раз поплатился.

Смещение Кукеля возмутило тебя, но Корс[акова] ты неверно понял. Это подлейший холоп, каких мало, 3 месяца он не писал Кукелю ни слова, оставляя его и его жену в неизвестности мучиться, ждать ежедневного ареста, на первых порах выслушивать и видеть всю подлость общества иркутского, которое, не зная, чем все это разрешится, держалось самым флюгерным образом (помнишь флюгер на Брокене в Вальпургиеву ночь в «Фаусте»), он, видишь ли, боялся, чтоб его не заподозрили в потворстве Кукелю, а как он себя теперь дер-

жит с Кукелем — долго рассказывать, но поверь мне на слово, таких подлых холопов на свете немного. И весьма возможно, что к этому-то холопу мне придется поступить адъютантом: один из его холопов говорил мне это, что я на первой вакансии, хотя я и писал тебе, как он меня принял. Это говорили и прежде (т. е. что меня назначат в Иркутск и место дадут), но тогда я напрямик объявил, что об этом подумаю. Ну, и подумал, и решил, что все-таки следует отправляться, хотя бы и пришлось быть адъютантом у Корсакова, и что это было бы даже очень хорошо. Тогда всего легче тебе найти место. Потом, пускай Корсаков — холоп с барскими замашками, но он знает, с кем барствовать, — кто готов быть его холопом, а если держать себя с ним умеючи, то он не больно-то будет забываться. Переводиться в Читу положительно опасно, потому что если будет там губернатором Шульман, то не уживешься и месяца, особенно при новом вице-губернаторе, который и есть начальник Областного Правления. Ты с ним разругался бы, я думаю, через 2 недели. Мне с ним поспорить и сильно поспорить ничего, — тронуть меня не может, а тебе стало бы скверно, завалят переписыванием бумаг — и баста. А переехать будет возможность, я тебе писал о прогонах, да еще отец обещается положительно дать денег на дорогу, только чтобы тебя не было в Москве, — ты ему солон, — да и тебе приятно избавиться. Но 3 года... и то если захотим, то будем жить так, чтобы собрать что-нибудь так, чтобы прожить полтора года.

Я уже писал тебе обо всем этом. Отвечай... Но когда я получу твой ответ? Не раньше, как вернувшись с Амура. Меня это приводит во что-то весьма пакостное, что-то вроде ужаса, — ведь три месяца не буду иметь от тебя известий.

Впрочем, я позабочусь, чтоб часть писем пересылали в Благовещенск, все несколькими неделями раньше, возьму письма на обратном пути по Амуру. А поездка будет прескверная, воды совсем нет. Бедные амурцы — им грозит голод.

Однако, прощай, я страшно устал, поздно, а завтра почта.

П. Кротокин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

6 июня 1863 г.

4 июня я получил твое письмо и деньги. Мне самому довольно странно наши отношения на этот счет. Ведь знаю же я, что тебе наслаждение доставляет послать мне денег, а не горе. А не знаю, почему-то думаешь все, что ведь все же ты лишаешь себя, и так как твое благо дорого мне, то и т. д. Впрочем, об этом не стоит говорить.

Я рад по крайней мере тому, что недолго тебе еще горевать и заботиться о моей судьбе. Ответа из Петербурга еще нет, но я почти наверное убежден, что меня примут. Я бы этого желал как нельзя более. В случае, если откажут, поеду штафиркой, даже не в октябре, верно в июле, как располагал отец до получения проекта о казачестве. Нечего и говорить, что я, если бы от меня зависело, уж лучше высидел бы здесь до октября, а поехал бы казаком, чем штафиркой.

Дело в том, что я буду всячески избегать деятельности вроде, например, твоей; как ни благородна и ни уважительна практическая деятельность, но, во 1-х, вряд ли я к ней способен, во 2-х, и это главное, она мне противна, в 3-х—я обрек себя иной деятельности, т. е. занятиям и книге «Бог перед судом разума».

Чем более уясняю я себе содержание своей будущей книги, тем ясней сознаю, что это будет, главным образом, не более, как систематичное изложение всего, что будет известно ко времени ее издания по вопросу о боге. Мне будет принадлежать только систематика, руководящая нить, душа книги, но не ее содержание. План ее до того смел и громаден, что гением надо быть человеку, чтобы самому написать.

Я хотел бы оригинальности и славы, — нет в том сомнения. Всякий человек имеет идеал, а для меня лестно было бы и название замечательного специалиста. Но, во 1-х, план моей книги исключает всякую специальность, во 2-х, зная себя, я убежден, что никогда не буду специалистом. Но это меня не останавливает. Главная, или, точнее, единственная моя цель—добиться практических результатов, т. е. распространения атеизма и естественного мирозерцания. Я бы готов был, чтобы меня никто не знал, даже если бы я написал гениально, лишь

бы дело выиграло. В этом случае не было и не будет честнее и достойнее меня ученого. Я убежден, что никто более меня не любил и не будет любить истины для ее самой.

Адресуй попрежнему.

Твой брат Александр

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

15 июня 1863 г.

Не знаю, что это значит, что до сих пор не присылают ответа из Петербурга. Вот уж скоро месяц, как подано прошение. Видно, наводят справки, действительно ли я кончил курс в I М. К. К. Я с большим нетерпением жду окончания своего дела. Уж верно примут. Беда только, что пройдет еще несколько месяцев, пока придет из Сибири ответ на запрос о поступлении, который я должен буду послать. Дело мое — в Инспекторском Департаменте Военного Министерства. Отец писал Дмитрию Николаевичу¹. На-днях я послал ему также письмо, прося известить меня о ходе дела, да и также употребить свое флигель-адъютантское влияние, чтобы меня приняли именно в Конно-Казачье Амурское Войско. Боюсь только, чтобы отец либо совсем не отказался сделать экипировку, либо, чтоб не нашил и не накупил всякой гадости, вместо порядочного, да притом еще в малом количестве.

Вот уж правда, что у страха глаза велики. Можешь себе представить, что я попал под особый и, к удивлению, даже фактически действительный надзор полиции. Когда Тучков¹ ездил с адресами в Петербург, ему даже прислали бумагу обо мне. Это забавно. После этого я уже ума не приложу — кто правительству не опасен? Очень может быть, что я не к месту языкоблудничал. Но у страха глаза велики и... я попал в опасные. Известно даже стало, что я в Польшу не еду только оттого, что болен!!!

¹ Кропоткин, Дмитрий Николаевич—двоюродный брат П. А. и А. А., флигель-адъютант Александра II.

² Тучков — московский генерал-губернатор.

(Прим. ред.)

Письмо о происхождении видов мало-по-малу подвигается. Я читаю теперь «De l'origine des espèces», на немецком языке¹, я прочитал всего около одной трети. Письмо выйдет очень подробное. План изменен. Прежнее начало будет концом, в виде гораздо более подробном. В первом моем письме я умалчивал о многом (для краткости), притом с того времени прибавилось познаний. Я бы уж мог, пожалуй, выслать тебе первые 2 отдельчика, но хочу прибавить немного в отд. о наследственности, для чего жду к будущей среде (сегодня суббота) «Физиологию» Льюиса. Богданов сказал, что там в главе о наследственности я найду отчасти то, что желал прочитать в «Traité de l'hérédité», par Prosper Lucas. Начало выходит очень сухо, бездна примеров — и ничего более: подтверждение примерами тезисов: 1-е — видовой тип поддерживается силой наследственности, и 2-е — как, однако, ни могущественна наследственность, она постоянно уступает поле битвы изменяющим влияниям, — и только. Третий отдельчик будет менее сух, немного, ибо все же будут примеры: причины появления отклонений. Зато уже после пойдут очень малые отдельчики: теория происхождения пород и видов и т. п.

Я получил твое письмо из Иркутска. Удивляюсь, как это ты не заболел. Если есть возможность, то вперед отказывайся, пожалуйста, от подобных поручений. Ведь не думаю, чтоб ты желал издохнуть. А с твоим здоровьем такие путешествия чрезвычайно опасны.

Я теперь, в самом деле, добрый и честный человек. Когда мне говорят о чем-нибудь, что я делал или говорил относительно давно, дурного ли, хорошего ли, я слушаю, словно говорят о другом. До того все мне дико и чуждо! Это я объясняю себе, во 1-х, крайней отвлеченностью своей натуры, во 2-х, тем, что я ничего не принимаю и не принимал близко к сердцу,

Книг а Дарвина, как тебе известно, будет скоро издана на русском языке. Милые дети не понимают, что она более опасна, чем сотни А. Кропоткиных. Впрочем, и то, на теперешнем царе и даже его наследнике действие ее и подобных ей книг не отразится. А после нас хоть трава не расти.

Что я под надзором, это я знаю из очень достоверных источников. Этот народец и скрывать-то не умеет своих проделок. Замечательно, что едва ли не все находившиеся и находящиеся под надзором всегда знали бо этом и попадают только по глупости. (Прим. автора)

кроме науки да поэтических представлений и чувств. Ход своего научного развития и поэтические минуты жизни я хорошо помню. Не говорю, впрочем, о любви к тебе и о страстно-любивых грезах о тебе, которые также мне более или менее памяты. Это забывание жизни — причина того, что я решительно не могу определить, ни от чего, ни как я изменялся и потом делался хорошим человеком. Огромное влияние имело на меня постоянное сообщество Вани. Но это все не то. Начало-то? Знаю одно, что, видно, нравственность-то у меня не в крови и плоти. Впрочем, вот уже скоро год, что я не то теперь, чем был прежде. Ну, да не стоит об этом писать. При том мне лень соображать, а не то, может быть, подарил бы тебя любопытным психологическим анализом. Право, смех...

Леночка просит тебя отныне писать не «с передачею...», а просто: Ее.....

Е[лене] А[лексеевне]

Кравченко * (какой-нибудь знак вроде этого).

Это оттого, что ее муж, если он сам встречается почтальона, то кричит: такого (т. е. меня) здесь нет, чорт его знает, где он, может быть, за границей, а может быть—умер и т. д. Он до сих пор убежден, что я знал, что Ваня его надует, когда уверял в том, что долг будет уплачен.

А. Крпоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Сретенск, 18 июня 1863 г.

Пишу тебе небольшое письмо, — захотелось поговорить (хоть несколько слов), на почту надо отсылать через несколько минут. Я засел тебе писать, но остановился, — лучше написать Леонтьеву, — и стал доканчивать черновое письмо Леонтьеву о Кругоморском тракте. Мне совестно становится, когда я ему долго не пишу, — ведь это дело не одного меня касается. Я писал о Кругоморском тракте, кончил и постараюсь отправить с первой почтой, переписывать надо¹.

¹ Напечатано в № 43 «Современной летописи» за 1863 г.

(Прим. ред.)

Я пишу между прочим о той страшной борьбе, которую приходится выдерживать каждому отдельному дереву, и каким разрушениям, истреблениям подвергаются здесь леса. Лесные пожары губят их ежегодно страшными массами, вода, бури и все против них, — вместо старых вековых лесов вырастает молодой мелкий густой лесок, но и из него сколько погибнет деревьев. Но мне кажется, что новым деревьям легче будет борьба, — их меньше будет, чем было больших, но силы природы не будут так разрушительны. Или нет... Мне не случилось видеть таких бурь, таких ураганов (песчаных), как здесь, но отчего это? Или человек имеет умеряющее действие, или материк моложе... Да вот хоть скалы. Не знаю, есть ли такие в Европе: голые совершенно и словно их выперло из земли или кто их насыпал.

Впрочем, в Норвегии скалы такого же вида.

А снега в 2 сажени глубины.

Я теперь в Сретенске, вчера приехал. Сегодняшний день был мой совершенно, только надо было письмо написать о сплаве по поручению, и длинное письмо (2 больших листа).

Здесь так хорошо: красавица Шилка под окнами. Грозы в горах. Какие грозы!.. Пароход на пристани, — ведь Великий океан чувствуешь...

Прощай...

П. Кропоткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

4 июля 1863 г.

Посылаю тебе первые два отдела письма о происхождении видов¹. Если не ошибаюсь, это не более как пятая доля всего письма. Недостатков много: неполнота, недомолвки, тезисы, плохо подтверждаемые приведенными фактами... но исправить пока не могу, по недостатку знаний и книг.

Я сегодня получил письмо от Дмитрия Николаевича, в ответ на мое письмо, посланное мной ему на-днях. Дмитрий объ-

¹ При этом письме приложена объемистая статья А. А. «О происхождении видов», размером около одного печатного листа. (*Прим. ред.*)

являет: «Сегодня, 2 июня, прошение об определении тебя в Амурское Казачье Войско отправляется на заключение ген.-губерн. Вост. Сибири, и если он на твое определение в войско согласится, то ты немедленно будешь принят на службу. Ответ генерала Корсакова может быть получен не ранее как через месяца два с половиною». Как понимать все это — не знаю. Ну, да верно примут.

От тебя вот уже месяц нет писем, и, несмотря на твое предостережение, это меня сильно беспокоит. Всякая чепуха лезет в голову.

Ну, что-то более нечего писать. Есть, пожалуй, что, и 'не мало. Да вряд ли тебя это будет интересовать. Вот читай письмо о происхождении видов, это лучше будет. А дальше будет все лучше и лучше.

Твой брат Александр¹

¹ К этому письму были также приложены на отдельном листке следующие стихи:

Как жизнью общей все кипит,
 Как все ей дань принесть спешит,
 Как все одно здесь для другого
 Живет...

 Какое зрелище... Но только здесь, увы,
 Одно лишь зрелище, для глаз лишь упоенье.
 Как бесконечность может уловить творенье?
 А вы, сосцы природы, где же вы?

Где вы, источники всей жизни той чудесной,
 Которой держится земля и свод небесный,
 К вам грудь иссохшая в тоске обращена.
 Вы льете жизнь обильною волною,
 Вы всю вселенную питаете собою,
 И только лишь душа моя одна
 Бесплодной жаждой сожжена.

Природа не для всех очей
 Покров свой тайный поднимает,
 Мы все равно читаем в ней,
 Но кто, читая, понимает?

 Лишь тот, кто с юношеских дней
 Был пламенным жрецом искусства,
 Кто жизни не щадил для чувства,
 Венец мученьями купил, —
 Над суетой вознесся духом
 И сердца трепет жадным слухом
 Как вещей голос изловил...

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

10 июля 1863 г.

Ну, Саша, мои предположения о плавании на Амуре совершенно не оправдались. Я думал сесть в Сретенске на катер в особую каютку, ехать себе и плыть—и разве время от времени помогать начальнику сплава (порядочному человеку). Вышло не так. Приехал в Сретенск утром, пробывши в Чите всего 3 суток, собрался наскоро, приехал и узнал, что грузят на одну баржу и дают ее мне, чтобы догнать другой рейс (4 дня как ушел) и сдать ему. Самому потом на лодке плыть в Благовещенск, где наш сплав подождет меня. Баржу, мол, уже грузят; я уперся, впрочем, без намерения совершенно отказываться, потому что с кем же отправить этот груз, а его надо отправить. Уперся, пускай, мол, лучше обставят отправку, лоцманов найдут и т. п. А то в самом деле, за что я бы получил порционные.

Ну, отправился. Народ славный, лоцмана хорошие, — плывем отлично. Но «своего» делать ничего нельзя. Уйдешь в каюту, слышишь, наверху суетятся, наконец, на одной станке лоцман был так себе, места нехорошие, бросает баржу (ведь она плывет силою течения) то на один берег, то на другой,

Тебе доступен мир духов,
 Но слаб ты разумом и робкою душою,
 О, ученик, скорей вставай,
 И грудь свою земную отдавай
 Зари румяною волною.
 Всевышний дух, ты все, ты все мне дал,
 О чем тебя я умолял...
 Ты дал природу мне, как царство, во владенье,
 Ты дал душе моей
 Дар чувствовать ее, дал силу наслажденья.
 Иной едва скользит по ней
 Холодным взглядом удивленья,
 Но я могу в ее таинственную грудь,
 Как в сердце друга, заглянуть.
 Ты протянул передо мною
 Созданий цепь—я узнаю
 В водах, лесах, под твердью голубою,
 Одну благую мать, одну ее семью...

(Прим. ред.)

справа утес, слева утес, пришлось грестись носовым и кормовыми веслами во сколько хватит сил. Целый станок я греб со всеми, да еще на предыдущем пришлось поработать, да еще как... А конечно, если работаешь в серьезную минуту, то необходимо навалиться с страшным напряжением, чтобы других одушевить, только после удалось отдохнуть, т. е. сидя в люке каюты, поглядывая на ход баржи, читать.

Пробовал читать Гершеля, решительно невозможно. Действительно, я вообще работал с азартом, и рабочие заметили это. А я заметил, что если подойду к какому веслу, так после 2-го удара оно начинает перегревать, — в такой азарт входят рабочие вместе со мной (это тебе для лучшего узнавания меня); жаль — силы нет, а она нужна.

Мне ужасно не хотелось итти с одной баржой. Хорошо, если баржа не садится на мели да на камни. Но если она села, ты совершенно без помощи; когда идет целый рейс, на котором 150—200 человек, это не страшно, сила берет и сталкивает. А с одной баржой — 10 человек ничего не сделают.

Несчастье меня преследует на сплаве. Баржа засела на мель, стали стаскивать, притащили несчастных казаков из деревень соседних (человек 15). У них покос, а тут баржу снимай, — и это каждый год. Тащили, толкали, ничего не помогло, разгрузят сотни пудов на лодку, баржа пойдет и еще больше врежется в косу, нагребет перед собою ворох камней. Пришлось работать много, лезть в воду, толкать. Но главное не в этом, меня начинает мучить все это, злость берет на свое бессилие, на беспомощность, на плохое знание, как делать, но этого и сравнить нельзя с тем, что я испытывал, когда баржа села в первую поездку. Там я вовсе не знал, как поступить, действовал наудачу, хотя и попал верно, но тогда мне казалось, что, может быть, и не так следовало бы, а тут только не знаешь всех хитростей, а их много. Там я истерически плакал от «Дубинушки» — нелепая песня с грустным, страшно однообразным мотивом:

Ох, дуби-и-нушка, ох те,
Ох, зеленая са-ма пойдет.
У-ра-а.

Куплетов много, они все бессвязные, вот несколько:

Камчадалки воду носят
А казаки... просят.

В с е — Ох, дубинушка...

Камчадалочки красивы,
Чаю, сахару просили.

В с е — Ох, дубинушка...

Ка-ак баржа на мель стала,
Али сил у нас не стало.

Ох.

Ох, ребята припотели,
Выпить водки захотели.

Ох.

Отцы наши командиры
. свои мундиры...
. не знаю
шапку, рукавицы.

А как Катя Невельскова
Поддавать была здорова,
Поддавай, да поддавай,

Ох, зеленая сама пойдет и т. д.

Как только устанут, сейчас опять запоют: «как ребята припотели»... Целые сутки провозились на этой мели, спасибо догнал Малиновский¹ с людьми, а главное с лодками, так что разгружать можно было скорее.

Да, Саша, тут приходится прямо иметь дело с народом, и поневоле становишься втупик. Что будешь делать?

Не помню, писал ли я тебе это, но вот что: я грузился в Сретенске, работали хорошо, полюбили меня даже, но лишь только перепились или даже по большой рюмке выпьют, — ничего не сделаешь. А то случается так: баржу несет на мель, а он себе котелок переставляет или еще ложку запускает за кашей. Хорошо прикрикнешь, — бросит и пойдет, но и пойдет-то как не живой, ведь он привык (конечно, далеко не все, но вот хоть тот народ, который был у меня на барже, рабочие с гавани), что его подгоняют часто без толку, чтоб последние силы не пропали, и главное все палкою, плетью. Поэтому на слова он неподатлив, брань любит, ей-ей так: ругнешь, уве-

¹ М а л и н о в с к и й — начальник сплава, чиновник особых поручений при амурском губернаторе. (Прим. ред.)

рю тебя — работа лучше идет. Много тут значит то, что изнуряют его страшной работой, хоть напр. при стаскивании барж, — ведь усилия страшные нужны, и это часто на рассвете, часто раннею весною...

11 июля

У кого что болит, тот про то и говорит, — оттого я так и расписался о сплаве. Теперь я отдыхаю, — лоцман надежный, и сегодня, отчаливши в 3 часа утра, я опять залег и раз только должен был вскочить, когда слышал сильную суетню, — отгребались справа от камня, слева от мели.

Я фантазер, а потому не раз задумывался о том, как мы с тобой заживем. Сказать по правде, я думаю, нам будет не худо. Тебя, вероятно, оставят либо в Иркутске, либо в Чите, и я постараюсь быть с тобой. Средства будут, а потому и книги будут. Я не теряю надежды на то, что это не долго продолжится, а там — время не уйдет — мы молоды с тобой, и не может же быть, чтобы 3 года сибирской службы испортили человека. Ты вот пишешь о поэтическом наслаждении природою и о зависимости этого наслаждения от знаний. Еще бы. Но мне кажется, мы с тобой в наслаждении природою немного расходимся. Ты ею наслаждаешься через любовь, что камешек привык, полюбил место, — столько любви в этом спокойствии. Я наслаждаюсь другой стороной, — красотою, которая царит во всем, во всем решительно, и особенно наслаждаюсь тогда, когда обстановка (зима, весна) подходит именно к этой красоте. Я писал тебе про Кругоморку, как там хороши некоторые места, но палящее солнце не идет к голому утесу, засыпанному крутой шапкой снега. Темные коридоры в ущельях мне доставили большие наслаждения, тут шла глухая темная ночь, дикая песня бурята и рев, ярость, сила потока. Я сперва думал, что это зависит от диких красот здешней природы. Отчасти. Я, точно, наслаждаюсь нивами, лугами, но тут наслаждаюсь гармонией, красотой мягкого луга, мягких очертаний холмиков, покатолей. Выдайся этот луг так, что на горизонте или поблизости горы, утесы, бурливая река и горы, заросшие лиственницей, — нехорошо; тут и река должна быть в мягких берегах, и гор не нужно (покатолей нужны), иначе гармония нарушена. Далее: вой ветра в трубе, передвижение

тени от луны, постоянный шум из отдушников, шелканье часов, напр. в корпусе (в галлерее),—все это заставляет меня задумываться о вечной неустанной работе — жизни во всем, в токах воздуха, в разложении камней, я переношусь к речке, к передвижению камешков, к размыванию рекой одного берега, с тем, чтоб на другом намыть широкий луг, пойму, и т. д.

А то спал я как-то под утесом на большущих камнях, вдруг поодаль треск, валится камень, плеск воды, и снова роятся думы о жизни, о разрушении гор, деревьев, разломанных кустов, трав, о том, какие усилия должен употреблять куст, чтобы снова ожить, сколько кустов должен погибнуть, чтоб прожить одному... Недавно я читал в «Русском вестнике» статью «Цветы и насекомые» Рачинского и увидел, что Дарвин наслаждается этим, — вот мы и сошлись с тобой.

Мне кажется, я выражаю неясно.

Вчера вечером приехал в Благовещенск, вечером же ездил на ту сторону к китайцам, благо случай был.

Хотел я писать тебе кое-что о происхождении видов, но вот 5 суток как ехал на лодке, сдавши баржу кому следует. Забот было меньше, но больше физической усталости, больше невозможности что-нибудь делать. Жарища такая, что (а убежаться от нее невозможно на лодке) я не в силах был что-нибудь делать, да и время было мало. Я взял всего 6 человек на большую лодку, больше не было, ну и приходилось двум грести постоянно, а мне чередоваться на кормовом весле с третьим и грести время от времени верст по десяти. Какая тут возможность работы? Мне до того опротивела лодка с ее жарой, оводами, мошками, что теперь тебе трудно понять, как я радуюсь моей двухаршинной комнатке и двухаршинной кровати, столу и возможности писать тебе; только я скоро кончу, надо бы подготовить письмо Леонтьеву об Ингоде, Шилке и Амуре; только из Благовещенска уж не успею отправить ни в каком случае, — письмо еще не написано, а мы отвалим сегодня.

Я много и давно думал о происхождении растительных и животных видов, когда приходилось заглядываться здесь на растения и на насекомых. Меня всегда смущала неопределенность понятия «вид», ведь многие различно определяют его; мне казалось, что самое определение если не исключает, то

затрудняет возможность доказать, что один вид может переходить в другой: казалось, что чуть только будет несколько признаков таких, что можно бы признать их за промежуточный переход, как уже говорят—это отдельный вид. Но вы покажите переходную форму между видами; опыты, производство промежуточных форм прямым совокуплением, — нелепость; непременно следовало бы ставить животное в схожие (но не совсем) условия, дать ему жить и плодиться в этих условиях, потом снова изменять условия понемножку и т. д. Опыты продолжались бы сотни лет, но они могли бы приводить к каким-нибудь результатам. Для опыта надо бы брать животных, которые живут на земле сравнительно недавно и скоро и много плодятся, выбирать из них согласно заданной цели, а не брать собак и т. п. Насекомые и растения скорее привели бы к цели. На насекомых особенно я засматривался; здесь я вижу тех же насекомых, что и в России, но вид у них совсем другой, напр. ухвертка, ты их знавал в Никольском; здесь они с крыльями, и то не все, рога на хвосте длиннее, у иной растут только крылья, цвет желтее. Положительно не поверю, чтоб все разнообразные породы собак, одичавши, пришли к тому первообразу, от которого когда-то произошли, и много таких мыслей. Я слишком мало, даже вовсе не знаю фактов, а письмо твое кстати, и все, что ты напишешь о происхождении видов, будет для меня интересно.

Однако, прощай. Теперь буду писать чаще.

П. Крототкин

Когда-то еще пойдет письмо, — чуть ли не 1-го, здесь почта ходит 2 раза в месяц.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

1 августа 1863 г., около Хабаровска

Плыву я попрежнему на катере. Спокойно и хорошо, сплавной работы никакой нет, работаю над «своим», да разъезжаю по станицам, чтобы что-нибудь написать про них, это еще отнимает несколько времени. Страшная жара, а вентиляции, как в палатке, так и в комнате, нельзя устроить, а потому

иногда до изнеможения доходишь; ночью работать тоже нельзя, — комаров боишься, а они летят на огонь, ну, да днем не заснешь, жарко, а то бы днем я спал, а ночью работал. Всячески теперь недурно. Я написал и сегодня отправил с попавшимся навстречу пароходом — до Благовещенска — письмо 11-е Леонтьеву о реках Ингода и Шилке ¹, об Амуре пишу, скоро примусь переписывать, но письмо недлинное, 3 листа, это будет длиннее. Гершеля кончил только теперь первый том, и тут беда: 2-й в чемодане, а чемодан на лодке, которая должна была идти с нами, но отстала и пропала без вести, нагонит, пожалуй, не раньше Николаевска, я уже читаю «Kosmos» Гумбольдта, 2-й том, да перевожу арифметику Серре. Я взялся за это дело с одним офицером в Чите. Напечатаем через Сеньковского ², будет 10 печатных листов. Если удастся, то дело будет очень хорошее, пустим, конечно, по своей цене. Ведь наши арифметики чорт знает что за мерзость! У Серре великолепно изложена теория чисел и сокращенные методы над приближенными числами.

Ведь теперь я читаю больше, чем сколько мог читать зимою, в Чите. Я кончил Гершеля первую часть. Кончал бы вторую, да он на лодке, которая отстала. У меня только и есть, что «Космос», читаю еще Гёте. Еще у Малиновского есть Куно Фишер 1-й том, я читаю изредка отдельные главы (он сам читает). Я прочел главу «Математический метод в приложении к философии у Спинозы». Меня поразило сходство его мирозерцания с моим во многих чертах. С другой стороны, К. Фишер говорит, что Кант создал новое мирозерцание, которое развило и опровергло учение Спинозы. Меня очень интересовало бы знать, как и в каком произведении Спиноза говорит, что так как все в мире происходит вследствие вечных законов, то нечего и винить человека за то, что он поступает так, а не иначе, и поэтому как будто отвергает понятие нравственности. Так. Но отчего нравственный поступок доставляет нам удовольствие? Отчего большинство находит в нем что-то хорошее? Оттого, что так привыкли смотреть? Но откуда

¹ Напечатано в № 44 «Современной летописи» за 1863 г.

² С е н ь к о в с к и й, Н. А. — издатель журнала «Книжный вестник» и книжный торговец в Петербурге.

явился такой взгляд на нравственный поступок? Мне кажется, оттого, что в нем есть к р а с о т а — красота, т. е. простота и стройность в отношении тех законов, вследствие которых он произошел. Отчего же созерцание красивого создания, наслаждение им, возбуждает в нас охоту поступать нравственно? Ведь создание-то красиво только вследствие простоты соотношений тех математических законов, по которым оно построено (доказано для архитектуры, музыки, живописи).

Я выражаюсь коротко, почти намеками, потому что уверен, что ты поймешь. А то скоро свидимся, потолкуем. Я все не понимаю, про какие чудеса ты говоришь и какие могут быть чудеса, которые суть необъяснимые явления, — одни — для людей менее сведущих в науке, для совершенных невежд, другие — для людей, знающих хотя бы результаты всех исследований по всем отраслям.

Пароход показался. Надо пользоваться случаем.

П. Кроткин

Качка, просто писать нельзя, такая буря, катер так и прыгает себе по волнам, а по Амуру волны большие, вроде морских, платье попадало с вешалок.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

14 августа 1863 г.

Ну, Петя, вот и 22 года мне минуло. Есть ли чем помянуть этот двадцать второй год моей жизни? Есть чем. Мало того, он составляет в жизни моей эпоху, едва ли не столько же важную, как шестнадцатый год, когда впервые занялся я исследованием религиозных догматов, т. е. положил основание самой видной стороне своей личности: разработке естественного мирозозерцания; на шестнадцатом году впервые ощутил я в себе нравственный идеал. Шестнадцатый год моей жизни — год закваски, двадцать второй — год окончательной установки.

Двадцать второй год важен для меня во многих отношениях. В течение его я задумал и стал приготавливать «Бог перед судом разума». Понял я окончательно свое назначение — писать эту книгу. Положил основание обстановке, прежде, когда я еще не

вполне понимал себя, я бы не решился поступить на военную службу (из ложного стыда), думая, что это оплеуха всем стремлениям былого времени, обличение моей несостоятельности; но при «Б. п. с. р.», как цели жизни, пригодна всякая, какая бы там ни была, обстановка, — единственное условие — деньги и время. Наконец, в течение этого года я впервые занялся более или менее специально, тогда как до того времени занимался совершенно поверхностно. Занятие вопросом о происхождении видов и особенно потребности, которые возбуждаются во мне частностями этого вопроса, — потребности, которые я не удовлетворяю только по недостатку книг, убеждают меня, что я более или менее способен к труду, а это очень приятное сознание. Важное завоевание в течение того же 22-го года—это относительное спокойствие духа или, иначе, избавление от мучений, вроде тех, которые продиктовали мне прошлогоднее письмо (14 августа). Правда, и теперь налетают горькие минуты, но несравненно реже, да и к чему налетать? Чтобы написать «Бог перед судом разума», надобна не гениальность, а просто ум, любовь к делу (не считая времени и денег), а за этим не постоим.

Я получил сегодня твое письмо от 3 и 4 июля, письма от 14 и 18 июня тоже получены. Да, что это Сретенск—приморский город, что ли? Но ты не на шутку испугал меня тем, что написал о разъездах. Когда же мне писать свою книгу? Это, брат, плохо. Средство, пожалуй, есть, но очень неприятное. Однако я должен буду прибегнуть и к нему, если иначе не устроиться. Средство это — отпроситься в какую-нибудь станицу. Тогда прощай мечты о жизни вместе. Притом, это тем опасно — с голоду, пожалуй, издохнешь. Что ж до скуки, то об этом не стоит и говорить. Я и теперь почти ни с кем не вижусь. Я люблю занятия и могу всегда заниматься; когда же надоест, выпью водки и засну, водка на меня сон нагоняет. Вот и средство от скуки.

21 августа

Представь себе, твое письмо о городской комиссии, а тем паче письмо о Кругоморском тракте так до сих пор и не напечатано, несмотря даже на то, что я взял вперед 10 руб. около месяца тому назад. Видно, места нет. Да и правду

сказать, не в укор тебе, только очень и очень немногих читателей интересуют, верно, твои письма. Что им за дело до Сибири! Им Лондон, Берлин и т. д. интереснее (оттого-то статьям об этих городах Леонтьев (Павел Михайлович) и отдает преимущество). Ну, да притом поляки бунтуют: надо давать известия Эх, Русь!.. Знаешь ли, ведь теперь почти уж не говорят о Польше. Это мне объявил Миша Ярцев, имевший в виду свою Палату Государственных Имуществ. Прежде, бывало, только и речи, что о Польше. Да правду сказать, о чем и говорить — о стачках, скучная история. Разве вот дипломатические сношения, если они существуют еще... Кстати, брат, решительно не знаю, что делается на белом свете, но вот собираюсь выписать, если можно будет, с сентября «Русские ведомости». Эта газета начнется с сентября, будет выходить 3 раза в неделю и будет стоит по рублю в треть, а то, если хочешь, по 3 рубля в год. Кроме этой диковинной газеты, я собираюсь еще купить диковинные часы. Англичанин выдумал. Ртутные. Вроде термометра — не надо ни заводить, ни чистить, идут верно, цена 75 к. Если возможна будет их перевозка, то привезу тебе эту диковинку, новую куплю. Излагать устройство этих часов — лень. Ну, да на трении ртути о трубку, вероятно, основано. Обозначены и минуты. Как дойдет низом до 12, 8, 7, как хочешь, можешь перевернуть, и ртуть станет опять на 12, 8, 7 другой трубки и скалы. Так что заводить — значит кувыркать. Стенные часы. Продаются против Пожарного депо, в магазине «Ницца». Я еще не видел и говорю по словам Вани: он в Твери видел. Однако, до свиданья, — водка на столе и неизменная копченая колбаса.

Кстати о водке (еще не кончил): выпил всего шкалик. Ты, вероятно, против нее. Так надо тебе сказать, как я пью и когда. Пью всегда, когда только можно. Но пью мало, косушку, много — три шкалика, отчего пьянею только слегка... но более пьянеть я не желаю; принимаясь за водку, имею желание только немного опьянеть... Но быть пьяным не чувствую никогда потребности. Например, Ярцев пьет до тех пор, пока не потеряет сознания. Так пить я не могу, во 1-х, ибо, опьяневши слегка, чувствую уже отвращение от водки, — это главное: во 2-х, ибо не забываю тех чрезвычайно неприятных ощущений, которые бывали во мне, когда я вследствие просьб

выпивал более того, что считаю для себя мерою: косушка или уж 3 шкалика, если организм противодействует. Заметь следующее: не во имя идеала человеческого достоинства я никогда почти не напиваюсь допьяна, а во имя эгоизма — это вернейшее противодействие. (Кончена водка, вся косушка.) Может быть, со временем то действие, которое теперь производит на меня косушка, три шкалика, будет на меня производить уже полуштоф, штоф, что хочешь. Тем не менее пьяницей, вроде Коли¹, я никогда не буду. Замечаешь мою болтливость? Это следствие водки, да чорт с ней... Однако, опять до свиданья, спать хочу...

[*Без подписи*]

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

2 октября 1863 г.

Ты просто представить себе не можешь, до чего я страдаю. Отовсюду горе, я потонул в нем совсем. Почти уверен, что это письмо уже не застанет тебя в живых. Уж 2-й месяц не получаю от тебя писем. Положим, что одно пропало. Но другое — оно бы дошло, если бы ты написал его. Покоряюсь судьбе своей. Я уже не чувствую теперь резких мучений, как прежде. Я тлею в горе, понемногу. В конце этого месяца пойду в Комендантскую убедиться в твоей смерти. Дождусь потом денег, расплачусь со всеми — и конец жизни. Я уж совсем потерял надежду узнать, что ты жив. Если бы не ничтожнейшая надеждишка, от которой все еще пока нельзя отделаться, я бы не писал тебе теперь. Но более чем сомневаюсь, чтобы это письмо застало тебя в живых.

А тут еще безденежье в высочайшей степени. Я кругом должен. Через меня страдают. И проч. и проч. И не вижу выхода. Пусть будет, что будет. Я как-то тупо смотрю теперь на все. Только сердце ноет, тихо, больно ноет.

О занятиях нечего и говорить. Ах, боже, если б все это кончилось хорошо!

Твой брат *Александр*

¹ Старший брат П. А. и А. А., пропавший без вести в 1864 г.
(Прим. ред.)

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 4 октября 1863 г.

Ты, вероятно, чертовски давно не получал от меня писем. Я писал тебе из Благовещенска, потом их Хабаровска, — ты верно не получил. Проплыл я 16 станков за Хабаровск и вернулся назад курьером с донесением о разбитом сплаве. Скорее меня никто не мог ехать, следовательно и писать было нечего, так как я сам бы повез письма. В Чите останавливался только на несколько часов, а в Иркутске я с 1 октября. Не писал 3 дня, дожидаясь чего-нибудь положительного о себе. Вчера меня назначили чиновником особых поручений при Корсакове, я остаюсь здесь. О тебе получили бумагу и, чорт знает почему, послали спрашивать меня, желаю ли я, чтоб ты служил. Бумага разошлась со мною. Теперь начальник штаба говорит мне: «Ваш брат просится сюда». — «Знаю». — «Согласно ли это с вашими намерениями?» — «Конечно, согласно, да, наконец, удивляюсь, отчего вы спрашиваете?» Сегодня он говорит мне: «Так как теперь вы имеете место здесь, то не лучше ли зачислить вашего брата сюда в Иркутский полк?» — «Ответ послан?» — «Нет еще, теперь на-днях посылаем, вашего ответа ждали». Я сказал, что решительно все равно, лишь бы вместе быть.

Только как же ты зимою поедешь?

Сроку тебе дается 6 месяцев на проезд, а ехать надо не более полтора месяца, так что, пожалуй, придется тебе выехать не раньше как весной. Оно бы ничего и зимой ехать, конечно покойнее, но не знаю, я никак не могу уберечься от холода. Едучи сюда, не мешает приобрести экипаж, это даже необходимо, если только будут деньги, это не будет в убыток, но даже можно иметь барыш небольшой. Только надо уменючи выбрать экипаж, а тебя надуют, тогда лучше всего сделать, как я, т. е. сходи в Перми (если будешь покупать в Перми) к тому господину, у которого я был (у тебя в письмах найдется его адрес, фамилия Сен Лоран, я вспомнил). Он дал мне тогда кузнеца из гарнизонного батальона, с которым я и покупал тарантас и который делал поправки. Зимою экипаж еще дешевле, можно купить недорогую кошеву (сани), покрыть войлоками, в несколько войлоков, и она будет довольно теплая; мне говорил

один господин, что он, ехавши больной из Благовещенска, лежал в кошеве и читал даже, зажигая свечку. Хорошо бы тебе найти попутчика из купцов бывалых. Для этого не беда прожить несколько дней лишних в Нижнем, Казани, Перми, только чур, — иной раз на такого нападешь, что беда.

Так как ты еще не скоро поедешь, то буду давать тебе свои советы в следующем письме, теперь некогда, нужно много писать в Читу и по службе и т. п., потом искать квартиру, устраиваться и пр.

Прощай.

П. Кропоткин

В письмах будь осторожен.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Петербург¹, 4 декабря 1863 г.
Варенькины² именины, как в календаре «Полиц. Вед.»

Конечно, первое дело, что я делаю здесь, — пишу тебе письмо. Я проводил тебя и вернулся домой, отобедал и читал «Карла Смелого». Наскучило мне его читать, полежал, полежал, да и пошел к Серно-Соловьевичу³ взять статью «Амурский край и его значение», по пути зашел к Гесселю. Взял я «Амурский край», почитал газеты, затратил пятак и ушел домой.

На другое утро, удрав с 10 часов, зашел к Гесселю, купил себе Гейне «Buch der Lieder», давно хотел иметь, только накануне вспомнил, потом пошел рыскать: брился, снял карточки (удачно), потом должен был идти в Библиотеку к часу, а еще рано. Шел, вижу «Постоянная выставка художественных про-

¹ П. А. в ноябре 1863 г. был командирован в Петербург с донесением о гибели барж с хлебом на Амуре.

² В а р е н ь к а — Варвара Дмитриевна Друцкая, двоюродная сестра П. А. Она была очень дружна с П. А. и в 1858 г. познакомила его с произведениями Герцена.

³ С е р н о-С о л о в ь е в и ч, Н. А. — известный революционер и член общества «Земля и Воля». Был близок к Чернышевскому. В 1862 г. открыл на Невском проспекте, в доме № 24, книжный магазин и библиотеку, с целью распространения полезных книг, имеющих научное и общественное значение. (Прим. ред.)

изведений», ц. 15 к., зашел, да без очков худо, ничего не видел, а стоит того; надо бы было нам вместе сходить, ты бы рад был, хорошие пейзажи, хорошая картина: муж-чиновник, пробритый подбородок (бросается в глаза), пьяный, лежит в углу дивана, на полу лежит стул (на стуле нога в грязном чулке), кошка, шапка, жена, простое, но красивое русское личико. У комода задумалась, великолепное выражение лица; люлька с ребенком на полу; освещение из окна без особых эффектов. Еще одна картина: малороссийская изба, муж умирает на полу под балахоном, тут же доска, на доске «кваску испить» в деревянной чашке, жена около ребенка, качает в люльке ремнем на ноге, дверь открыта, свет из нее на умирающего, там жатва. Ужас выражение... ну, да тупее, чем у той женщины, — тихая грусть, безответность, молчание, даже ропота нет, — менее развита.

К часу пошел в Библиотеку. Кравченко там. Мы обходили более часа и обегали почти залы, я сердился на то, что так скоро обходят, не успеваешь рассмотреть выставленных гравюр, старых книг, рукописей и рисунков и т. п. Больше всего на меня подействовал кабинет Гутенберга, Фауста и пр. Стекла цветные, столы с книгами, часы такие и песочные, я посидел на кожаном стуле, почитал, ничего не понимая, латинскую книгу. Книги в каких-то стойлах, на цепях, потом целая библиотека. Затем другой пульт, на котором лежат книги с проповедями, нотами, чтобы стоя петь, попробовал спеть и запел какую-то чушь из наших опер... Какого я славного «чорта» купил отцу для спичек, всего рубль стоит, а может сойти за японского, хоть и в европейском сюжете. Обедали мы у Палкина (Кравченко звал). Жаль, что мы там не были с тобой. Машина играет много нового, кроме «Камаринского» и увертюры из «Севильского цирюльника». Вечером я сидел дома, читал «Амурский край» и вздумал написать для «Книжного вестника» заметку об этой статье, написал на большом почтовом листе 4 стр. и снес сегодня утром. Сегодня же купил «Annales Scientifiques», зашел к Винклеру за «*Vie de Jesus*»¹. Получил и, вернувшись около 5 часов, после обеда засел читать (получил книгу до субботы). Читал, а во время чая стал просматривать «Annales

¹ «Жизнь Иисуса» Эрнеста Ренана.

(Прим. ред.)

Scientifiques». Статье Lamé, «Etudes sur les théories de la chaleur», 14 стр. мелких. Статья так мне понравилась, что я бросил «La Vie de Jesus» (довольно интересно) и принялся переводить. Так ясно, доступно, сжато, что просто роскошь. Есть, впрочем, лишнее историческое описание воззрений на эту тему, интересно, хоть и лишнее. Но ведь нельзя же сунуть читателю математическую формулу на 2-й странице — обидится... Начал я переводить, не решивши — для чего, просто захотелось... Может быть, годится для «Русск. вест.», и то навряд ли, с французского, на франц.-де всякий сам прочтет. Может быть, для «Артилл. журнала». Три страницы перевел не более как в полтора часа. На досуге, пожалуй, ты можешь переписать. Теперь, как видишь, письмо пишу. А ты что делаешь? Устал верно от беготни за квартирой. И на дороге верно мерз. Здесь холодно.

Однако, прощай.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Калуга ¹, 28 декабря 1863 г.

Ну, Сашурка, если бы ты знал и видел, до какой степени гадости и мерзости дошел наш распрелюбезный тятенька — ну, право, противно писать теперь, время не уйдет, расскажу потом...

Твое дело вот каково: предлагает тебе ехать со мной: «Куплю ему полушубок и волчью шубу, это мне в долг отпустят». Я говорю ему про повара и одежду. Я просил дать тебе на одежду и чтобы заплатил повару. Он целый день говорил, что это не его дело. Белье получишь от Елизаветы Марковны, хоть немного. «Да у него еще другие долги, должно быть, есть?» Я не мог наверно сказать. «Кажется, нет, — говорю, — т. е. не терпящих отлагательств, кажется, нет».

Впрочем, он жалуется, что наличных денег нет, — действительно, это, кажется, правда.

¹ В половине декабря П. А. поехал навестить отца в Калугу, где он жил с семьей зиму 1863 г. *(Прим. ред.)*

Утром, садясь писать, я думал много писать, много, много хотел тебе рассказать, но не взыщи, право не вмоготу, чорт знает, почему скверный денек выпал.

Лидочка¹ здесь. Я видел ее на Рождестве в соборе. Потом был у них с визитом. Отец злится на Еропкина за то, что Кошкарев² поручил Еропкину получить с отца 450 р. по сохр[анной] расписке. Я был поэтому один. Вчера был бал; конечно, и я был, танцевали с Лидочкой, сегодня она должна была быть у нас. Марья Марковна³, Полинька⁴ и я были у них.

Лидочка до сих пор любит меня, до неосторожности, напр. вчера (расскажу лично), а сегодня так слезы на глазах, когда мать не пустила к нам, рукопожатия, — и я сам виноват. Это мучит меня.

Прощай.

П. Крпоткин

28 декабря, Калуга.

Читаю Огарева, Гейне, «Эгмонта».

¹ Лидочка — молоденькая дочь помещика Еропкина, соседа Крпоткиных по Калужскому имению.

² Еропкин и Кошкарев — калужские помощики, знакомые Крпоткиных.

³ Сестра мачехи П. А.

⁴ Младшая сестра П. А. и А. А.

(Прим. ред.)

1864 год

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Петербург, 11 января 1864 г.

Ехал я в Петербург довольно весело. Собралась порядочная публика — один офицер, кандидат Моск. Университета, естественник, теперь технолог, магистр, человек очень неглупый; говорили много. К вечеру подсел к нам один старик, пьяный, кончилось тем, что его вырвало, и нам пришлось искать себе другое место. Мы попали в одну семью: черниговская барыня и три дочки претолстые, едущие изучать в Петербург разные искусства: музыку, пение и живопись. Одна из них неглупая: офицер и я проболтали всю ночь с тремя грациями. Мало того, нашелся один сибиряк с Амура, охотник, исходивший по Амуру очень много.

Приехал я страшно утомленный, спал, вернее, дремал ночью раза 3 по 10 минут, к тому же и спать нельзя было, тесно. Приехавши, я не обедал и, ничего не вынимая из вещей, завалился спать, а вечером был у Штак[ельберга]¹ и у Петра Николаевича² за деньгами.

Сегодня с утра бегал: был и у Буткова³, у Мин. Вн. Дел по поручению Михайла Павловича, в Управлении Иркутского Военного Штаба. Узнал приятного следующее: в Иркутском полку было уже 8 кандидатов. Тебя Корсаков велел принять

¹ Штакельберг — товарищ П. А. по Пажескому корпусу, гвардейский офицер.

² Кропоткин, Петр Николаевич — двоюродный брат П. А. и А. А., гвардейский офицер.

³ Бутков, Владимир Петрович (1820 — 1881) — государственный секретарь. (Прим. ред.)

пятым, но так как четыре вакансии очистились, то ты, следовательно, остаешься первым. Кроме того, некоему Маслову сказали, чтоб он подавал в отставку, — следовательно ты будешь скоро принят: когда придет прошение, здесь сделают все сейчас. Линденер принимает в нас особое участие, а это очень важно, иначе в Управлении ужасно копаются обыкновенно. Но потом напишут еще в Инспекторский Департамент, так как они не знают наверное, как делать, — имеешь ли ты право? Но я уверен, что тут задержки не будет, только недели две лишних, а где меряли на месяцы, там 2 недели не расчет.

Следовательно дело устраивается.

Далее еще хорошая весть: Бутков говорил мне, что государь приказал военному министру распорядиться, чтобы Кукель был принят начальником штаба в Иркутске. Порадуйся вместе со мной: я так рад.

Обо мне приказ уже отдан 22 дек., но в газетах не будет напечатано, только в приказах военного министра¹.

Еду 15-го, впрочем еще напишу.

У Вани Наумова был, но дома не застал, звал в понедельник обедать. Его отец приехал сюда сегодня.

Офицер-амурец, ехавший со мной по жел. дороге, нашел мне попутчика, немца-золотопромышленника. Очень бы хорошо было, возок покупает, но у него 3 ящика клади (окромя вещей) весом 16 пуд., это убийственно. Впрочем, мы едем вместе, и я посмотрю в Нижнем, как с этим делом справиться.

А хорошо бы было!

Бутков говорил, что Чернышевского и Серно-Соловьевича ссылают в Сибирь на 8—10 лет, хотя они и не сознаются ни в чем (но улики явные: у первого письма, а у второго счета по продаже «Колокола»).

Сегодня обедал у меня Штакельберг, много болтали. В Питере страшная гадость: в 2 дня навалило снега с пол-аршина, утром нельзя было ездить, так тяжело. Вечером я ездил за «Русск[им] словом», весь снег счищен на Невском и Морских.

¹ Приказ о назначении чиновником особых поручений Главного управления Восточной Сибири по казачьим войскам. (Прим. ред.)

Чорт знает что! Теперь с крыш каплет днем и дождь шел, и, кажется, все время было так, преинтересный климат.

Читаю теперь «Гражданские элементы Иркутского края», преинтересная статья Шелгунова в «Русск[ом [сл]ове]», примусь за письма Мих. Павловичу и отцу. Прощай.

П. Кропоткин

11-го вечер

Здесь идет опера «Фауст», новая, очень хвалят. Я хотел попасть на нее, но нет уже ни одного билета, кроме 1-го ряда (8 р.) и собственно райка (25 к.).

Виделся и с Дмитр[ием] Ник[олаевичем]¹ — все там же.

Сюда приехал из Сибири Буссе, Амурский губернатор. Он объявил мне вчера, что я должен подождать еще с неделю: уеду между 20-м и 25-м.

Не ждите, следовательно, меня послезавтра.

П. Кропоткин

13 января 1864 г.

Теперь 11 часов, спешу отослать письмо.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

15 января 1864 г.

Я получил сегодня твое второе письмо. Знаешь ли, я что-то не совсем понял (может быть, от страха поверить такому счастью) твои слова первого письма о моем определении на службу. Если не ошибаюсь, смысл их тот, что 4 вакансии из пяти уже очистились вследствие поступления, уже совершившегося, четырех кандидатов, и что пятая вакансия очистится скоро, вследствие отставки Маслова. По крайней мере С. Ярцев и Иванов понимают так, уверяют, что так надо понимать... А мне все что-то не верится.

Что сказать о том, как провожу я время? Провожу его очень глупо, а следовательно без всякого удовольствия. Читал все дурацкие романы, подаренные мне Александровым. Мало-по-

¹ Кропоткин, Дмитрий Николаевич — двоюродный брат П. А., флигель-адъютант Александра II. (Прим. ред.)

малу очищаю свою квартиру: прочитав, отдаю хозяйке для передачи, в подарок, одной престарелой даме, ее знакомой. Два раза был у дяди. В первый раз была там и Леночка. Под конец затеяли танцы, и так как одного самца не доставало, то заставили меня протанцовать одну кадрили; протанцовал, как мог, с ошибками и неловкостями. От отца ответа еще не получал, да и не получу, конечно.

Я высчитал, сколько мне надобно денег для прожития до 6 и 9 марта: — 21 р. По непростительной и очень неделикатной неосмотрительности я истратил, оказывается, все деньги, полученные мною за последнюю твою корреспонденцию, осталось всего около рубля на текущие расходы, ну, да, пожалуй, еще можно считать не потраченными те 2 р., которые я отдал Дуничке для покупок тебе. Остальные все разошлись, и куда? Куда? Знаешь ли — на водку с закуской и двух рублей не вышло. Приходится брать у тебя. Очень рад, что пришлось в письме просить, а то, воля твоя, — больно и совестно.

Письмо о происхождении видов не подвигается. Впрочем, вот, может, на-днях подвину немного. Господи, что за пошлая жизнь, невыносимо!

Пиши еще. Можешь быть уверен, что, раз усевшись за письмо, ты, при своей склонности к многоглаголанию, найдешь, о чем писать.

А. Крототкин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Петербург, 16 января 1864 г.

Меня задержали здесь: на-днях приехал Буссе, амурский губернатор, он намерен разузнать, что такое привез сюда Лутковский¹ (помнишь, я говорил тебе), а так как это не легко сделать скоро, то я и останусь еще и уеду между 20-м и 25-м, тогда напишу.

Что я здесь делаю? Можешь сам судить по прежней петербургской жизни в самом начале, когда я только что приехал,

¹ Л у т к о в с к и й, Иван Степанович—генерал-адъютант, командированный в 1863 г. из Петербурга в Восточную Сибирь для ревизии Военного отдела Восточной Сибири. (Прим. ред.)

по утрам столько же разъезжаю, обедаю дома, кое-кто собирается к обеду. Недавно собрались Штакельберги сын и отец, Замыцкий¹ (бывший паж, музыкант), 2 сибиряка, один новый приезжий, другой мой спутник из Иркутска и я. Так как нас было 7 человек, комнату же я занимаю маленькую, то мы обедали в столовой у хозяйки.

Вчера утро было свободно до 12 часов, а потому я принялся писать для «Моск. вед.» о сплаве.

Из книг купил себе «La Liberté» par J. S. Mill. Читал статью Шелгунова «Гражданские элементы Иркутского края». Вчера обедал у Замыцкого, стали пить дуэт из «Пуритан» и трио из «Вильгельма Телля». Оказалось, что мой голос окреп и увеличился одной баритонной нотой вверх, внизу уменьшился, — это преинтересно, в корпусе у меня был бас глубже, чем теперь, ясно, что это было натянато.

Вчера виделся с Линденером. Он объявил мне, что меня представили к Станиславу 3-й степени. Пауль, приехавший из Иркутска недавно сюда, говорил, что из-за этого вышли передраги. Малиновский тащил одного своего товарища, но Корсаков представил якобы меня к чину. Но, видно, он сделал затем уступку и представил меня только к кресту. В субботу буду на «Лучии», наверху — в ложе.

Прощай.

П. Кропоткин

Суббота, 18 января

Только что вернулись с Сашей Сулима² из театра и кондитерской. Устроили ему логовище на стульях, и дрых он в моей крошечной комнате.

¹ Штакельберги Замыцкий — товарищи П. А. по Пажескому корпусу.

² Двоюродный брат П. А. по матери.

(Прим. ред.)

Еду во вторник. Не выезжайте только встречать на железную [дорогу], потому что завтра утром еще могут отложить мой отъезд до среды.

Два письма твои получил.

Прощай.

*П. Кротопкин*¹

Сашурка целует тебя.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Нижний-Новгород, 25 января 1864 г.

Уже час (по Нижегородск. ср. вр.), а я сижу еще в Нижнем в ожидании повозки, я весь город изъездил, отыскивая какие-нибудь сани, наконец купил себе род кибитки, довольно хорошей, по наружности, и повидимому прочной, заплатил 27 р. Были еще простые сани, прочные, некрытые, довольно удобные, отдавали их за 18 р., но я не решился взять их; та повозка, которую я купил, по крайней мере — вещь, а 18 р. за те сани, которые я торговал, безбожно дорого, эта же везде окована железом, — говорят, что недорого.

Ну, что тебе еще писать? Андрей Иванович Наумов со мной ехал, в Москве не останавливался, — видно, денег мало, сколько я понял. Расцелуй за меня Леночку, дядю, кланяйся Анюте, скажи ей, что я ей напишу, а она тем обязывается отвечать мне и прислать свою карточку. Кланяйся и Филиппу Данилычу и Надежде Александровне.

Прощай, пиши через неделю или через 10 дней после моего отъезда.

П. Кротопкин

Кланяйся, конечно, тетушке (сиречь, тетке), Алекс. Карловне.

К великому удивлению, в течение почти суток и на протяжении почти 400 верст из вещей ни одной, кажется, не потеряно.

Прощай.

П. Кр.

¹ 21 января П. А. выехал из Петербурга в Иркутск. В Иркутск П. А. приехал 10 февраля. (Прим. ред.)

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Екатеринбург, 30 января 1864 г.

«Вещь», про которую я писал тебе из Нижнего, оказалась вовсе не «вещью», а просто дрянью, кибитка, т. е. верх, рассыпалась и грозила меня раздавить, а главное полозья погнулись и пр... Я думал доехать до Екатеринбурга, захватить на завод к Черухину, пробыть у него часа два, вычиниться, а затем ехать, куда повозка выдержит. Вышло иначе. Черухина не застал дома, в разъездах по заводам. Хотел чиниться в самом Екатеринбурге. Вместо того на станции встретил того самого попутчика с 16-ю пудами клади, который навязывался в Птб. Порешили ехать на полонинных прогонах до Красноярска, там остается ему 300 верст, мне 1000 верст. Он предоставляет мне свою повозку с тем, чтобы я ее в Иркутске продал или выслал в Красноярск; едет он вовсе не с 16-ю пудами, так как ящики свои он отправил из Нижнего, сам же едет в большой повозке, правда, с большими чемаданами, но это ничего.

Как я радовался за тебя, что ты не должен зимой ехать! Вот гадость! Все намерзнет, волосы наэлектризованы, к тому же я вчера пил много чая, нервная система, должно быть, сильно была возбуждена, прикосновение волоска до кожи причиняло невыносимое ощущение вроде боли или чесанья, мерзлый башлык с целым ворохом снега, зубы расшатываются и слегка болят (передние), невыносимо скверно. То ли дело летом, я уже пустился в поэзию, — вот тебе стихотворение о прохождении границы Европы и Азии, в Уральск[ом] хребте ¹.

¹ К письму на отдельном листке приложено следующее стихотворение:

Но боже мой, какая скука
 Скакать курьером день и ночь,
 Повозки дребезжащей звука
 Ничем не превозмочь.
 Ни с кем ни слова не сказать,
 Спешить на станок отдыхать?
 Нет, для того, чтобы только снова
 Скакать, скакать и все скакать.
 Лишь в сутки раз остановиться
 Обедать, ужинать и с... —

Дорога прескверная, тяжелая, тряска, грядки понаделаны обозами, а это такая тряска, так в голову отдается, что не знаешь, куда деться.

Однако, довольно с тебя дорожных рассказов.

Прощай.

П. Кротопкин

Ленку расцелуй за меня покрепче. Дядю тоже, Анютке, тетке поклоны.

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

6 февраля 1864 г.

Две новости. Обе не лишены интереса. Я был сегодня вечером у Васильковского, и он сказал, что Юркевич¹, между прочим, объявил на лекции о существовании очень странного народа. Живет он на Суматре, лазает по деревьям и даже, если не ошибаюсь, живет на них, подобно обезьянам. Устройство рук и ног у него подобно тому, которое у обезьян. Членораздельных звуков почти не знают. Малайцы охотятся за этими «людьми» и заставляют их работать.

Все разом, — после завалиться
 На сутки целые мечтать.
 Мечтать... Об чем же? Про былое
 Вспомянешь ли подчас, —
 Вдруг тпру: что там такое?
 Оглобля там оторвалась.
 Вот, перепутавшись как сети,
 Идут обозы под горой.
 К одной, к одной вы, сучьи дети!
 Кульер, мать вашу так, к одной!
 Но бесконечные обозы.
 Не слышат криков ямщиков,
 Вот перепутались два воза,
 Не разойдутся без тычков.
 И вот пять дней одно и то же —
 Все тот же резкий визг саней.
 А впереди, о, боже, боже,
 Таких еще тринадцать дней.

Екатеринбург, 28 января.

¹ Ю р к е в и ч — профессор Московского университета. (Прим. ред.)

Любопытно во всяком случае то, что эти существа — нечто вроде посредствующего звена между собственно-людьми и обезьянами. Не даром же провозглашает их людьми профессор университета, устройство рук и ног и образ жизни положительно напоминают обезьян. Может быть, это случайно уцелевшие, ближайшие по сходству, потомки наших общих с теперешними обезьянами прародителей.

Другая новость: читая «*Traité de l'hérédité*», Lucas, я узнал, между прочим, что скрещивания животных не одних и тех же родов, даже семейств бывают, порою, плодovиты. Я этого никак не предполагал, а потому и удивился как нельзя более. Ублюдики, о которых я говорю, следующие: от скрещивания коровы и оленя, ослицы и быка, быка и кобылы, козла и суки, суки и медведя... Странно. И мое удивление не вовсе неосновательно. Правда, Богданов как-то говорил мне мельком, что подобные скрещивания бывают, порою, плодovиты. Зато Катрфаж («Естественная история человека») и Дарвин («О происхождении видов») положительно отрицают плодovитость скрещивания такого рода. Замечу однако, что они говорят о растениях, и я полагаю, что они того же мнения и о животных; они не раз высказывают убеждение о тождестве законов для обоих органических царств природы. Дарвин, однако, понимает и различия, отделяющие даже близкие виды.

Отец прислал Леночке письмо, в котором пускается по поводу твоего отъезда в чувствительные излияния. «Приедет-де сюда опять, бог весть когда, и уже верно не застанет меня в живых»... Он собирается выслать тебе крест, сам купит, а то казенный, говорит, «аляповат». В конце пишет, что передал твой портрет Яковлевой, дочь ее едва увидела, выхватила его со словами: «Эту карточку ваш сын мне прислал, а потому я в праве ею распоряжаться». И с сим вложила оную в свой альбом. Как видно, что она неравнодушна к нашему амурцу, понравился ей... Что-то вроде этого.

А Леночка просила написать, что заглядывается на твой портрет и «полюбила бы», если б ты не был ей братом.

Получил от Сашы Сулима ответ на свое письмо. Бедняга скучает по тебе, пишет, что как-то ожил во время твоего пребывания в Петербурге, и теперь с наслаждением вспоминает о нашей комнатке в доме Татищева.

Я на-днях рисовал Леночке картину супружеских отношений будущего времени. Я всегда отрицал необходимость брака, но я никогда еще не шел дальше простого отрицания, никогда не представлял себе отчетливо, что тогда будет или должно быть. Представил же себе отчетливо все это, только проповедуя Леночке. Замечу, впрочем, что и теперь еще не уяснил себе очень многих пунктов. Полюбил я например самочку А, да и она непрочь. Приживаю с ней детей... Буде я имею состояние, могу, пожалуй, в духовной завещать оное «детям», а не то при жизни подарить. Завещание-подарок. Землю, вероятно, тогда исключат из предметов личной собственности. Если хочю, то живу в одном и том же доме со своей самочкой, конечно с ее согласия, уж верно вместе будем жить. Если живу особо, то детей берусь воспитывать сам, или ей отдам, по уговору. Если оба желаем воспитывать, жребий кинем. Если я дурак, суд велит ей отдать и т. п. Если оба дураки — в общественное заведение велят отдать и т. п. Допустим, что самочка верна мне и живет со мной. А смотришь, разлюбила и не хочет жить со мною. Горе мне, горе, но стеснять ее свободы не смею, и она идет к тому, которого полюбила. А дети? (см. выше). Случай тот же. — Я разлюбил, — остаюсь один, или беру себе другую самочку, моей-то прежней горе, страшное горе, она еще любит меня... но стеснять меня не имеет права и остается одна при своем горе. Остается бедная одна... Чем ей жить? Да тем же, чем и прежде... Адвокатурой, например. Найдутся, которые и в военной службе будут числиться, бог с ними, но и без них обошлось бы дело, если войны еще не выведутся к тому времени... Кстати, чорт побери эти идеалы, во имя которых женщины должны быть «благоуханным цветочком» — существами, предназначенными для любви и т. д. Эти идеалы созданы мужчинами, которыми руководил в этом случае затаенный эгоизм, поэтический, пожалуй. Воспитание? Но ведь адвокатура или шитье платьев не помещает воспитывать детей. Однако, сколько времени пройдет, прежде чем женщина будет способна жить сама по себе, прежде чем атрофируются окончательно признаки, в течение веков образовавшие эту породу, прежде чем эти признаки заменятся иными.

Знай, что стал писать, не уяснив себе всего, даже из того, что написал теперь. А потому, может быть, многое изменил бы, подумавши.

А. Крпоткин

9 февраля 1864 г.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 10 февраля 1864 г.

Сегодня, Сашурка, приехал в Иркутск. С Екатеринбурга я ехал до Красноярска с попутчиком, — добрый дурак, — скучновато было, ну, да ничего. Оделся он преглупо и прескверно, — мерз постоянно. Вследствие чего приходилось стоять на станциях не час, а полтора, а то и 3 часа вместо одного, да кроме того все же у него было порядочно клади, и ехали мы не особенно скоро. В Красноярске мы расстались, — я видел, что мы проедем 21 день, что, конечно, зимою слишком долго, и Корсаков в праве был бы сердиться на меня за это; в самом деле, не бросать же 1000 руб., чтоб получать известия только двумя днями раньше почты. Из Красноярска оставалось 1000 верст, я стал гнать, что было мочи, переставал давать на водку, а начал кричать: «пошел, пошел!..» Дорога отличная, и 1000 верст я проехал в 2 суток и 21 час. Я сам ахнул: я ехал на перекладной и на каждой станции понукал во время перекладки, но все же 356 верст в сутки страшно много, — и вещей не растерял.

Наряд мой оказался весьма практичен. Я свободно переносил 35 градусов, выходя из повозки раз в сутки, 2-й раз был для меня роскошью, для попутчика необходимостью.

Но в 20-градусный мороз мне бывало невыносимо жарко: я потел, как потеют в предбаннике, когда нехорошо парился в бане.

Приехал я сегодня в 2 часа.

Прямо к Корсакову. Там Кукель. Прием довольно любезный, но вдруг Корсаков говорит: «А вы статьи пишете»? — «Да, постоянно в «Моск. вед.». — «И задеваете всех...» — «Кого я задел?» — «Лутковского...» и т. д. Сильно недоволен... Весь Иркутск знает и говорит, что я Лутковского

задел. Корсаков говорил при Кукеле, а потому ограничился только замечанием, что нельзя же писать все, что знаешь.

Остановился я в гостинице. У Кукеля Вася болен. Клейменова я встретил по дороге в Россию и потому я поехал в гостиницу.

Первый вопрос Кукеля был: «А брат, вы верно с братом?» Я сегодня обедал у него. Кукель нигде не бывает, рояля не открывает.

Был вечером у Поплавской. Она тоже была уверена, что я вместе с тобой приеду.

Ну, пока, прощай.

Впредь на письмах тебе будет написано: Близ Зачатьевского монастыря в соб. доме, а на письмах Л ен о ч к е: Близ Остоженки у Зачатьевского монастыря в соб. доме. Это лучше крючков.

[*Без подписи*]

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 24 февраля 1864 г.

Что тебе писать хорошего? Пожалуй, обо всем. Ну, квартиры себе искал, искал, как угорелый, совался в разные места, да время нехорошее, оттого и дороговизна страшная, дрянная квартиришка стоит 17 руб., да еще человека нанимай, — не менее 12 руб. Я и остался в гостинице, плачу за все 12 руб., обед 10 руб., и человека держать не надо, так как, сам знаешь, много ли мне нужно от человека. У меня большая комната с двумя перегородками, образующими переднюю и спальню, довольно грязная, но жить можно.

Главное удобство составляет большой письменный стол, хоть двоим спать на нем (с ящиками), конторка, этажерка для книг, комод, а такие удобства редко встретишь на частной квартире.

Попржежнему бываю часто у Кукеля, — как-то не заходил дня три, так он сейчас записку написал, подумал, что я верно ухаживаю за барыней какой-нибудь или болен. В обоих случаях нужны-де меры и т. п. А потом объявил, что если я буду ждать зова, чтобы приходить обедать, то подвергнусь дисциплинарному взысканию. Потом бываю у Поплавских, каждый

день, — рояль есть, играю, больше нигде не бываю из семейных, затем у Корсакова по обязанности во время дежурств, да у молодежи.

Сегодня получил денег кучу, так что уплатил долг в Заб[айкальское] Войсковое Правл[ение] 100 руб. и тебе посылую 30 руб.

Третьего или четвертого дня послал письмо Леонтьеву об сплаве¹, для тебя скучное, листов 5 разгонистого письма, следовательно небольшое будет. Пишу о возвратном пути с Амура, скоро, верно, кончу.

Лень писать теперь, а потому жди, когда буду в расположении духа. Я вчера страшно угорел, а потому сегодня не в духе. Прощай.

П. Кропоткин

От отца получил письмо от 19/1, тут же от Полиньки и Е[лизаветы] Марковны.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

27 февраля [1864 г.]

Саша, я могу написать тебе чрезвычайно приятную для меня и неприятную для тебя новость. На-днях решено следующее. Вот тебе карта:²

Русские ходили только с Цурухайтуя³ до Хайлара, и из Айгуна⁴ на Мергень и Цицикар. Теперь снаряжается экспедиция из Цурухайтуя на Айгун. Есть слухи, что тут есть дорога. Есть слухи, что живут тут какие-то племена (не помню

¹ Это письмо было напечатано в № 14 «Современной летописи» под заглавием «Из Иркутска». В н.м П. А. пишет о сплаве барж с хлебом по Амуру.

² В подлиннике здесь помещен на П. А. схематическая карта Северной Манчжурии. Факсимиле этого письма воспроизведено на странице 149 настоящей книги.

³ Ц у р у х а й т у й — казачий караул на р. Аргуни, близ границы Монголии.

⁴ А й г у н — китайское селение на правом берегу Амура, близ Благовещенска.
(Прим. ред.)

какие). Теперь хотят узнать, действительно ли хороша эта дорога, — можно ли прогонять по ней скот. Говорят, там дешев скот и пр. и пр. Нужно узнать, что это за сторона. Ходили туда иезуиты, но очень давно, и сведений очень мало. Кукель предложил мне эту экспедицию. Снарядят караван из трех-четырех казаков, лошадей двенадцать, закупим товаров и поедем торговать. Я поеду тоже торговцем, и сохрани бог подать вид, кто я — могут не пустить, — знаешь, как китайцы подозрительны, особенно если узнают, что я военный. Потихоньку надо будет снять дорожку, для этого, может быть, дадут в помощь топографа. Командировка, как видишь, в высшей степени интересная, тем более, что всякое сведение драгоценно, но нельзя будет выдать себя, а потому надо быть очень осторожным, а потому запасусь коробкой товаров, буссоль за пазуху, барометр в карман — и марш. Одежда простого казака, буду приторговывать.

Тебе это известие будет неприятно, потому что ты долго будешь (месяца три) без писем¹.

Вчера Кукель предложил избрать меня в члены Сиб. Отд. Географического О-ва, избрали и ждут великих милостей. Рылся я сегодня в библиотеке Генерального Штаба и ничего не нашел об этой сторонке.

Но, Саша, тут-то и поражает меня мое незнание, мучительно. Важно определить строение гор. А как я определю? Я шифера не отличу от гранита или почти так. Растительность, как я я ее опишу? Срисую? Как?

Да, жалко. А можно бы было многое описать. Везти же коллекции невозможно, поймут, что я не казак, тогда и казенной цели не достигнешь. Спасибо, хоть съемку могу сделать, и то

¹ Экспедиция по Северной Манчжурии закончилась 14 июня 1864 г. В экспедиции кроме П. А. Кропоткина приняли участие 4 казака, 1 монгол — переводчик монгольского языка, 1 тунгуз — переводчик манчжурского языка и 4 служителя. Караван экспедиции состоял из 41 лошади. Товары для продажи (плис, мануфактура) и съестные припасы были уложены на трех тележках — одноколках и на одной четырехколесной телеге.

Чтобы отвлечь всякое подозрение китайских властей, официальным начальником каравана был не П. А., а казачий урядник Софронов. Ему было поручено вести все переговоры с китайскими властями.

(Прим. ред.)

с трудом, потому что как ты определишь горизонтальное положение подъема в гору в 5 часов времени. Нужен навык, но это еще самое легкое,—а строение гор и растительность, — вот беда.

Вчера помешали кончить. Сегодня я получил «Азию» Риттера и 5 карт этого края, т. е. ни одного лешего туда не носило, ходили с Цурухайтуя на Пекин, но прямо на Айгун никто не ходил, и для исследований никто не забрел в этот угол. На картах китайских все нанесено чрезвычайно нелепо и безобразно, так что я не могу составить себе даже приблизительного понятия о том, как пойду, по каким рекам.

Из Цурухайтуя мы выйдем в первых числах мая, для этого мне придется перебраться в Забайкалье по последнему льду на Байкале, т. е. в половине апреля. А потому скоро — прощай Иркутск.

Теперь же придется заниматься преимущественно этим, надо читать, что есть, по крайней мере о соседних странах.

Больше писать тебе нечего, вернее не хочется.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 1 марта 1864 г.

Сегодня кончается масленица. Я проводил последние ее дни довольно весело и тем более вспоминал тебя, что знал, что ты не можешь особенно хорошо провести свое время. Правда, тебе общества не нужно, как мне, но все-таки, мне кажется, и тебе без него нехорошо, т. е. тебе было бы веселей и работалось бы лучше, если бы было общество хороших людей, как Кукель, кое-кто из молодежи, 2—3 неглупые женщины.

В четверг мы танцевали, здесь есть 2—3 милые девушки, неглупые, надо же было с ними познакомиться, а это лучшее средство, да к тому же пляска сама по себе для меня кое-что приятное, как и верховая езда на хорошей лошади, только скорая, очень скорая. Потом в пятницу был обед. Купцы дедлали его новому губернатору, нас пригласили.

Здесь вообще молодежь не больно любит дамское общество, а потому мы засели особо, школьничали весь обед, таскали друг у друга наливку, а так как наливка была вишневка привозная и лучше всяких вин, то, «что ж, Микошка, хе... хе... выпьем», ну и выпили мало-мало. Затем вчера затеяли так называемую *folle journée*¹, а попросту обед с блинами, а вечером танцы в собрании. Опять собралась молодежь в один угол, опять выпили немножко, оттого что в зале было страшно холодно, градусов 8, если не меньше. После обеда дамы промерзли страшно, мы было принялись петь хоровые песни, но... после блинов, должно быть, ничего не выходило, крикнули вальс, потом мазурку и пошли танцевать... После мазурки учинили «конституцию»², все были немножко того, но согрелись, т. е. достигли цели, поехали на горы, катались, это тоже довольно приятное ощущение — дух захватывает. Вечером собрались танцевать, но я так устал, что поехал только по необходимости, так как заранее пригласил одну даму на мазурку, но я был не в силах ни танцевать, ни говорить. Сегодня выспался—и нипочем.

Подготовка к будущей поездке составляет теперь главное мое занятие: целые дни, кроме времени от 2-х до 7 часов, я просиживаю над «Азией» Риттера и картами. Сведения об этой стране сообщаются только косвенные, дающие возможность судить о ней по аналогии, и то в таких крупных чертах, что можно с трудом их предугадать. От 2-х до 7—8 часов бываю у Поплавской³, либо обедаю у нее, либо иду после обеда. У нее порядочный рояль, разыгрываю, что

¹ Безумный день.

² У Щедрина есть рассказ «Прощаюсь, ангел мой, с тобою»—описание прощального обеда в честь губернатора. Чиновник, выведенный в рассказе, вспоминает, что в прежнее время проводы начинались прямо с «конституции» без речей. Под «конституцией» невежественный чиновник понимал всякое безобразие: «тут-то собственно и начинается настоящая конституция», говорит он, описывая, как все на балу у губернатора перепиваются и большинство гостей оказывается под столом.

³ Поплавский, Иван Варфоломеевич — чиновник в Иркутске, с семьей которого П. А. был в дружеских отношениях.

(Прим. ред.)

могу, из Бетховена и жду прибытия из Читы «Жизни за царя».

Сегодня получил письмо из Читы, там недовольны мною за донесение о сплаве, где я осуждал постройку барж. Видишь ли, строил баржи человек, пользующийся большим авторитетом, он сумел сделаться человеком, необходимым для Кукеля, очень умен и казался человеком наших убеждений. Я разочаровался в нем, и тем более считал долгом восстать против его авторитета и доказать, что баржи строены нехорошо. Конечно, недоволен и тот, кто теперь заведует постройкой барж. Другие же сочувствуют, и то спасибо. То же пишут и за письма с Амура. Впрочем, черт с ними.

Помнишь, я говорил тебе про перевод посвящения к «Фаусту», который вышел у меня вроде белых стихов, — вот он в том виде, как вышел тогда:

...Вы снова близитесь, туманные образы,
 Что некогда являлись смутным взорам...
 Несете вы с собой картины прежних
 Счастливых дней, встают и милых тени.
 Подобно старой, позабытой саге,
 На ум приходит первая любовь
 И дружба. Вновь страданье, снова скорбь
 О жизни в лабиринте заблуждений,
 Я вспомнил милых, бросивших меня.
 В часы те, чудные избытком счастья,
 Не слышат более они последних песен,
 Те души, которым впервые я пел.
 Разорван дружеский кружок и отзвучал,
 Увы, отзывный первый звук.
 И песнь моя звучит толпе мне незнакомой
 И страшно сердцу даже одобренье.
 А кто когда-то песнь мою любил, то,
 Если живы, бродят далеко по свету.

И снова мною овладело давно отвычное томленье
 По тихом том кружке, где дух так строго надо всем парил,
 И песнь моя, похожая на лепет,
 Колеблется в неясных тихих звуках,
 Как арфа тихая Эола.
 Дрожу я, слезы льются за слезами,
 И сердце грубое вдруг кротким, тихим стало
 И что мое теперь, то вдаль уходит,
 А что исчезнуло давно,
 То для меня действительностью стало...

Саша, ты можешь поздравить меня с обновкой, которой я рад больше, чем ребенок первой игрушке. Я купил себе harmoniflut¹. Экономия, которую я делаю теперь, живя в гостинице, не держа человека, дала мне возможность купить его за 80 руб. с тем, что я буду выплачивать деньги до августа.

Когда же ты приедешь? Чем дальше, тем мое нетерпение сильнее становится, я все планы строю, как мы будем жить. Пока прощай.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 15 марта 1864 г.

Чорт знает, вчера весь вечер просидел у Поплавских, муж ее приехал, а я забыл спросить его о твоём деле. Я, как бродячий артист, перенес туда свой harmoniflut, и мы вчера весь вечер трудились над «Жизнью за царя».

У нас весна, насколько можно представить себе весну без зелени. Снег сошел, да слой тонкой грязи на улицах и тот просыхает, воздух такой мягкий, теплый, ночью, конечно, мороз, можно ходить по льду на лыжах.

Я теперь читаю разные разности о Китае, Манчжурии и Монголии, затем занялся «Эгмонтом». Теперь переведено страниц 30, не более, черчу карты, бываю у Кукеля и у Поплавских (вот и все), изредка захожу еще в два-три дома.

Ну, пока больше нечего тебе писать. Прощай.

П. Кропоткин

Трио из «Жизни за царя» с хорами выходит на фортепьяно с harmoniflut великолепно, только ужасно трудно, приходится играть 6 или 7 голосов. Поплавская аккомпанирует, песнь Вани (с Петровым) выходит безукоризненно.

¹ Гармонифлют — музыкальный инструмент, в котором струя воздуха, вдуваемая мехами, действует на металлические пластинки и, вызывая их вибрацию, производит звуки. При помощи клавиатуры играющий может направлять струю воздуха из меха на разные пластинки и, следовательно, по желанию может производить нужные звуки.

(Прим. ред.)

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 21 марта 1864 г.

Вчера получил от Штак[ельберга] сцены из «Эгмонта». На меня вчера напал такой переводный азарт, что я сам удивлялся, как легко подыскивались выражения, обороты. Результатом этого вышло то, что теперь кончил почти всего «Эгмонта», за исключением 2-х сцен, переведенных Вене—м¹. Следовательно, конец близок. Поплавской обещал прочесть всего «Эгмонта» дня через два.

Сейчас был у меня Ерофеев, твой бывший товарищ. Он был в Инженер. Академии, куда поступил после выпуска 62 г. Там им при начале польской войны предложили выйти из академии. Он, выбирая между Варшавой и Восточной Сибирью, попал сюда. Корсаков оставил его здесь, он командует сотней забайкальского отряда, который приходит на службу в Иркутск, узнал, что я твой брат, и пришел ко мне. Человек неглупый, с хорошими, по крайней мере, намерениями. Сибирью не совсем доволен, п. ч. действительно командовать сотнею невесело, жалуется, что нет порядочного общества. Вот мы с тобой его образуем и учредим ему у себя притон. Приезжай только.

Корсаков, не помню, писал или нет, предложил мне, если выеду в Благовещенск, ехать в Николаевск, — следовательно, ты еще дальше не будешь получать писем от меня. Я же еду, потому что хочу видеть Николаевск, и вообще эта поездка полезна для меня во всех отношениях.

Да, здесь есть еще твой товарищ, Чудновский, переходит в Генеральный Штаб, доканчивает здесь статистическое описание Ирк. губ., только болен бедняга.

28 марта

Вот целая неделя прошла, а моя жизнь теперь так не разнообразна, что и писать-то нечего, даже не затронуло ничто посильнее. Жизнь идет очень однообразно. Утро за книгами об Монголии и Манчжурии и т. п. вещах. В 3-м часу обед.

¹ Поэтом Веневитиновым.

(Прим. ред.)

После обеда у Поплавских играю, вечер или дома, или у Поплавских, или у кого-нибудь из знакомых, нисколько не интересных, вернувшись домой, читаю Льюиса 2-й том, кончаю теперь только. Об нем нашлось бы что писать, да весь день прошел так безалаберно, а сам утомлен, вот и откладываешь, а завтра то же, с утра черчение карты по спутанным маршрутам Ланэ и т. п. дрянь.

Пока ничего не знаю наверное о своем отъезде, завтра или послезавтра узнаю, тогда напишу.

Между прочим, на-днях, ночью через 4—5 домов от нашей гостиницы был огромный пожар. Я не спал. Меня поднял шум пожарных. Я сейчас вскочил, отдернул занавес от окна,— великолепнейшая иллюминация, совершенно Варф[оломеевская] ночь в «Гугенотах»; впопыхах оделся и побежал туда. Поработал немного, слегка простудился, так как был без калош, а воды много проливали пожарные, ночью же земля была очень холодна. Впрочем, дело кончилось хрипотью от крика и насморком.

Вот и все разнообразие моей жизни. Я рад буду выехать. Пора уже, или надо вести жизнь иначе.

Прощай, пока нечего писать.

П. Кропоткин

29 марта

Крепко целую Леночку. Кланяйся дяде, Анюте не нужно, если она такая бездельница. Тетке и пр. также поклонись.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 2 апреля 1864 г.

На-днях меня поразила совершенно неожиданная новость. Мне назначили награду за сплав 300 руб. То-есть говорится— за сплав, потому что это вид награды, разрешенной законом и обычаем из остаточных за сплав денег. Но я себе не ожидал ничего подобного, потому что ты знаешь, что я делал на сплаве. Так что я должен был высказать это Кукелю. Ну, говорит, это за все вместе. Вообще это не совсем справедливо. Но что же делать! Несправедливо относительно начальников разби-

тых рейсов, которым ничего не дают. Но Корсаков находит, что им невозможно дать.

Так как теперь деньги есть, то посылаю тебе 50 р., расплачиваюсь за harmoniflut, посылаю на книги и пр. и пр. К тому же скоро должны быть деньги от отца.

Скоро я еду, дней через 5—6, впрочем до отъезда в Читу еще напишу тебе.

Вчера отправил письмо Леонтьеву, вышло огромное и довольно разнообразное¹. Содержит 10 больших листов, довольно убористых. Если летом уедешь, то скажи Леонтьеву, чтобы гонорар он оставлял у себя, пока не напишу ему, что с ним делать.

После твоего отъезда не распорядишься ли передать мой гонорар кому-нибудь из студентов, чтобы получали — пригодится. Неловко только, может быть, не захотят брать, хотя это будет очень глупо.

Вероятно, ты без меня приедешь, — я буду еще на Амуре. Вообрази, какая здесь недостача в грамотных, — говорили, не поспею ли я раньше выйти, чтобы взять на себя историческую часть экспедиции, которая, кажется, пойдет на Сунгари (приток Амура). Конечно, не успеть, но если я выйду в Благовещенск, поеду до Николаевска.

Если без меня приедешь, то остановись в гостинице у Метцгера. К хозяину обращайся за всякими сведениями. Он человек хороший и все сообщит. Но еще вернее будет обратиться прямо к Думанскому, он будет команд [овать] Иркутским полком, ты должен будешь и по службе к нему явиться, и затем прямо обращайся к нему за всем, что будет нужно. Он тоже хороший человек, простой, честный и добрый.

Так как больше ничего нет хорошего, то и писать тебе нечего. Целуй Леночку, я скоро напишу ей.

На-днях я много говорил о тебе с Поплавской. Она тебя ждет. Прощай.

П. Кропоткин

¹ Это письмо под заглавием «Из Иркутска» было напечатано в №№ 19 и 20 «Современной летописи». В письме П. А. описывает свое плавание по Амуру осенью 1863 г. (Прим. ред.)

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 8 апреля 1864 г.

Измученный, усталый, как сукин сын, сажусь я написать тебе хоть несколько строк. Вот два дня бегаю как гончая собака повсюду получать всякую штуку, закупать товары, менять деньги на серебро и пр. и пр. Потом укладка. Завтра еду вечером и очень рад выбраться.

Теперь жди письма из Читы, но промежуток между этим и будущим письмом будет не меньше месяца или около 4-х недель, потому что почта ходит уже кругом Байкала. Я же поеду через море на вольных.

Прощай.

П. Кропоткин

Леночку поцелуй.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 18 апреля 1864 г.

Дня три тому назад я приехал в Читу, ехал себе спокойно, не торопясь, заезжал по дороге в один бурятский дацан¹, впрочем мало в нем интересного. Приехал в Читу, остановился у одного знакомого офицера, славного малого. Я хотел пробыть в Чите не более 2-х дней и ехать дальше в Чиндант². Но оказалось невозможным дальше ехать, реки еще не прошли, а лед на них так слаб, что невозможно пробраться. Вот я и жду здесь, пробуду до 4-го дня пасхи, которую намеревался провести во 2-й бригаде.

Сейчас узнал, что мой хозяин посылает на почту, принялся писать и на ходу кончаю письмо. Следовательно, прощай.

П. Кропоткин

¹ Дацан — ламаитский монастырь.

² Чиндантская станица на р. Ононе, в Забайкальской области, на границе с Манчжурией. (Прим. ред.)

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Чита, 26 апреля 1864 г.

Ну, Сашурка, брани, ругай меня, пожалуй, но что же делать! Спектакль состоялся. Все говорят, да и мы сами знаем, что дай бог, чтобы на всякой сцене было так сыграно, именно потому, что даже самые неважные роли были сыграны хорошо. В самом деле, что было лучшего делать? Ехать в Чиндант было незачем, реки к тому же не пустили бы, а чем бездельничать на праздниках в Чите — лучше было заработать несколько денег для библиотеки, и заработали около 150 руб. чистых. К тому же, можешь бранить меня, но мне доставляет удовольствие играть, чувствовать волнение, плакать, войдя в роль, точно так же, как мне приятно играть на рояле, переводить «Эгмонта». К тому же здесь оказались две молоденькие, хорошенькие женщины, действительно одна хорошенькая и к тому же актриса, с которыми играть было приятно.

Играли фарс «Школьный учитель», но это было необходимо, чтобы привлечь публику¹.

Завтра уж еду; боюсь я за успех своей поездки: монголы и теперь уж, поди, знают, что пойдет караван и с ним перешедший чиновник.

Пока прощай.

П. Кротокин

Напишу из Чинданта или Цурухайтуя.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Ст. Чиндантская, 7 мая 1864 г.

Ну, Саша, я вот уже несколько дней в Чинданте, а все не писал тебе. Да и бесполезно бы было с точки зрения отправки, ведь я в такие места забрался, где почта (казачья) ходит раз

¹ Спектакль был устроен приезжей труппой артистов, которая пригласила принять участие и П. А. Представлено было «В чужом пиру похмелье», комедия Островского. П. А. играл роль Андрея Титыча Брускова. После комедии Островского был разыгран водевиль «Школьный учитель» П. Каратыгина. В этом водевиле П. А. исполнил роль Галиматьяса — школьного учителя. (Прим. ред.)

Ч И Т А

Из альманаха Клуба.

СПЕКТАКЛЬ ЛЮБИТЕЛЕЙ

на пользу клубной библиотеки.
18-го апреля 1894 года.

„ВЪ ЧУЖОМЪ ИМРУ ПОХУДЬБЕ“

Комедия на дарго действительна А. Н. Осиповича.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

- Иванъ Киселюковичъ Исидоръ, отставной ин-
женеръ — А. П. СОВАЛЬСКИЙ.
- Дилетантъ Иванова, его дочь К. Г. ДМИТРИЕВА.
- Аристократъ П. А. Аношинъ, адвокатъ.
- Губернская Секретарша, го-
вядка театры замѣчательной
- Ивановичъ — А. П. МОЗОВИЦКАЯ.
- Тянь Тяньчъ Брускова, бо-
гатый купецъ — В. М. ЛЮБИМОВЪ.
- Ивановичъ Инквизиторъ, экс-
капитанъ — О. Р. ЛЕВТАУ.
- Андрей Тяньчъ — П. А. КРАШЕННИНЪ.
- Капитанъ Тяньчъ — (озвонилъ его)
- Николай Сидоровичъ — А. И. МИЛОВАНОВЪ.
- Брускова — (озвонилъ его)
- Бакларъ Златаръ, староста — В. С. БОЛОНЪ.
- Дружокъ, ординарный докторъ — С. С. ДЗЕРЖАВЪ.

Действие происходитъ въ Москвѣ.

Билетъ

для входа въ залу Читальнаго общества Клуба.

СПЕКТАКЛЬ

Апрѣля 1894 года.

№

Цѣна

руб

Факсимиле билета на спектакль, в котором участвовал П. А. Кропоткин (оригинал в Музее Кропоткина)

в неделю — все равно письмо лежало бы; кстати, здесь такие места: чтоб стальное перо достать, надо было искать по всей станице, и где чернила самодельные, оттого и пишу скверно, своих перьев нет, потому что я стал купцом Петром Алексеевым¹, который при себе ничего порядочного не имеет, кроме товаров. Ты же, я думаю, уж ни весть что передумал, не получая писем, но не забывай, что теперь я еду на восток, удаляюсь от тебя, и не небольшими шагами, *mais à pas de géants*, ужхватишь, так 400, 700 верст как не бывало. Живу здесь у бригадного командира Буксгевдена, немца, молодого, славного человека, — он меня снарядит, и 13-го я выеду отсюда в Цурухайтуу, чтобы 15-го выехать в дорогу. Живу я на границе, т. е. верстах в 30 от собственно границы, означаемой маяками, в казачьей станице, в ужасной глуши. Впрочем, есть занятие. Буксгевден занимается минералогией. Чтобы делать анализ, он выписал себе нужные химические реактивы, но дорогой от всех отклеились ярлычки, которые ныне затеряны; следовательно имеется ряд баночек и скляночек, содержащих неизвестно что. Я и работаю целый день, чтобы узнать, что в них, и почти кончил, остался пяток склянок, которые не поддаются моим трудам. Это одно;

¹ И. И. Попов в своей книге «Минувшее и пережитое» (изд. «Голос», 1924 г.) приводит рассказ читинского казака, офицера П. Н. Ковригина, которому было поручено снаряжение каравана «Иркутского второй гильдии купца Петра Алексеева». Ковригин говорит, что он сразу увидел, что П. А. «купец самодельный, все приемы и говор у него деланный». Буряты и казаки, прикомандированные сопровождать караван, также сразу «раскусили» купца и даже признали в нем военного. П. А. отлично ездил верхом. По улусам пошла молва о важном сановнике, командированном в Манчжурию по важным делам. «Я несколько раз, — говорит Ковригин, — заводил с П. А. разговоры о декабристах, Иркутске, литературе и т. д. «Купец» слушал с интересом, но ничем не выдавал своего якобы «купецкого» происхождения, только когда я сказал, — вспоминает Ковригин, — что в Сибири купцы любят читать, он сказал, что нам, торговым людям, некогда читать книжки. Месяца через два после отъезда П. А. в Манчжурию старший офицер, Буксгевден, спросил Ковригина: «А знаете, Петр Николаевич, какого мы с вами купца снаряжали?» — «Знаю, что это был не купец, а кто — не знаю», — ответил Ковригин. «Это князь Кротопкин, старший офицер особых поручений при генерал-губернаторе. Несмотря на свою молодость, человек большой учености, и его ждет блестящая карьера. Гляди, лет через десяток сам будет генерал-губернатором»... (Прим. ред.)

затем второе, — это разговоры о Монголии, Китае, караванах и пр. и пр. Много нового, нисколько не похожего на жизнь, которую я прежде видел, — совсем иная, и народ другой, ну, да тебе это неинтересно. А здесь только и речи, что об караванах, которые в нынешнем году намерены тронуться внутрь Китая. И вот живу я среди кислот, все руки перепачканы, в обществе Буксгевдена и нескольких зауряд-офицеров, с ними только о торговле и можно говорить, да и то нужен гидравлический пресс, чтобы выжать хоть одно словечко. Да, забыл: здесь тепло, хорошо, так и манит в поле. Особенно я почувствовал это, когда накануне отъезда из Читы отправился утром на Ингоду, — на берегу нагрузка барж, шум, движение, работа, река такая славная, так и манит на реку. А ходил я определять течение, скорость течения, — просили.

Что мы можем сделать для Леночки? Об этом надо подумать, пока время еще не ушло. Скажи ей: если жизнь с мужем ей невыносима, чего же она не бросит его? Одной ей жить трудно, не такая она женщина, — так я могу приехать. У нее есть имение, что-нибудь оно даст и дает, я могу работать, втроем мы проживем на это — ты, она да я. Найдется тебе работа, и служба во всяком случае к чорту — и слава бы богу. Чорт с ней! Мысль бросить службу и заняться честным трудом все больше и больше крепнет во мне (по моим убеждениям казенная служба положительно труд нечестный). Щедрин где-то удачно выразился, что одни приказывают, а другие смотрят, чтобы приказанное исполнялось. Пользы другим ни малейшей — себе вред, куда ни поверни, а требования непомерные. Найти себе работу не в Москве, так в другом месте всегда можно — тогда и тебе пришлось бы поступить на службу. На первых порах на нас троих — доход с Леночкиного имения, там моя работа, твоя. Тут ничего нет дикого, что я свою работу ставлю впереди. Ты точно так же станешь работать, обстоятельства сделали то, что моя работа легче переводится на наличные деньги, твоя же работа и с материальной точки зрения может быть полезнее всякой работы, какова моя. В этом предложении ничего нет дикого, ни безнравственного. Не называй этого сразу безрассудным, а обдумай. Вернувшись в сентябре с Амура, я могу взять

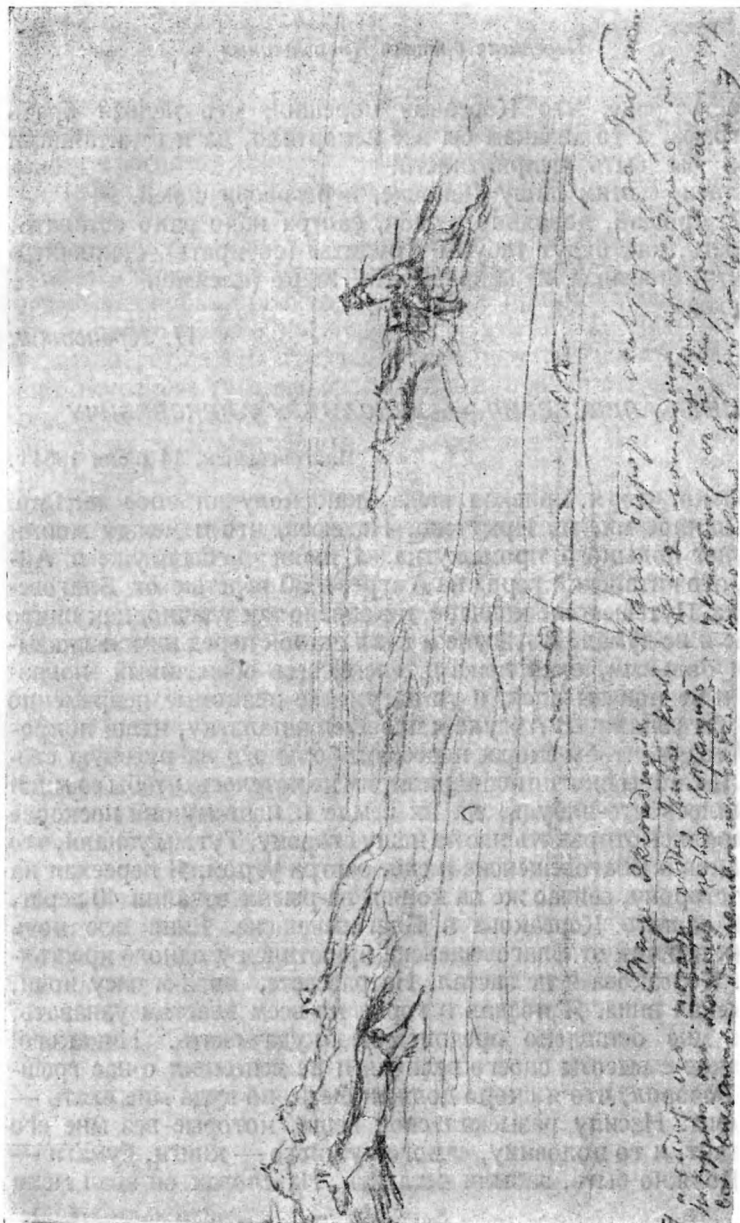
4-месячный отпуск и ехать к вам,—быть может, место найдется в Екатеринбурге, если Черухин там, найдется и тебе место, где поменьше работы. Денег, чтобы доехать до России, у меня будет. Не это место, так найдется другое — детей учить в провинции, хоть в Иркутске бы даже (ну, это неудобно, далеко ехать). Лена может помогать (уроки на фортепьяно), всегда можно устроить род пансиона, и если честно вести дело (мы не глупы), без куса хлеба не будем. Отцовское имение? Еще не решен вопрос о наших правах на него, — следовательно, это журавль в небе. Подумай, скажи Леночке и пиши. Бедности, надеюсь, не будет, уменьшение довольства — да.

11 мая

Завтра идет почта, припишу еще что-нибудь. Я кончил здесь письмо к Леонтьеву (телеграф в Иркутске, переезд через Байкал, доставка хлеба в Читу и Ононский дацан на дороге) и сдаю его завтра же на почту, — это третье после приезда из России¹. Кроме того, начал письмо об дороге до Чинданта и о здешних казаках, но уж решительно не знаю, когда кончу. Послезавтра собираемся в Цурухайтуй, там некогда будет писать; успею — так напишу тебе несколько строк, затем прощай на довольно долгий срок — до Благовещенска², если удастся. Я приехал сюда, чтобы и здесь слыть за купца, — напрасная мечта, узнали, что я князь, проклятая кличка везде пакостит, и я уверен, что отчасти поэтому казаки стали отказываться идти на Айгун, потому что думают, еще чорт знает что за зверь, да пойдет с причудами, с барством, пожалуй, еще с треножкой, которой так боятся китайцы (сиречь с инструментом), а у меня только буссоль не больше табакерки, которой и буду делать съемку, не слезая с лошади, чему уж делал опыт здесь, — скверно, но ничего, можно.

¹ Письмо было напечатано в «Современной летописи», № 24 за 1864 г.

² Б л а г о в е щ е н с к — б. губернский город на Амуре, при слиянии р. Зеи с Амуром. В 1864 г. имел 3000 жителей. (Прим. ред.)

Ловля лошадей в Северной Манчжурии
(рисунок П. А. Кропоткина, 1864 г.)

Счастье еще, что Корсаков порешил, что нельзя брать топографа, а то казакам бы все испортили, да и с китайцами могли бы быть неприятности.

Кстати, с этим пишу Леночке, переговоры с ней.

Ну, прощай, довольно с тебя, завтра надо рано вставать, смотреть, как будут табуны «грудить» (собирать), «укрячить» (ловить) лошадей и накладывать тавро (клеймо).

Прощай.

П. Кротокин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Благовещенск, 14 июня 1864 г.

Только что я приехал сюда, как получил твое письмо, пересланное мне из Иркутска. Надеюсь, что и между моими не будет большого промежутка. 1 июня я был уже в Айгуне, это китайский город на Амуре, в 30 верстах от Благовещенска. Путешествие кончено, и кончено так удачно, как никто из нас и не думал. В Айгуне и один станок перед ним я сказывался больным, ехал лежа в телеге, весь обвязанный повязками и не показывался, а то айгунские знакомые непременно меня бы узнали. В Айгуне я перешел в палатку, наши попросили лодку, чтобы скорее перевезти больного на русскую сторону. Китайцы охотно исполнили, им не хотелось, чтобы со мной «случилось что-нибудь» на их земле и поэтому они поскорее постарались отправить нас на нашу сторону. Тут мы узнали, что Корсаков в Благовещенске и едет завтра утром. Я переехал на нашу сторону, сейчас же на коня и на-рысях отвалил 40 верст, чтобы застать Корсакова в Благовещенске. Ехал всю ночь и в 4-х верстах от Благовещенска приютился у одного крестьянина. Корсакова я не застал. На рассвете, во 2-м часу ночи, он выехал вниз. Я послал в город ко всем властям узнавать, какое мне оставлено предписание, куда ехать. Никакого! Корсаков с высоты своего величия и не вспомнил о нас грешных. Говорил, что я скоро должен быть, но куда мне ехать — ни слова. Насилу разыскал свои вещи, которые вез мне его адъютант, и то половину, самого нужного — книги, бумаги — нет. Должно быть, забыли оставить. На словах он звал меня

в Николаевск, на бумаге сказано: если не будет никакого приказанія, — вернуться в Иркутск. Сунгарийская экспедиція состоится или нет, — неизвестно, мне бы желательно плыть в Николаевск, затем на о. Сахалин, может быть на Сунгари. Мои вещи там. Да если я ему не нужен, он бы, верно, сказал: пусть вернется. В неизвестности я два дня прожил у одного скопца на реке Зее, наконец вечером, чтобы не видали манчжуры, приехал сюда. Здесь приняли очень хорошо, но я ровно ничего не знаю, куда ехать. Наконец решился уехать верст за 150 от Благовещенска и там ждать возвращенія амурского губернатора, который поехал с Корс[аковым]; он, вероятно, знает, что мы вышли сюда, и, верно, скажет мне, куда деваться. Завтра уезжаю отсюда. Вот какие творятся дела.

Прошли мы очень хорошо, препятствий никаких, китайские власти даже слишком много чести оказывали, отгоняя с пути ороchon и прочих, чтобы они с нами не торговали. Торговля вообще вышла очень плохая: в Мергене¹ я продал 1 штуку плисса, да несколько мишуры, казаки тоже пустячки; в Айгуне совсем было запрещено торговать. Товар весь остался у меня на шее, не знаю, что и делать с ним, вообще вся поездка влезла в копейку как казакам, так и мне. Но что меня больше всего бесит — это Корсаков, который мне ничего не оставил. В дороге я ехал хорошо. Ехали мы нескоро — верст по 30—40 в день. Поднимались со светом, ехали шагом. Я все время делал глазомерную съемку, т. е. буссолью определял направление пути, а часами число пройденных верст, и на каждой точке зачерчивал на скорую руку, на-глаз нанося окрестную местность. Провожатых постоянных не было, иногда присоединялся какой-нибудь хаван, ехал с нами, тогда я или отставал или вперед уезжал. Из всего составитя самая приближительная карта пути, которая кое в чем поправит карты, ныне имеющиеся. Кроме того, я собирал камни в тех местах, где были обнажения горных пород. Конечно, я бы мог собрать гораздо больше того, что я собрал, если бы не делал съемки и мог бы больше отлучаться от дороги. А то доводилось брать

¹ М е р г е н — город в Северной Манчжурии на левом берегу реки Нонни. Жителей в 1864 г. было около 3000 чел. (Прим. ред.)

то, что на дороге попадалось. Собрал около 120 экземпляров горных пород, которые с подробным каталогом, может быть, дадут возможность составить геологический обзор местности. Кроме того, подтвердилось существование потухших вулканов, вопреки теории их приморского происхождения; предполагалось, что их нет внутри материка. Теперь я наверно утверждаю, что они есть в Иньхури-Алине (хребет, параллельный Амуру). Меня поразила первая сопка, взгляделся — вулкан, отрезной конус с кратером, ныне рассыпающимся, на одной стороне от прорыва набросаны камни; я подъехал — вулканический туф. Везу образцы. К сожалению, о растительности могу сказать очень немного, а гербарий собирать нельзя было.

Комедия удалась вполне. Казаки, конечно, меня знали, но монголы и манчжуры хотя знали, что пойдет какой-то князь, и спрашивали, не Муравьев¹ ли, но потом убедились, что я купец. Как же было не убедиться, когда они видели, как я стоял перед урядником — нашим караванским старшиною, работал в то время, когда он сидел и говорил с манчжурами, сажился на заднее место, — это и в голову не могло им прийти, чтоб «нойон»² стал так притворяться. Со мной они дружились. Урядник Софронов, старшина, серьезный, важный, — а я болтаю, братаюсь, курю их вонючие ганзы³, угощаю своим табаком самого последнего орочона, и «дрянгунда» (купец) «Петра» сделался «анда» (друг), «топра парн» (добрый парень). Одним словом, все как нельзя лучше. Жалеют, что я не знаю по-ихнему, «а то бы с тобой много поговорили» и т. д. Но я все-таки говорил знаками, манчжуры и китайцы, которые не понимали наших, меня понимали, если я просил купить какую-нибудь вещь⁴.

¹ Муравьев-Амурский, Н. Н.—граф, бывший до Корсакова генерал-губернатором Восточной Сибири.

² Нойон — господин, правитель родового общества у монгольских племен.

³ Ганза — трубка.

⁴ Описание своего путешествия через Северную Манчжурию от Старо-Цурухайтуевского караула через Мерген в Благовещенск П. А. сделал в статье «Две поездки в Манчжурию в 1864 году», напечатанной в «Записках Сиб. стдела Русск. географ. о-ва», кн. VIII, Иркутск, 1865 г.,

Ну, прощай, однако. Напишу из станицы. Надо письма писать о караване деловые. Получил твое письмо об Леночке и стихи Коли. Буду писать скоро.

П. Кропоткин

Получил от Анюты письмо и карточку. Успею, напишу сегодня.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Николаевск-на-Амуре, 2 июля 1864 г.

Третьего дня мы пришли сюда. Мы неслись с курьерской быстротою и удалялись от тебя как комета. Вот главная причина медленности писем.

Хотя это письмо я сам повезу с почтой до Хабаровска, но пишу потому, что хочется писать, хочется сказать тебе приятные новости.

1. — Я выхожу от Корсакова с Шульманом¹ (узнаешь его скоро). — «Что ваш брат не едет?» — спрашивает Шульман. — «Да вот, подите же, до сих пор нет перевода». — «Как нет, есть, — да вы, верно не знаете, без вас получено...» Остальное предоставляю тебе самому дополнить, я всем рассказал, что ты едешь. Действительно, год назад я, может быть, не так ждал бы тебя. Теперь мое нетерпение становится все сильнее и сильнее. В Москве и Питере мы спорили о многих научных вопросах. Не менее их меня теперь интересуют и вопросы жизни; по моей теории они так же важны, как и научные, может быть важнее, ну да поговорим. Сколько раз хотел я спросить тебя, поспорить и т. п. Тебя не было, никого не было по душе. Писать, но я без того столько пишу всякой всячины, — я бы стал писать тебе очень подробно, наконец, может быть, и вопросы неясно поставлены еще, а право же свободного времени, не отнятого иногда самыми пустыми препятствиями, так мало. Ведь я почти ничего не читаю. Одним

стр. 1—120, а также в статье «Поездка из Забайкалья на Амур через Манчжурию», напечатанной в журнале «Русский вестник», М., 1865 г., том 57, стр. 663—681.

¹ Шульман, Николай Густавович—читинский губернатор.
(Прим. ред.)

словом, я ждал тебя более, чем когда-либо. Но получил ли ты мое письмо об Леночке до отъезда? Нет? Скверно. Ну, да скоро свидимся.

Далее 2-я новость, — у Корсакова. Прием прекрасный. Потом Корсаков вдруг говорит мне: «Вы знаете, ведь вы у нас историограф?» — «Не знаю». — «Разве вам уже не сказали?» — «Нет». — «Вы историограф Сунгарийской экспедиции¹». Я от души поблагодарил Корсакова за это назначение, мне так хотелось на Сунгари². Я еду. Корсаков не едет — и отлично, торопить не будет. Едут астроном, топограф, переводчик и нойон — один полковник. Я выучусь делать определение широты и долготы. Буду собирать, что смогу, вероятно — немного, так как пойдем на пароходе. С нерешительностью Корсакова мы промедлили, чорт знает, сколько времени; надо было пойти с началом лета, а пойдем в конце его.

Две неприятные новости. Я ничего не получил из своих вещей, нужного платья и необходимейших книг — ни одной, даже «Фауста» и «Эгмонта» нельзя переводить.

Какая досада, что я не застал Корсакова в Благовещенске! Я побывал бы в море, сходил бы на о. Сахалин. Жалко, но, авось, не уйдет. Зато нас весело покачало при входе в Николаевск, пароходишко маленький, так и прыгает, но стоять все же было можно.

Хабаровск, 8 июля, пароход «Чита»

Уже на обратном пути. Шел из Николаевска вместе с Корса[ковым], но на разных пароходах. Теперь сажусь на его пароход. Иду на Усури³, наконец увижу это амурское Эльдorado (с переплетенными лианами и т. п.). Помнишь — рисунок. Затем Корсаков пойдет на другом пароходе по р. Сун-

¹ Сунгарийская экспедиция — экспедиция вверх по р. Сунгари, состоялась в июле 1864 г.

² Сунгари — главная река Манчжурии, длина 1300 км, впадает в Амур с правой стороны, выше Хабаровска. На Сунгари впоследствии возник город Харбин.

³ Усури — река, правый приток Амура в его нижнем течении.
(Прим. ред.)

гари в оз[еро] Ханка, но «Зея», на которой я теперь пойду, останется ждать его — она не выдерживает морской качки озера.

Затем по Сунгари вверх на 1000—1200 верст и назад.

Раньше начала октября не жди. Писем тоже не жди.

На почте должны быть около 200 р. от отца. Тебе, вероятно, будут нужны деньги. Так как Думанского¹ знают на почте, то на его имя пишу доверенность на получение оных. Он передаст тебе. У меня денег достаточно, прогоны получил от Благовещенска до Николаевска и обратно; — значительный куш, да рублей около 100 в кармане. Кроме того, порции на Сунгари и запас сигар надолго. Пока квартиры дешевы — с помощью Думанского — или, если Думанского нет в городе, — Поплавского (попроси его), приищи квартиру нам, комнату тебе, комнату мне, пожалуй еще нейтральную и для человека, главное, чтобы недалеко от Кукеля, Поплавских, это составит экономию на извозчиков, они очень дорого стоят.

Ну, пока, хоть и много есть что писать, но некогда. Прощай.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Станция Михайлово-Семеновская ², 20 июля 1864 г.

Завтра отправляемся на Сунгари ³. Лубочнее экспедиции трудно себе вообразить. Идем на одном пароходе с баржей. Помещения нет, т. е. далеко не достаточно для 28 человек: 6 чиновников, 2 офицеров и 20 солдат. Не только занимать-

¹ Думанский — командующий казачьим полком в Иркутске, куда был зачислен А. А. Кропоткин.

² Станица на р. Амуре, между Благовещенском и Хабаровском, названа по имени Михаила Семеновича Корсакова, генерал-губернатора Восточной Сибири.

³ Экспедиция отправилась на 40-сильном пароходе «Уссури». В экспедиции, кроме П. А. Кропоткина, приняли участие шт.-кап. Усольцев в качестве астронома, два топографа — Васильев и Андреев, и доктор Конради, как ботаник и метеоролог.
(Прим. ред.)

ся будет негде, но и спать-то где, не знаю, разве сидя. Куда, зачем идем? Никто не знает. Должны дойти до Гирина¹ (1100 верст). Как? Неизвестно. Сунгари мелка, в 200 вер. от устья один ходивший туда пароход встретил мели, следовательно надо будет верхом по берегу ехать. На чем? Китайцы не дадут и не продадут коней. Наконец я не знаю, должен ли я итти до Гирина, будет ли пароход ждать возвращения тех, кто поедет до Гирина и т. п. Дров на Сунгари нет или цены непомерные — 19 долл. за сажень просили. Каменного угля берут мало, 5 тысяч. — Впрочем, все это едва ли тебе интересно. Знай, что экспедиция глупа до-нельзя и даст плохие результаты. Географически ничтожные — ученых почти 0, служебных никаких, а в отношениях между народами напакастит.

Я ничего не пишу больше, потому что, право, не могу, бесит меня все это. Вернусь нескоро. Нанимай квартиру, получишь от Думанского 180 р. и присланные книги. Я приеду с деньгами.

Прощай.

П. Кротокин

Ревет сильный ветер — Ильин день.
Напиши в Благовещенск, на всякий случай.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

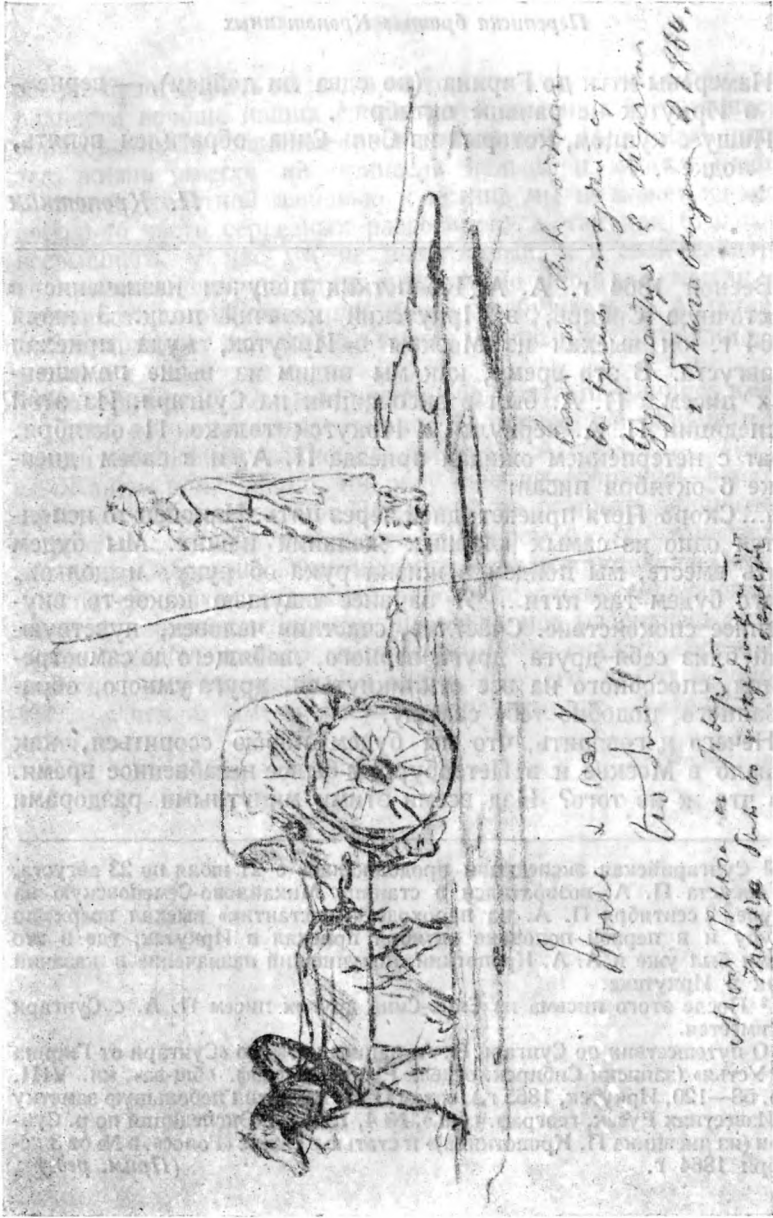
Г. Сянь-Син², пароход «Уссури», 30 июля 1864 г.

Усталый после плавания по Сянь-Сину, пишу только для того, чтобы сказать, что мы плывем очень хорошо, хотя, правда, с трудом пробилась через бары в низовьях. С 6 часов торчу на палубе, пишу заметки, рисую эскизы гор, собираю с одним господином гербарий, делаю методические наблюдения каждые 2 часа.

¹ Г и р и н — один из наиболее важных промышленных и торговых пунктов в Северной Манчжурии.

² С я н ь - С и н — город в Манчжурии, на берегу Сунгари.

(Прим. ред.)

П. А. Кропоткин во время путешествия по Манчжурии
(собственноручный рисунок П. А. Кропоткина, 1864 г)

Намерены итти до Гирина (но едва ли дойдем), — вернемся в Иркутск не раньше октября¹.

Пишу с купцом, который из Сянь-Сина обратился вспять, на лодке².

П. Кропоткин

Весной 1864 г. А. А. Кропоткин получил назначение в Восточную Сибирь, в Иркутский казачий полк. 3 июля 1864 г. он выехал из Москвы в Иркутск, куда приехал 3 августа. В это время, как мы видим из выше помещенных писем, П. А. был в экспедиции на Сунгари. Из этой экспедиции П. А. вернулся в Иркутск только 11 октября. Брат с нетерпением ожидал приезда П. А. и в своем дневнике 6 октября писал:

«... Скоро Петя приедет, дней через пять. Наконец-то исполнится одно из самых главных желаний наших. Мы будем жить вместе, мы пойдем в жизни рука об руку, и долго... долго будем так итти... Я заранее ощущаю какое-то внутреннее спокойствие. Счастлив, счастлив человек, чувствующий близ себя друга, друга верного, любящего до самоотречения, способного на все откликнуться, друга умного, образованного, подобно тебе самому.

Нечего и говорить, что мы будем порою ссориться, как бывало в Москве и в Петербурге в былое незабвенное время. Но что ж из того? Над всеми этими минутными раздорами

¹ Сунгарийская экспедиция продолжалась с 21 июля по 23 августа. 23 августа П. А. возвратился в станицу Михайлово-Семеновскую на Амуре. 2 сентября П. А. на пароходе «Константин» выехал вверх по Амуру и в первой половине октября приехал в Иркутск, где в это время был уже и А. А. Кропоткин, получивший назначение в казачий полк в Иркутске.

² После этого письма из Сянь-Сина других писем П. А. с Сунгари не имеется.

О путешествии по Сунгари П. А. написал статью «Сунгари от Гирина до Устья» (записки Сибирск. отдела Русск. географ. общ-ва), кн. VIII, стр. 58—120, Иркутск, 1865 г.), затем П. А. поместил небольшую заметку в «Известиях Русск. географ. общ.», № 4, 1865 г.: «Экспедиция по р. Сунгари (из дневника П. Кропоткина)» и статью в газете «Голос», в № от 3 декабря 1864 г.

(Прим. ред.)

все же будет царить согласие, которое не и з б е ж н о при однородности вообще наших склонностей, при нашей гуманности, образованности, наконец любви взаимной. Не думаю, чтобы эта жизнь вместе не принесла пользы и мозгам нашим. С нашей стоастной любовью к истине мы не можем не вести довольно часто серьезных разговоров, а так как благодаря всевышнего, у нас ум не вычитанный, а и свой найдется, то придется друг от друга непременно н о в ы е мысли выслушивать, придется друг друга возбуждать... А сколько добра принесет эта жизнь вместе в разные житейские минуты!..»

По приезде П. А. в Иркутск оба брата поселились вместе в одной из иркутских гостиниц. О совместной жизни в это время мы имеем запись в дневнике А. А.:

«Живем пока ладно, ни разу еще не ссорились, что довольно удивительно, ибо Петух мой не очень-то деликатного характера...» В другом месте дневника А. А. записывает: «были в Собрании... Охотники танцевали, танцевали Петя,— по поводу чего я вспомнил отцовские слова: «я любовался, как он порхал по паркету, и сердце мое радовалось, что я имею такого ловкого сына», ну, а я скажу: «брата». С ним все разговаривали, и видно, что его любят и уважают... с чем и имеем честь поздравить вас, Петр Алексеевич...»

Редакция

1865 год

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск¹, 1 февраля 1865 г.

Дела идут по-старому, интересного было только одно обстоятельство, — на прошлой неделе, — это знакомство с американцем², который был здесь проездом в Америку из Китая. Славный господин, я познакомился с ним у Аносова³. Через 5 минут мы шли вместе в Отдел просматривать собранные мною горные породы. К сожалению, оказалось, что едва ли по ним можно составить себе понятие о геологическом строении страны, — вероятно, что все это — жилы, проходящие сквозь самые породы. Не может же быть, чтоб на пространстве 700 верст были все гнейсы, граниты да порфиры. Таким образом, американец не нашел ничего в подтверждение или отрицание своим предположениям об манчжурском каменноугольном бассейне. Только маленькое сомнение в его существовании. А ему это интересно, так как он проехал южную окраину Гоби⁴ на довольно значительном протяжении, а у меня восточная.

На другой день мы были у Аносова. Американец показал мне карту Китая, по которой шел, напечатана эта карта в Пекине, — очень интересные вещи о водных путях показы-

¹ В это время А. А. Кропоткин был в командировке в Балаганске, а П. А. оставался в Иркутске.

² Это был известный американский геолог Р а ф а э л ь П у м п е л л и, исследовавший север Американского материка, Сибирь, Монголию, Китай и Японию.

³ А н о с о в, Павел Павлович — чиновник особых поручений по Отделу казачьих войск при Иркутской губернской канцелярии.

⁴ Г о б и — пустыня в восточной части Монголии.

(Прим. ред.)

вает карта. Только неизвестно — правда ли. Опять поразила нас несметная масса работы, к которой способны эти люди. Это сети карт и геологических профилей, сделанные в 8 месяцев, которые он прожил в Пекине. Наконец сколько ему сделали по его указанию! Один кит[аец] перечитал 8000 томов Госуд[арственной] Геогра[фии], чтоб извлечь оттуда показания об минералах Китая. Потом свел все это в общую карту. Часа полтора ерзали мы по полу на корточках, наконец кончили, уложили все. Пустились в разговоры. Дошло и до Ю. и С.¹ С увлечением стали говорить. 7 лет не был дома, теперь придет и прямо на войну: «C'est la guerre de la civilisation avec les tenebrès»², — говорит он и, конечно, думает, что северяне выиграют. Ну, долго писать подробнее, после рассказа.

Вчера получил письмо от отца, прилагаю.

От тебя нет писем.

П. Кропоткин

Здесь, говорят, уж кончен набор.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Тунка³, 16 мая 1865 г.

Посылаю вам, милостивый государь, корреспонденцию Леонтьеву⁴... Письмо доставит тебе станичный. Ты ему передай, сколько у нас есть арбузных семян, для передачи их та-

¹ До Ю г а и С е в е р а, то-есть до гражданской войны (1864 г.) между южными и северными штатами за «освобождение» негров.

² «Это война цивилизации с тьмой».

³ Т у н к а — селение, расположенное на р. Иркуте. Прочитав в 1864 г. в газете «Северная почта» статью о том, что на р. Оке (приток Ангары) имеется будто бы водопад, превосходящий по своим размерам Ниагарский в Америке, П. А. решил проверить это сообщение и кроме того попутно хотел выяснить вопрос о ледниковом периоде в Иркутской губернии, — вопрос, который все более и более начинал интересовать его.

П. А. пробыл в экспедиции 1½ месяца и сделал более 1300 км, главным образом верхом на лошади. Из Иркутска П. А. направился по берегу р. Иркута на запад, а затем от Ниловой пустыни проехал на се-

даме сотенной. Я живу у Пермякова, однако и вы у него останавливались, старик жил долго в Окинске. Водопады есть. Река Джунбулак, образующая водопад, приблизительно равна Оке, а Ока без бродов около Окинского караула. Быть может, выберусь на Зиму¹, на Моск[овский] тракт. Это возможно, есть тропы зверопромышленников, и, кажется, можно плыть на лодке, сколоченной из 2-х ботов; впрочем, не совсем безопасно; потому вероятнее, что поеду покуда на конях. Для чего и запасаю здесь сухарей на месяц. Вчера ездил на Талую, там провал—дыра, считавшаяся кратером. Оказалось, вздор. Дыра в лаве узкая. Далее известь. Образование, вероятно, водное. Физик разберет, а то здесь кислоты нет, неизвестно — известняк ли. Я спускался сквозь дыру, по леднику, на лед... Дыра так узка, что боком не мог пролезть, а только плечи пролезли. Ледник скользкий, а потому спустили меня на веревке и назад тянули, как куль. Мы долго там в пещере провозились, покуда можно было дышать, а то от бересты так надымили, что дышать было трудно.

Завтра рано еду к Саянским² горам осмотреть их покати. Верст 20 поеду по реке Жемчугу и назад. Послезавтра хотел ехать, но едва ли выеду, не успею. Статью о Сунгари для «Всемирной иллюстрации» придется бросить, не успеть. Я уж хотел только черновую написать, и то едва ли. Некогда будет. Расспросы подвигаются очень туго, особенно подгадил казак, — сейчас, черт знает, что воображают. Я только помылся с дороги, — является сотенный в полной форме. Так сконфузили — беда. Поташил к себе, к жене, ну, я в поддевке, в рубахе отправился попросту, а жена сотенного наряди-

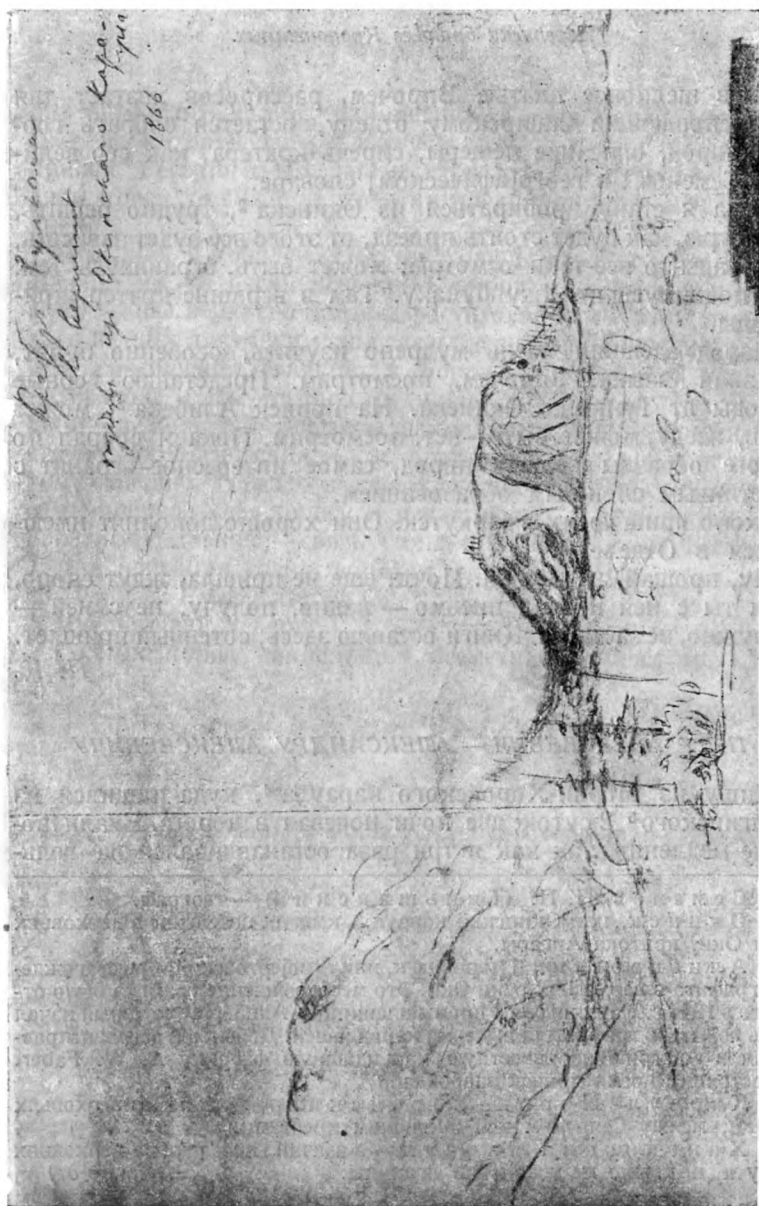
вер, почти вдоль китайской границы, затем на восток до Окинского караула, оттуда далее на восток до Московского тракта и по нему назад в Иркутск, описав замкнутую круговую линию.

Результаты своего путешествия П. А. описал в статье «Поездка в Окинский караул», напечатанной в «Записках Сибирск. отд. Рус. географ. О-ва», кн. IX и X (94 стр.), Иркутск, 1867 г.

¹ «О Байкале». Напечатано в «Современной летописи», № 23 за 1865 г.

² З и м а, или Зиминское, — селение б. Иркутской губ., на большом Московском тракте.

² Саянский хребет составляет восточное продолжение Алтая и идет с запада на восток вдоль границы СССР и Китая.

Кратер вулкана
П. А. Кропоткин
уезд. у. Оклянского Капо-
1866.

Кратер потухшего вулкана, открытый П. А. Кропоткиным
(собственноручный рисунок П. А. Кропоткина, 1866 г.)

лась в шелковое платье. Впрочем, расспросов хватает для корреспонденции Сибирскому отделу, остается собрать горных пород, описание пещеры, сиречь кратера, как его величает Семенов¹ в геогр[афическом] словаре.

Куда я стану пробираться из Окинска², трудно решить, посмотрю, как будет стоять проезд, от этого все будет зависеть. Водопады-то все-таки осмотрю; может быть, ограничусь тем, что поднимусь по Джунбулаку. Там в вершине кратер, кристаллы.

Народ здешний очень мудрено изучить, особенно бурят, не зная языка. Впрочем, посмотрим. Представлю горные породы от Тунки до Окинска. На прииск Алибера³, может быть, заеду, может быть—нет, посмотрим. Пока я собрал по дороге образцы горных пород, самое интересное—гранит с отчетливым слоистым образованием.

Скоро пришло их в Иркутск. Они хорошо дополняют имеющиеся в Отделе.

Ну, прощай, не скучай. Почта еще не пришла, ждут скоро, если ты с ней послал письмо — ладно, получу, не с ней — не нужно, не застанет. Книги оставлю здесь, сотенный пришлет.

П. К.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Пишу из Норин-Хоройского караула⁴, куда тащился из Хангинского⁵ 2 суток; две ночи ночевал в дороге. Ехали вообще медленно, так как я три раза останавливался на голь-

¹ Семенов П. П. (Гяньшанский) — географ.

² Окинск, или Окинский караул, — казачье поселение в верховьях реки Оки, притока Ангары.

³ Алиберовский прииск, или Алибертовский, — месторождение графита в верховьях реки Оки. Это месторождение графита было открыто в 1847 г. финляндским промышленником Алибером, который начал здесь добывать графит для выделки карандашей. Добытый графит отправлялся в Австрию на известную карандашную фабрику А. W. Faber. В настоящее время прииск заброшен.

⁴ Караул Норин-Хоройский — селение в верховьях р. Оки, между Саянским и Тункинским хребтами.

⁵ Хангинский караул — казачий поселок в верховьях Иркуты, недалеко от китайской границы. (Прим. ред.)

цах определять высоту барометром. Теперь передо мною уже Ока, по которой завтра двинусь далее и пойду на Алиберов прииск. Сегодня с 2-х часов стою здесь — буряты не наладили коней до сих пор, хотя их предупреждали за несколько дней.

Поездкой я доволен. Вот так гольцы довелось посмотреть! Лазили мы на очень неважные, впрочем на несколько сотен футов выше верхнего предела растительности (куполовидные, зато на них для меня ясны следы ледников. Большие плоскости, совершенно гладкие, и борозды, некоторые указания на бывшие здесь когда-то ледники. Материалов для обоснования ледниковой гипотезы накапливается много — преимущественно геологических,—так доказательства, вопреки принятому мнению, гораздо высшего стояния вод Иркутта, который сам пробивал себе дорогу в известняках, вопреки принятому обратному мнению,—связь Саяна с Тунк[инскими] Белками¹.

Для описания годно, впрочем, скорее в «Моск. вед.», чем в «З. С. О.». Куча материалов.

Ну, прощай теперь.

Горных пород накапливается несметное количество.

П. Кропоткин

25 мая 1865 г., 4 ч. веч.

Еду хорошо, только устаю сильно. Сегодня еле выспался.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Вчера вечером приехал в Окинский караул. Заезжал на Алиберов прииск, осмотрел его, пробыл день из-за снега (8000 фут. над уровнем моря) и пошел новою дорогою, снял

¹ Тункинские Белки — высокий горный хребет, входящий в состав Саянской горной системы, на границе Китая и СССР некоторые вершины достигают высоты более 2000 м и покрыты большую часть года снегом, отчего и получили свое название «белков».

(Прим. ред.)

ее на 60 верст, а затем из-за грязей выбрался на старую и пришел сюда. Еще никого не видел. Жди меня не раньше как через дней 20.

П. К.

31 мая, Окинский караул.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Окинский караул, 8 июня 1865 г.

Пишу тебе накануне выезда из Окинского караула вниз по Оке. Предосадная вышла штука третьего дня. Собрались буряты, я все настаивал плыть по Оке, откуда только можно будет. Оказалось, что надо верст 100—120 отъезжать на конях, тут плавание признано всеми абсолютно невозможным. Далее на 180 верст — возможным, но с большим трудом, местами надо было наш «қорабль» спускать на веревках, а самим итти берегом. Я решил-таки ехать и вызывал охотников. К кому ни обратишься — только одно и слышишь: «бырхи», — страшно, да и только. Я поручил старшинам вызвать охотников по улусам. Насилу наконец старшины приехали. Все та же песня, то же уговаривание. Наконец вытащили двух охотников. Пошла речь о цене — 50 р. с тем, чтобы срубить 3 бота, связать их и плыть в 120 верстах отсюда. Туда на конях. Да еще 6 р., чтобы доехать 120 верст и рубить боты. Наконец съехали на 34 р. и 6 р.

Я пересчитал свои деньги. Нужно на все минимум 75 р., и то на еду и непредвиденные расходы всего 10 р. клали, — не хватает. У меня всего 65 р. Что тут делать? Все проклятая трусливость, никто никогда не плавал, так как же плыть? Пришлось рядиться на конях ехать. Порядились за 20 р. да 2 р. ямщикам. Так и порешили, и завтра выезжаю.

Я надеюсь быть раньше этого письма: 10 дней по Оке, 2—3 дня на Зиминской ст. для барометрического определения, 1 день до Иркутска, итого 15 дней, следовательно 23—24-го буду в Иркутске, но пишу на всякий случай, может быть, ненастье задержит или что-нибудь.

Еще со мной случилось горе. Я поехал вверх по Джунбулаку, за 50 верст, так как говорили, что там есть кратер вулкана, существование вулкана подтверждалось потоками лавы

в долине Джунбулака до самой Оки. Так как карты этих мест нет, я делал съемку. Только стрелка буссоли не действует, должно быть лава и железные части мешали. Я снял крышку посмотреть, не затупился ли штифтик, на котором сидит стрелка. В это время порывом ветра срывает бумагу, я хватаюсь, ножка штатива соскакивает, буссоль летит, и штифтик сломался. Съемка невозможна, исправить нельзя, нечем вывинтить сломанного штифтика. Приехал домой, горюю. Пробую вывинтить руками, нельзя, клещей нет, вспомнил в эту минуту об отвертке для пистонов, приложил, как раз прилась, и штифтик вывинтил. Тогда я в деревяжку всадил иголку, поломал их достаточное количество, наконец сделал, и погрешность буссоли меньше 1° . Кратер действительно нашел, даже 2 и повернее Мергенского; везу шлаки и пр. Определил высоту, срисовал и вернулся.

Купил палатку у одного бурята большую, но за непомерную цену—11 руб.; 2—3 человека могут спать. Ну, прощай пока, скоро увидимся.

П. Кропоткин

1866 год

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

28/1—66, Иркутск

Мои дела идут попрежнему: время делю между Окинской статьей¹ и изучением Сэгена². Кроме того — математика. Поляков³ постом будет держать экзамен в университет. Следовательно, занятия высшей математикой как ненужной — похерили, но он просил меня заняться с ним математической географией, чтобы ускорить дело, не сидеть по несколько часов над тем, где нужен час. Я начал. Потом говорит: « Попрошу вас заниматься со мной и плани- и стереометрией». Буду. Думаю о том, как устроить, чтобы он поступил в университет. Подпиской соберу до 300 р., продам harmoniflut за 60 или 50 р. Беда, пожалуй, не захочет взять. Тогда пусть Кукель выдаст ему как бы из казенных, будто ему разрешили.

¹ Статья об Окинской экспедиции напечатана в «Записках Сиб. отд. Русск. геогр. о-ва», кн. IX и X, Иркутск, 1867 г., и отдельной брошюрой под заглавием — «Поездка в Окинский караул». Иркутск, 1867 г., 94 стр.

² С э г е н — французский инженер, изобретатель трубчатых котлов и физик. Он написал книгу «Theories des forces physiques». Об этой книге и говорит П. А.

³ П о л я к о в, Иван Семенович (1847 — 1887) — сын бедного забайкальского казака, познакомился с П. А. Кропоткиным в 1863 г. П. А. сразу оценил недюжинный ум 16-летнего юноши и стал с ним заниматься. Он подготовил его в университет. Впоследствии Поляков был магистром зоологии и хранителем Зоологического музея Академии к в Петербурге. (Прим. ред.)

Вчера Кукель звал к себе, он предлагает тебе место столоначальника в Казач. Отд. Я говорил, что ты очень доволен пока своими сотнями и т. д.

Думай и решай.

Мне дают дело наблюд[ение за бригад]ным управлением, как оно соберется, следовательно о количестве казаков по категориям: сколько из пограничных, станичных, городских казаков. Сколько обращено в казаки в 1851 году из горнозаводских крестьян, сколько потом поступило из разных ведомств. Сколько сынков. Сколько холостых и женатых, сколько занимаются хозяйством, сколько подают надежду на будущее, сколько безнадежных. Этих обратят на службу попрежнему.

Кукель хочет, чтоб по твоим сотням составить образцовую ведомость и послать в Енисейский полк. Я скажу Оглоблину, чтобы он предварительные сведения подготовил.

П. Кропоткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ—ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Верхоленск, 1 февраля [1866 г.]

Я прочитал здесь два сочинения в одном и том же роде. Reybaud, «Réformateurs modernes», et Sudre, «Histoire du communisme»¹. У Сюдра есть поверхностное изложение воззрений Прудона. Пора убедиться, что самые высокие теории — идеалы не имеют почти ровно никакого значения, они даже мало возбуждают, а главный же возбудитель — к р и т и к а, она не дает заснуть, напоминает о зле и вызывает местные слабые попытки и шажки прогресса, единственно возможные.

Общие реформы оказались исторически невозможными, то же гласит и простое рассуждение. История кипит попытками общего преодоления быта, они все не удались, и не потому, что были и вправду скорее регрессом, чем прогрессом, но просто потому, что исторической почвы для этого пересоздания не было. Общество не могло бы улечься даже в формы самой безукоризненной теории, — таков факт. Так говорит рассуждение, поясняющее историю.

¹ Рейбо, «Современные реформаторы», и Сюдр, «История коммунизма».
(Прим. ред.)

В пример возможной критики быта приведу, например, следующее: поставим в принцип — принцип т р у д а. Исходя от него, я говорю:

1. Наследство несправедливо, подарки тоже. Конечно, практика укажет пределы. Отчего не взять от тебя листа бумаги в подарок? Но не возьму я имущества, обеспечивающего меня.

2. Проценты с капитала. Не говорю уже о незаработанных капиталах, но допустим, что я трудом, потом сколотил 500 р. Имею ли я право, помня принцип труда, на %? Конечно, нет, ибо эти 50 р. % в год идут мне даром. Остается либо вовсе не брать %, либо отдавать их в общество, единственную единицу, которую можно допустить к даровому пользованию, потому, что, во 1-х, некуда бросить %, во-2-х, ибо тут распределяется возможно ровно между всеми членами общины, поставившей в основу принцип труда.

3. Купцы. На что имеет право купец? На затраченное время для покупки товара, на время, затраченное для удобства публики. Наконец на плату за труд по торговле, на то, что взял бы, например, управляющий домом и т. д. и т. д.

Таким образом, я считаю критику теоретических рассуждений и частные мелкие усовершенствования единственно разумным и полезным делом.

Конечно, я бы бросился и в социальную революцию, пошел бы на баррикады за «коммунизм»... Но то-то, что не за коммунизм, а за его бедных бойцов. Я бы бросился отклонять удары от них, мечтателей, я стал бы убивать их убийц. Но это я сделал бы лишь потому, что эти мечтатели честные, симпатичные мне люди. Но на успех революции я бы не надеялся, мало того — был бы заранее уверен, что нас поразят. Я бы пошел только, как пошел бы заступиться за человека, на которого напала толпа.

Конечно, надо еще принять к сведению, что, м. б., какая-нибудь социальная революция привела бы к некоторым мелким усовершенствованиям. Эта надежда — еще лишний побудитель идти на баррикады.

Партию ¹ поведу сам, 9-го к вечеру буду.

А. Кропоткин

¹ Партия новобранцев, набором которых был занят А. А. в Верхотуренске. (Прим. ред.)

Если увидишь Чайковских ¹, то скажи, что они очень дурно сделали, что не послали мне писем. А я ждал.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Качуга ², 13 мая 1886 г.

Писать много не стану, — сутра занят, — вчера целый день сидел дома, — писал письмо в Отдел и исправлял перевод Page ³, «Philosophy of Geology»; посылаю, что сделал.

Мы уплываем завтра на легоньком павозке. В Верхоленске не будем. Посылаю письмо отцу, отправь его. А знаешь, откуда он может узнать об твоей свадьбе ⁴? Жена Русанова — калужанка, может написать.

Передай письмо Кашину ⁵ и постарайся найти лист серой бумаги, на котором у меня написаны высоты, вычис[ления]

¹ Ч а й к о в с к и е — семья ссыльного польского повстанца, жившая в Иркутске. На одной из дочерей Чайковского, Вере Севастьяновне, в 1866 г. женился А. А. Кропоткин.

² Село на Лене. Весной 1866 г. Сибирское отделение Русского географ. общества поручило П. А. Кропоткину организовать большую экспедицию на Ленские золотые прииски и оттуда отыскать дорогу по долинам рек Олекмы и Витима и их притоков в Читу. П. А. блестяще выполнил возложенное на него поручение и исследовал тайгу и горы на пространстве 1000 км, отделяющих Ленские золотые прииски от Читы. За эту экспедицию Русск. геогр. о-во наградило П. А. большой золотой медалью. «Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции», написанный П. А. Кропоткиным и И. С. Поляковым (спутником П. А.), составляет большой том в 680 стр., с прилож. 4 карт и 13 рис. (Спб., 1873 г., изд. Геогр. о-ва). Краткий отчет об этой экспедиции был напечатан и в немецком географическом журнале Петермана — «Reise im Olekminsk-Vitim'schen Gebiet Sommer 1866 von Fürsten P. Kropotkin».

Описанию этой экспедиции посвящены также и след. статьи П. А.: 1) «Письмо с пути в Витимскую экспедицию» в газете «Сибирский вестник», Иркутск, 1866 г., № 22, 2) «Задонский прииск на р. Квейгри», «Сибирский вестник», 1867 г., № 4, и 3) «Путешествие по Лене» в журнале «Записки для чтения», № 1. Спб. 1867 г.

³ Пэдж, «Философия геологии». Книга вышла в переводе П. А. Спб. 1867 г. IV+149 стр.

⁴ А. А. женился на Вере Севастьяновне Чайковской, дочери польского повстанца, сосланного в Сибирь.

⁵ К а ш и н, Николай Иванович — инспектор врачебной управы в Иркутске и секретарь Сибирского отдела Русского географ. о-ва.

(Прим. ред.)

в поездку в Окин[ский] караул. Они написаны чернилами на целом листе и 4 столбца с наблюд[ениями].

Если найдешь, передай Кашину. Не смешай — есть то же, написанное карандашом, тот [лист] не годится. Если не найдешь, я ему пишу, как поступить.

Голова совсем другим занята, а то написал бы кое-что о нравственности, благо думал дорогой, да нового ничего не выдумал, так потеря невелика.

Нельзя ли будет перевести что-нибудь из «Annales Scientifiques»¹? Верочка, может быть, перевела бы что-нибудь. Мне кажется, напечатать в «Загранич[ном] вест[нике]» или даже в «Натуралисте»².

Guillaumin³ об строении солнца — если статьи хорошие, то годились бы для «Загр[аничного] вест[ника]». Для «Натуралиста» что-нибудь другое можно выбрать. Когда ты прочтешь с Верочкой «Annales», передай Шукиной. Они кстати пришли, вечернее чтение, для обоих годное. Ну, прощайте, обнимаю всех трех, теперь долго не ждите.

[Без подписи]

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Киренск, 27. V. 66 г.

Решительно нет времени писать, а потому — только о деле. Был в Усть Куте, догонял павозок, который шел без меня вперед. Еле догнал к ночи, теперь все сидел, писал Богдыхану⁴, а часа через 2 буду в Киренске, надо хоть часок поспать.

¹ «Научные записки».

² «Заграничный вестник» — ежемесячный журнал иностранной литературы, науки и жизни. Выходил в Петербурге в 1864—1867 г. «Натуралист» — вестник естественных наук и сельского хозяйства. Выходил в 1864—1866 гг. в Петербурге как приложение к журналу «Учитель».

³ Гильомен — французский ученый, речь идет, очевидно, о его книге «Небо» («Le Ciel»).

⁴ Так называли в шутку генерал-губернатора Восточной Сибири М. С. Корсакова. (Прим. ред.)

Здесь страшная дороговизна, решительно жить нечем, да и платье плоховато. Одним словом, в деньгах крайняя нужда. Нужно, чтобы либо выслали, либо Кирен[скому] сотенному нагоняй, — я уж хотел офицеру писать, да неудобно.

От Качуги до Жигаловой плыли мы хорошо. Вода мелкая, останавливались часто, обследовали Лену, на павозке ничего, удобно. От Жигаловой я должен был поплыть вперед, чтоб успеть пробыть два дня в Усть Куте. Пошел на лодке, тоже недурно было, да приехал в Усть Кут и расхворался поносом, потом как сумасшедший, кончивши дело в Усть Куте, должен был догонять наш павозок, — еле догнал под Киренс[ком] сегодня поздно вечером.

Но геология и этнография решительно все время отнимают, переводится очень медленно, исправил очень мало.

Впрочем, главы 2 есть готовых, но сегодня упаковать не успею, уже рассвело совсем. На-днях, впрочем, напишу и сдам где-нибудь ниже Киренска.

Прощай, Верочку обними.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Крестовская резиденция ¹, 4 июня 66 г.

Ну-с, господа, добрались мы до Крестовской, кончили, следовательно, плавание. Мы здесь уже 4 дня, а я почти не выхожу из дома, раз только ходил до ближайших обнажений, — все сидел и писал. Настрочил листах на 3-х письмо в Отделе[ние], исправил остатки П э д ж а и написал на 6-ти листах письмо для «Биржевых ведомостей»...

Но на умственном труде далеко не уедешь, а на физический, кажется, и подавно плоха надежда... Выход, по-моему, для всех нас один — умственный труд. А чтобы быть сильным конкурентом, надо учиться, учиться и учиться, легче будет бороться.

¹ Селение в районе Ленских золотых приисков, где было управление и контора приисков. (Прим. ред.)

Читал я [статью] о книге Кинэ об революции¹. Вопрос очень важный, насколько революция может считать себя вправе прибегать к безнравственным мерам. Что последнее нравственность должна осудить, хотя бы оно делалось во имя самых нравственных начал, по-моему, бесспорно, я бы допустил одно ограничение (по прежней своей теории), если совершение этого безнравственного поступка приносит постоянное неудовольствие тому, кто его делает. Но на деле никогда так не бывает, нравственное чувство живо должно заглушиться и смениться сознанием необходимости, ненавистью.

Так, но насколько полезно для самого дела принимать безнравственные меры? Неужели-таки решительно бесполезно, даже вредно? Опыт, кажется, говорит, что — да, безнравственные поступки деморализуют само общество, потому что, начиная льстить, например, ради пользы дела, лestia в продолжение нескольких лет, быть может, поколений, дойдешь непременно до того, что перестанешь считать, и сам и дети твои, лeсть безнравственной, а какое дело может тогда пойти? Наконец (возьми крайнее выражение принципа нравственности, применение безнравственных мер ради нравственного дела), — что тогда? Польский катехизис²? А какое омерзение он внушал нам. И наконец я положительно считаю даже вредным для дела прибегать к безнравственным мерам.

Но, с другой стороны, если принять только нравственные меры, как единственно позволительные во время революции, возможна ли будет какая-либо вообще революция когда-либо. Ведь там сила. Как же ты силу поборешь иначе, как не безнравственной мерой, т. е. силой же, а тут и пошли военные хитрости, штурм ночью и т. д.

Ясно, что приходится брать средний путь, назвать не совсем безнравственной меру — в сущности безнравственную, но где же тогда критериум? Один критерий остается — полезность и вредность для большинства в настоящем и будущем, — везде этот критериум для определения нравственного

¹ Здесь П. А. имеет в виду книгу французского историка Эдгара Кинэ (Quinet) «La Revolution» («Революция»), вышедшую в 1866 г.

² Здесь, вероятно, П. А. имеет в виду правило иезуитов: «цель оправдывает средства». (Прим. ред.)

поступка. Да и какой другой может быть? Воспитание, инстинктивное отращивание, но ведь как мы себя переделываем? Во всем мы стараемся избавиться от инстинктивных побуждений и либо заменяем их побуждениями, имеющими разумное основание, либо отрешаемся от них. Для меня лично это самый сильный довод.

Над первой половиной о положениях Кинэ, особенно о практической стороне дела, стоит подумать, да не по силам оно теперь моему мозгу, — заглянул в окно (заря так и светит, как в Петербурге), вспоминаю, что я в научной экспедиции, надо записывать наблюдения.

Поляков просит выписать ему книгу Н. Кауфман — «Московская флора или описание высших растений и ботанико-географический обзор Моск[овской] губ.», М. 1866, ц. 3 р., вес 3 фунта.

Деньги получишь от Рейнгардта, он ему пишет.

Когда будешь высылать мне платье, вышли: сюртук на черной подкладке, только воротник перемени, старые эполеты, штаны, сапоги, 2 рубашки с рук[авами], кепи, Полякову — сюртук и штаны, которые получишь от Рейнгардта.

Ну, прощайте, пока, напишу с приисков.

П. Кропоткин

Завтра, 5-го, едем туда.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Тихозадонский прииск ¹, 17 июня 1866 г.

Пишу теперь вам, господа, с приисков, из самого центра маслопузского владычества. Вот где вдоволь можно каждый день насмотреться на порабощение рабочего капиталом, на проявление великого закона уменьшения вознаграждения с увеличением работы.

Управляющий работает часа 3 в день, ест прекрасную пищу от хозяев, рабочий в разрезе стоит в дождь, холод и жар, с 4-х часов утра до 11 и с часа до восьми, итого следователь-

¹ Золотой прииск на р. Квейгри, притоке реки Бодайбо, в районе Леңских золотых приисков. *(Прим. ред.)*

но 14 часов в день на самой тяжелой мускульной работе кайлой, лопатой и ломом, получая гроши. Воскресений нет, одежда и пр. вычитается из жалования, а стоимость огромная. Первый получает в год тысячи, второй сотню с небольшим. Другие стоят наготове, чтобы выманить деньги, по выходе рабочего с прииска, спаивают его, выставляют женщин, которые у пьяного ночью все вытащат, и т. д. и т. д. И ругают еще этого рабочего. Нашего брата запри на 3—4 месяца в такую работу, лиши всего, давай только необходимое время, чтобы выспаться, не давай ни одного дня отдыха, лиши возможности напиться, забиться, что бы мы надурили? А тут всю вину валят на испорченность рабочих. И, получая десятками пудов золото и большие барыши, эти господа не дают даже рабочим чарки водки каждый день.

А нужно видеть работы. Поляков видел рабочего в шурфе ¹, на $\frac{1}{4}$ в воде неподвижно стоящего, в то время как другие отливали воду; не сразу понял, что это человек, — и это хоть летом, но на высоте 3000 фут., под шир. 59°, в Азии; следовательно можешь себе представить, как холодно бывает к вечеру. Сегодня множество сиплых рабочих после 3—4-дневных дождей.

А физиономии рабочих стоит посмотреть, в особенности к вечеру, когда народ поистомился, — тупоумие, пристальный взгляд. И если не выработает урок — сейчас вычет: 3 человека должны вырубить кайлой и ломом и накласть 62 тележки, а 4-й увезти их. Якуты, как более слабое племя, не в состоянии этого сделать.

Здесь еще хозяева «хорошие», кормят хорошо, т. е. мясо не часто бывает тухлое, а в других местах просто ужас. Но и здесь то же. Если нам, на дорогу из Крестовской в резиденцию да с прииска, давали несколько вяленую солонину, то что получали рабочие? Земский исправник получает 2 тысячи рублей от компании, горный — не знаю. Везде получают, какие же тут жалобы рабочих помогут! Все на стороне хозяев.

Сколько ни думай, где найти исход, все-таки придешь к убеждению, что ничто не поможет, кроме усовершенствования

¹ Ш у р ф — неглубокая колодцеобразная выработка на приисках.
(Прим. ред.)

самой технической части. Либо хозяину, владельцу прииска, надо довольствоваться только платой за свой личный труд, либо усовершенствовать обработку, облегчить добывание пласта. Впрочем, и это принесет самое незначительное облегчение; пусть добывает машина, но машиною будут владеть лишь большие хозяева, малые же капиталисты будут все же руками обрабатывать, пока машинное производство не убьет ручного. А когда это будет? Тогда ни одного прииска, пожалуй, не будет невыработанного. Пропаганда бесполезна для этих толстокожих — не пройдет. Беспроцентность капитала, одно из самых главных лекарств должно быть¹, оно и средство к распространению в обществе сознания в ее необходимости, вместе со всею массою тех мер, которые рекомендует Шапов² в статье «Реализм в применении к народной экономии»; эта статья, надеюсь, вызвала твои самые горячие одобрения. Да только она же напомнила и про необходимость технического образования. Если бы мечта Шапова начала осуществляться хотя с одной стороны, чтоб были люди, на которых можно было бы положиться, а дело пойдет сколько-нибудь успешно, то за капиталом авось бы дело не стало — вот хоть бы половина батькиной земли слабое основание могла бы положить, другая — на распространение тех знаний, которые могут привести молодежь к сознанию в необходимости подобного же образа действий, как предполагаемые нами. И неужели уже нет и не будут плодиться в России подобные отказы от чужой собственности? Если нам, не передовым людям, могла притти в Сибири эта мысль, могло развиться омерзение от пользования незаработанным, то неужели в кругу российских баричей еще не найдется десятков, сотен подобных же не передовых людей и неужели передовые не сделают того же? Быть не может, вернее — мы не знаем, а оно есть уже и теперь, следовательно и мате-

¹ В этих словах мы видим отголосок идей Прудона, который, как известно, утверждал, что процент на капитал (деньги) есть основа несправедливости буржуазного строя. Прудон предлагал уничтожить процент на деньги с помощью организации народного банка обмена.

² Шапов, Афанасий Прокофьевич (1830—1876)—историк, первый из русских историков стремившийся выявить роль народных масс в общественной жизни.
(Прим. ред.)

риал готовый для шаповских организаций должен увеличиваться...

Ездил на соседние прииски, завтра поеду на прииск за 40 верст.

Занятия исключительно геологией; вернувшись, возьмусь за этнографию. Мы проживем здесь еще до 1 июля, а потом — в путь; перед отъездом напишу, куда поедем, по какому пути, а сегодня с уходящей почтой пишу наскоро. Вот какая досада, что я не сказал вам писать на Крестовку, на-днях придет почта от 5 июня из Иркутска.

Прощай.

П. Крпоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

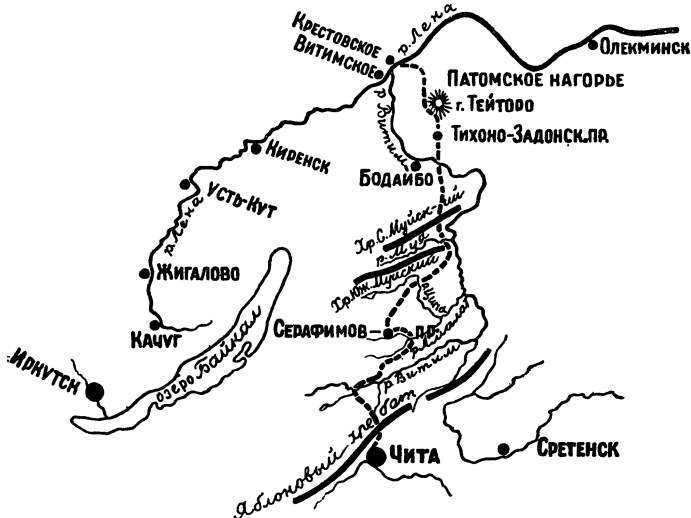
Тихонозандонский прииск, 27 июня 1866 г.

Пишу вам мое последнее письмо из жилых мест, через 2 дня отправляемся в экспедицию, наняли вожakov до реки Муи¹, а там посмотрим, может быть пройдем в Читу, может быть доведется тащиться в Баргузин². Последнее время я провел большей частью дома, писал для Сибирского отдела, между прочим опять о следах ледникового периода, которых я все ищу здесь. Неужели климатические условия Европы и Америки не распространялись на Азию, которая в тот период не могла быть под водою, судя по некоторым данным. Через час пришлось итти с молотком разбивать каменья. Еще когда ум работает, возникают вопросы, ладно — а простое описание (при всем сознании пользы такого описания) заставляет порядком зевать. Пора все это бросить и в Питер. Быть может, общественные вопросы займут меня настолько, что оторвут от физики, — пусть, к ним все же больше моя душа лежит, чем к геологии или этнографии, которыми занимаешься в экспедициях. Впрочем, экспедиция тем отчасти хороша, что не дает времени задумываться о

¹ М у я — приток реки Витима, берет начало в области Муйского хребта, открытого П. А. Крпоткиным.

² Б а р г у з и н — город на р. Баргузин, притоке озера Байкала (Прим. ред.)

своем положении. Вот тебе ряд явлений, описывай их, задумывайся над причинами, а в это время выступают новые и новые вопросы — только тайга, однообразие леса дают время на всяческие размышления, но и тут привычка в дороге постоянно замечать все попадающее на глаза, рассматривать — и тут мешает; кажется, чего однообразнее леса, идущего на десятки верст, но и тут работают глаза, уши, и тут восприни-

Маршрут экспедиции П. А. Кропоткина с Ленских золотых приисков в Читу

маешь впечатления окружающей природы, и мозг, хотя работающий в одном направлении, постоянно получает толчки, сбивающие его с рельсов. Только что остановились — снова куча работы: повесь барометр, термометр, а тут еще и есть хочется, потом надо разбирать собранные породы, вписать их в каталог, наклеить ярлычки и пр. механическая работа, а затем дневник надо писать, а тут ко сну клонит, не выспавшись в течение 5 час. И так весь день — на механическую работу сколько времени уйдет, — необходимо держать все в порядке, а то через 10 дней такая каша будет, что ничего не разберешь... Поэтому я усердный проповедник порядка в

дороге, а то Поляков, — и сравнить со мной по беспорядочности нельзя, — у него вечно «Мамай воевал».

И так иногда несколько дней подряд, не успеваешь опомниться. Не знаю, полезна ли такая жизнь, но я по несколько раз в день иногда повторяю себе: «в Питер непременно, будь, что будет». Весело ли хоть теперь быть нахлебником у этих маслопузов, жить на их краденном хлебе¹? Конечно, ездя хоть от Сибирского отдела — ведь такие же были бы деньги, все же как-то легче было бы, но утешаешь себя тем, что без помощи капитала наука не могла бы двигаться вперед, — какая наука могла бы существовать на деньги исключительно трудовых теперь, при теперешнем распределении богатств? А без этой науки и пролетарию никогда не выбиться, но лучше сознавать себя таким же пролетарием, хотя и с умственным капиталом, которого он не имеет, лучше искать такой работы, от которой польза была бы прямее, — искать, потому что кто может поручиться, что его работа именно будет такою. А тут хоть утешаешься тем, что сбыт откроется скоту, но если доискаться au fond, как ты говоришь, чей же скот-то будет? Капиталиста же!.. Да еще и сбывать-то почти нечего. Нешто скот в Чите так баснословно дешев? Мясо те же 4 коп. фунт, что и в Москве было на моей памяти. Теперь такая работа нужна, которая подрывала бы значение капитала, а не то что приносила бы ему пользу, хотя бы то и была грошовая польза. На подрыв капитала надо употребить силы, а не на поддержку, хотя бы самую косвенную. А где может быть подрыв — в пропаганде создания общественных капиталов или в основании капиталов, предназначенных для этой пропаганды, наконец в подрыве прямым путем при помощи ассоциаций. Только ту деятельность, которая направлена либо на прямой подрыв капитала, либо на расширение способов к его подрыву и увеличению жаждущих этого подрыва, — только эта деятельность и должна бы, по-моему, быть полезною, следовательно и нравственною в настоящее время, когда этот вопрос на очереди. Кинэ в книге о революции ту же мысль отчасти высказывает, когда говорит о необхо-

¹ Олекминско-Витимская экспедиция была снаряжена на средства ленских золотопромышленников. (Прим. ред.)

димости подрыва религии и экономического переворота. Если люди будут готовы совершить этот подрыв, тогда только революция принесет большую пользу (я не говорю об маленьких переворотах, с целью вызвать частные уступки, ведущие к этому подрыву). Такие перевороты должны быть полезны, я думаю.

Впрочем,— «думаю»,—такое у меня полное незнание истории позднейшего времени, такая пустота относительно общественных вопросов, что нужно будет много и много позаняться этим в Питере. Толкуют, что нация виновата в учреждениях, которые лишают народ свободы,— справедливо,— а потому, мол, перевороты ни к чорту не ведут. Конечно, если передовые люди нации, те, которые после удачного временного переворота захватывают власть, и те не вырабатывают прогрессивных воззрений, а только лоскутками хотят их осуществить. Если бы временное правительство во Франции, захватившее в руки власть в 48 году, было в большинстве настолько развито, чтобы одобрить банк Прудона или передачу банка в государственную собственность, их скоро бы прогнали, может быть, но факт бы существовал, верни-ка назад. Ничего, что в нации не нашли бы поддержки — поддержка была бы в рабочем, пускай бы попробовали тягаться. И, само собою, не одна эта мера, а целая совокупность. А то станут толковать об непрочности переворотов, затеянных передовыми людьми, но не поддержанными нацией. И люди-то были не передовые, — в этом вся суть, и нация поэтому только не поддерживала их. Неужели ждать равномерного распространения образования в народе, коли все учреждения мешают этому уравниванию, да и когда он и подвинется на 10 шагов, передовые (это не высшие классы, помнишь наш спор) будут стремиться к еще более совершенным формам, которые также не в силах будут осуществить. Рабочий догонит эти высокие классы, догонит и передовых, если передовые позаботятся снять помехи, — капитал прежде всего и влияние попов, где оно сильно.

Пересматривая «Загр[аничный] вест[ник]», я увидел, что в заметках по общественным вопросам прорываются некоторые вещи, которых цензура не допустила бы в изложении, а допускает в переводах, не допустила бы вообще в русских

журналах. Если это справедливо, то это очень важно. Заметь, что позволяют говорить об иностранных правительствах и вопросах политики европейской несравненно больше, чем в приложении к нам. Это указывает на то, какое влияние воспитательное мог бы иметь переводный журнал, посвященный переводам или выпискам по общественным вопросам, в сопровождении подрывательных статей по естественным наукам. С строго определенным направлением, со статьями не случайными, могло бы выйти преполное издание, хотя нужно было бы много времени ждать, чтоб оно окупалось.

Впрочем, болтать с вами некогда.

Высылай вещи в Читку и пиши, не забудь сапоги и калоши, а то мои совсем разорвались, вообще истаскался, штаны и те единственные дерутся.

Два дня была страшная зубная боль, вырвал зуб, разворотили мне челюсть — и, что еще хуже, завтра ехать надо, а проболит еще дня 4 — вот уж это скверно.

Ну, прощайте теперь, нечего ждать вам от меня писем, самого ждите в начале октября.

П. Кропоткин

Выпиши немедленно книгу David Page, «Geology for general readers»¹.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Витим, устье Тиньки², 10 июля 1866 г.

Пишу тебе с берегов Витима, мы уже 9 дней в походе и с грехом пополам выбрались сюда. На прииске я хворал последнее время, мне выдернули зуб и потревожили здоровый, челюсть (лунку) немного разворотили и боль была страшная. Теперь мы идем себе помаленьку и прошли уже 110 верст, следовательно $\frac{1}{7}$ пути. Путешествие наше незавидное: во 1-х, дорогой страшно утомляет безделье, нужно 6—7 часов ехать, и ничего не видишь, нет никакого разнообразия, не над чем подумать, лес, да лес и лес, да грязи, да мох. Наконец

¹ Давид Пэдж, «Популярная геология».

² Т и н ь к а — река, приток Витима.

(Прим. ред.)

последние дни, видя, что вожак ведет нас нехорошо, лупит тунгусской оленьей тропой, не разбирая грязи, я, обязанный заботиться о благополучном ходе экспедиции, должен был поехать с вожакком выбирать места... Невесело, скучно безделье, никакого умственного труда.

Раз как-то рано пришли на привал, а горных пород я не собрал, писать почти нечего, я мог приняться за Сегэна, с полчаса читал среди разговоров в палатке — какое тут чтение. К тому же разные мелкие неудовольствия, топограф ворчит что-то, другие тоже, что работы много и что топограф ничего не делает. Теперь я принялся сам развьючивать коней, ставить палатку и пр. Все же облегчение конюхам, да и другие меньше ворчат и немного больше делают. Поляков зато — утешение, единственный человек на ш, поговорить с ним можно иногда, когда у него дела меньше. Впрочем, ему дела много, пожалуй, больше, чем мне. Вообще все бы это ничего, я не огорчаюсь несколько мелкими неприятностями, улаживаю их и т. д. Скучно, что время даром идет, и привыкаешь целые дни ничего не делать, — не знаю, может быть, дальше будет интереснее, а то едешь несколько дней, даже, напр., обнажений не видишь, а кругом в тайге ужасное однообразие.

Вообще мы устроились недурно, большущая палатка, поперек выстраиваются наши ящики, сзади на треножнике ставится барометр, выкладывать удобно, все под рукою, как дома, занимайся только, переезды только скучны.

Это письмо пойдет с тунгузами, которые снизу привели нам лодку для переправы через Витим, оно, должно быть, будет последнее.

Крепко обнимаю вас, ребята, и завидую вам, тридцать раз вспомнишь, что вот-де в Иркутске живут, занимаются вдоволь, потом вспоминаю, ведь надо же кому-нибудь прокладывать новые пути, а если пройдем, то и для географии и для промышленности будет польза, и успокоишься.

Прощайте.

П. Кропоткин

Поляков нежно целует твою плешь, а моя твою догоняет. Так и лезут волоса. Пиши в Читку побольше, авось в сентябре в конце доберемся до жилья.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Устье реки Муи, 26/VII 66 г. ¹

Ну, Саша, пишу тебе с устья Муи. Третью дорогу уже сделали, теперь осталось всего каких-нибудь сто верст, правда, через очень скверный хребет, и мы будем в таких местах, которые находятся в удобном сообщении с забайкальскими приисками, а на этих приисках бывал едущий с нами господин из Читы. Следовательно, теперь уже я не теряю надежды быть в Чите. Шли сносно, скучно иногда, нет ни обнажений, ничего интересного, тайга, — знай только, глаза оберегай. Были и разные дразги, которые мне приходилось улаживать. Собралось несколько человек — одни работают физическим трудом, другие умственным, столкновения неизбежны. Первые считают, что вторые ничего не делают, казаки в грош не ставят сиденье до 12 часов [ночи] при вставании в 6 и т. д. На меня уже не дуются, — начальник, мол, так и должно, ну, да и к тому же князь, великая персона, стало быть, а вот на Полякова дулись, мелочи все это, но колеса скрипят, и дело начинается плохо. Впрочем, теперь это уладилось. Поляков чрезвычайно уживчив, работает в досталь, ну и объяснились маленько, теперь колеса не скрипят, да и места пошли получше.

Сидя в Иркутске, трудно вам даже составить себе понятие о таежных удовольствиях. Здесь на [реке] Муе такие несметные силы комаров, что до сумасшествия (временного, утешься) можно дойти и тебя 30 раз вспомнишь с твоими проклятиями лету. Жара более 22°, дымокур в палатке, следовательно угар, — мерзость порядочная. Два дня ничего не в состоянии был сделать, подумать не в силах в жару, среди мошки, дураком валяешься, весь мокрый; ждем не дождемся второй половины августа. Как все это благодетельно должно действовать на мозговую деятельность! 5—6 лет так провести — хорошо отупеешь.

Ну, да последняя командировка, думаю, — весной в другой путь направиться, — утешаешься.

¹ Письмо написано карандашом.

(Прим. ред.)

Во второй половине или в конце сентября ждите домой, писем не ждите, теперь мы к Иркутску ближе будем, чем промысла.

Пишу с жоаком, пожалуй, еще не дойдет письмо.
Прощайте, ребята.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Прииск Серафимовский (на
М. Амалате), 22.VIII. 66 г.

Скоро, наконец, мы доберемся до места, мы уже на прииске Забайкаль[ской области], на Малом Амалате, который можешь найти на маленькой карте Шварца, и рассчитываем через 20 дней быть в Чите, так что между 20-м и 30-м я вероятно буду в Иркутске. Пора и очень пора, холодновато становится (снега уже были), от постоянной сырости и странствования пешком в болотах у меня делается сильная ревматическая боль в коленях и вообще в ногах, да и надоедает-таки.

Здесь мы узнали о польском возмущении за Байкалом¹, отряд Лисовского у меня как бельмо на глазу, тебя не посылали ли?

¹ Это было восстание ссыльных поляков, работавших по проведению колесной дороги за Байкалом. Поляки решили перебить охранявших их солдат и затем перейти через китайскую границу. Восстание было подавлено, и затем пять человек, главных организаторов восстания, были расстреляны в Иркутске. П. А. Кропоткин написал несколько корреспонденций об этом восстании и о суде над поляками в газете «Биржевые ведомости». Эти корреспонденции были перепечатаны в 1922 г. в журнале «Былое» № 17 и в сборнике «Памяти П. А. Кропоткина», изд. «Всероссийского общественного комитета по увековечению памяти П. А. Кропоткина», М., 1922, стр. 123—172.

Подавление восстания ссыльных поляков произвело сильное впечатление на П. А. и его брата. «Восстание польских ссыльных,—пишет П. А. в «Записках революционера»,—открыло нам глаза и показало то фальшивое положение, которое мы оба занимали, как офицеры русской армии» («Записки революционера», т. I, стр. 244, изд. О-ва политкаторжан).

После этого события П. А. и его брат решили бесповоротно бросить военную службу и выйти в отставку.

(Прим. ред.)

Скверность могла выйти. Этакая мерзость. Здесь же прочли циркуляр царя о нигилистах, — мешкать дольше нечего, авось пригодимся на что-нибудь ¹.

Скоро, значит, свидимся, тогда потолкуем, теперь прощайте, ребята ².

П. Кропоткин

23 августа 66 г. Прииск Серафимовский.

¹ Здесь П. А. намекает на свое решение уехать из Сибири в Петербург с намерением принять участие в революционном движении.

² В Читу П. А. прибыл 8 сентября, все путешествие продолжалось четыре месяца. В конце сентября П. А. был уже в Иркутске, где и встретил брата. Оба решили как можно скорее бросить военную службу и вернуться в Петербург. О настроении П. А. в это время можно судить по следующей выписке из его дневника (Дневник, стр. 261):

«Иркутск, ноябрь 1866 г.

Жизнь в этом обществе становится с каждым днем заметно неприятнее, даже и при здоровом настроении духа. Противно сознавать, что видишься с людьми, говоришь с ними, как с порядочными, в то время как они плевка не стоят, и чувствуешь себя не в силах, не вправе плюнуть им в рожу, когда сам ничем не лучше их, носишь ту же ливрею, выделяешь те же штуки, — чем же я лучше, где основание, на котором я мог бы действовать, сам несамостоятельный человек, к тому же мало развитой? Не менее утопичным становится толчение воды в виде службы...»

(Прим. ред.)

1867 год

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Иркутск, 3 апреля 1867 г. ¹

Теперь, вероятно, скоро поеду, — около 10-го (10—15). Вчера был у Кукеля, и он говорил, что Шелапутину нужно посылать курьера в Петербург, так как есть бумаги по Глав[ному Управ]лению. Дела свои кончаю, и во всех работах в первую очередь идет сейсмограф ². Теперь опять переделали его, выстроили каменный столб, — совершенная обсерватория. Возни куча, — каждый день по несколько часов, зато будет хорошо. Завтра делаю опыт — будет великое торжество. Процессия от всех сословий по утвержденному церемониалу, с артиллерией. Просил Кукеля, чтоб заставил артиллерию проехать мимо здания Сибирского отдела [Географического общества], посмотрю, какое действие будет оказывать это на мой инструмент (должен бы показать землетрясение). Карту кончаю. Она будет стоить мне рублей 60, но это вознаградится гонорарием. Прочие занятия идут очень плохо, позаймешься утром у сейсмометра, утомишься, да и мозг, направленный в одну сторону, так и работает, вечером ничего не в состоянии делать, выдаюсь каждый день с Зотиковым, да

¹ В январе 1867 г. Александр Алексеевич Кропоткин вместе с женой уехал в Петербург. П. А. остался на некоторое время в Иркутске, чтобы закончить свои дела по службе и сделать отчет о своей Олекминско-Витимской экспедиции.

² П. А. решил устроить в Иркутске нечто вроде сейсмической обсерватории для регистрации происходящих довольно часто в Иркутской губ. колебаний почвы. Для этого П. А. придумал особый аппарат, который он и устроил.
(Прим. ред.)

и веду с ним разные физикоматем[атические] споры, мало дают результатов, кроме того, что с ним больше сошлись.

От тебя получил письмо из Казани. Ждем не дождемся писем из Петербурга. Теперь ты, поди, в хлопотах сильных, жаль, что меня нет, пособил бы.

П. Кротопкин

Позднейшая приписка на письме карандашом рукою П. А.:

16 апреля, в пасхальную ночь, выехал курьером вместе с Палибиным из Иркутска в Петербург, прощаясь с Сибирью под выстрелы пушек (Пасха), когда мы переезжали Ангару.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Никольское ¹, 20 июня 1867 г.

В последний день, что я провел в Москве, я все делал новые знакомства. От Траутшольда ² я вернулся просто в восторге. Меня встретил седой, с длинными волосами, откинутыми назад, старик, бодрый, живой (с весьма симпатичной физиономией). «Совет один,—говорит он,—собирайте возможно больше, ничего не пропуская. У вас, верно, нижний ярус горного известняка, вот книжка, где вы найдете кое-что о здешней флоре в связи с каменным углем. Может быть, найдете каменный уголь»,—и Траутшольд подарил свою статью «Über die Kohlen von Central Russland». Сперва он не знал, чем еще мне пособить, но когда я сказал ему, что с палеонтологией вовсе не знаком, то он принялся меня знакомить с самыми характерными ископаемыми различных ярусов горного известняка. Целый час он читал мне целую лекцию практической палеонтологии, показывая те ископаемые, на которые надо особенно обратить внимание (из своей огромной коллекции);

¹ П. А. приехал в Никольское 18 июня.

² Траутшольд, Герман Адольфович (1817—1903)— немецкий геолог, посвятивший большую часть своей деятельности России, где жил с 1857 г. Первоначально был лектором немецкого языка в Московском университете. В 1872 г. вышла его книга «Основы геологии». Каких-либо новых обобщений и крупных вкладов в геологию Траутшольд не внес.
(Прим. ред.)

про Юру у нас в Никольском ничего не известно. Правда, некогда она, повидимому, покрывала все пространство Московского бассейна, и теперь от нее осталось множество клочков, но собственно в Мещовском уезде она не показана на картах. Как образец здешней Юры могут служить окрестности Москвы, почему он и подарил мне описание юрских образований в Галеве с чертежами характерных ископаемых. Его лекция произвела на меня самое благоприятное впечатление. Он и его племянник наперерыв старались показать, на что обратить внимание, какое ископаемое легко пропустить и т. д.

В этот же день был у Баснина, — отца Цэкутского, — славный старик, большой почитатель моих корреспонденций.

Вечером был у Меморского, окулиста, очень молодого и замечательного по своей диссертации, недавно написанной на степень доктора. Его рекомендовал мне Пономарев. Хороший парень. Я пошел просить у него гигиенических советов. Мои глаза, говорит он, совершенно исправны, есть *touchés volantes*, но это ничего не значит, миопия не усиливается, но, вследствие близорукости, для чтения он прописал мне очки № 60. Для смотра вдаль, если нужно, лучше употреблять пенснэ, чем очки, пользуясь ими лишь настолько, насколько они необходимы. Но я терпеть не могу пенснэ, как потому, что все пшоты его носят, так и потому, что жмет нос и сидит всегда криво; первую причину я бы устранил, но боюсь повредить глазам неправильным положением пенснэ, а потому взял очки № 13, он разрешил до № 10. Я заехал к хорошему оптику и взял очки.

Вечером я выехал с Елиз[аветой] Марк[овной] в Калугу на Козле¹. Добрались на другой день поздно вечером. Дорогой, по шоссе, где-нибудь в гору, я слезал и собирал камни из куч, наваленных на дороге. Субботу мы пробыли в Калуге, ждали лошадей от отца.

В Калуге меня поразил наш дом, — барство, барство, — слово, которое я сотни раз повторяю с тех пор, как в Москве опять попал в этот подлый круг. Все на показ, ничего для себя

¹ К о з е л — прозвище ямщика Козлова, который занимался перевозкой пассажиров на своих лошадях из Москвы в Калугу и обратно.

(Прим. ред.)

в обыденной жизни. Дом переделали, — арки, паркет (500 руб.), мебель, рояль. Теперь решили было продавать, но оставшись на неделю в Калуге, батяка снова принялся его перекрашивать и переделывать. Вечера, балы, хоть изредка, то же и в Никольском. Как только подъехали к крыльцу, мне отвратительно стало. Неподдельная радость батяки немножко ослабила впечатление. Полинька — дура, и скверная дура, все те же тенденции, целый день ничего не делает (неразвита, необразованна). Милая Верочка, я сотни раз в день вспоминаю твою фразу, как-то раз сказанную особенным тоном в Иркутске: «какие все они противные». Кошк[аревы] ждут, чтоб ловить меня в женихи. Яковлев в Калуге тоже. Здесь не дают покоя, ухаживания их отвратительны, глупы, надоедают.

Все глаза выпучили, как это я сам умывался, сам сапоги снял. Полинька тоже. Заниматься мешают. Вчера ушел в 11 часов, чтоб встать в 6 ч. Нужно так устроиться, чтоб утром до 9-ти иметь возможность заниматься. Сегодня отец просил наблюдать за постройкой моста, самому ему нужно было в Басово¹ ехать, и я все утро был на постройке.

О тебе отец и не заикается, письмо получил и никому про него не говорил, теперь избегает всяких разговоров, — да и вообще я с ним поговорил только в день приезда, а вчера он в Мещовское ездил.

Вот горе-то, — каменоломня заросла совсем, ничего не видно на том месте, где она была, никаких обнажений вовсе нет, кроме глин в оврагах, да и то склоны заросли большей частью травой, даже обвал Серенской² крепости и тот зарос. Говорят, в Каменке ломают камень, туда надо съездить. Вдоль по Серене³ на далекое расстояние не видно обнажений. Вообще не знаю, где и найти обнажения, где бы было видно что-нибудь, кроме диллуви[альных] пород.

¹ Басово — деревня недалеко от имения Кропоткиных Никольского в Калужской губ., принадлежала отцу Кропоткиных.

² Имение Кропоткиных Никольское на реке Серене возникло на месте древней Серенской крепости, существовавшей уже в XII столетии. Крепость была обнесена земляным валом. Остатки этого вала сохранились до сих пор.

³ Серена — река, протекающая в имении Кропоткиных, приток Оки.

(Прим. ред.)

Вообще читать и заниматься мешают до-нельзя, особенно Полинька, которая полюбила меня очень и беспрестанно отвлекает от дела. Вот неразвитость-то! Замечательная! Дальше французской литературы, т. е. краткого перечня французских писателей, которые теперь забыты, — и не пошла. И говорят; в Калуге все барышни, за исключением одной, такие же. Много можно ожидать! Не говоря уже о Поплавской, Баснина, Рейн сравнительно с ней ученые.

Письмо залежалось. Отец ездил в Мещовск, но я с ним не посылал, теперь пошлю с Елизаветой Марковной, которая едет в Калугу.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Никольское, 23 июня 1867 г.

Вчера вечером говорил с отцом о тебе, читал ему нотации и т. п. Нужно было видеть, как он окрысился, — «я его не считаю своим сыном, он безбожник, сам отрекался от меня, он клочка земли не получит» и т. д.; я грызся, сцепился, уж нервическая дрожь у меня сделалась, насилу Елизавета Марковна успокоила, да и он стал разговор переводить на другое. Затем оба успокоились, принялись рассуждать хладнокровно, по поводу исчезновения Коли ¹ я ему прочел нотацию о семейных отношениях, он его хотел бы видеть, и нотация пришлась кстати. Затем я стал говорить о заграничной жизни, привел Семенова ² в пример. Отец знал его отца или деда. «Большой литератор был, великолепно говорил и очень любил говорить». Затем говорю, что моя задушевная мечта была бы слушать лекции в германском или французском университете. Он мне возразил: «Не век же учиться». — «Я молод, 24 года» и т. д.

¹ Коля — старший брат П. А. и А. А. Он служил офицером на Кавказе, много пил и отец отдал его «на послушание» в один монастырь Владимирской губ., откуда он бежал и пропал без вести.

² Семенов, Петр Петрович — известный ученый-географ, знакомый П. А. Кропоткина, слушал лекции по географии знаменитого немецкого географа Карла Риттера в Берлинском университете, впоследствии путешественник и исследователь Тянь-Шаня. (Прим. ред.)

«Так ты думаешь оставить военную службу?» — «Не знаю, ничего не решил еще, вот в августе приедет Корсаков, ну, да и вы, может быть, будете против этого». — «Нет, отчего же, если ты в себе чувствуешь наклонности быть ученым, твое дело, — профессором будешь, прославишься». Только советует не менять начальников, Корсаков, мол, тебя знает, доверяет, через два года будешь майор и т. д. Он вообще советует вернуться в Сибирь. Но его ответ меня удивил, хотя причина его понятна. Если так, то и прекрасно, а то если мне ничего не оставит, то и тебе тоже, имение попадет к Елизавете Марковне — в наших руках оно полезнее будет.

Интересно видеть его с здешними крестьянами, — ссора полнейшая, он у них оттягивает землю, — они ничего не хотят делать, крестьяне наши вообще бедны, и есть голые бедняки, но и те по решению общества ни в какие работы к нему не нанимаются, хотя иногда приходят просить хлеба, и он им дает. Богатые не нуждаются и заставляют бедных действовать с ними заодно. Отец теперь хочет поставить караул у моста и богатых никого не пропускать. Ссора дошла до того, что вчера на ярмарку едут мужики, другие поднимают бревно и не могут справиться, одно бревно надо перевезти. Отец просит проезжающего подсобить, тот стегнул лошадь и поехал дальше.

Отца это возмущает, теперь ему на каждом шагу приходится кланяться и просить, чтоб они что-нибудь сделали, можешь вообразить, как это на него действует.

Видел на-днях твою кормилицу, которая обрадовалась, когда услыхала про тебя, она зовет тебя не иначе, как «мой князинька».

Третьего дня съездил, отмежевал землю, 52 десятины, старосельским крестьянам, целый день пропал. Зато в мое отсутствие мост кончили. Крестьяне пожалели меня, что я целые дни сижу, во-вторых самим нужно было луга брать внаем. Они воспользовались тем, что Е[лизавета] М[арковна] уехала в Калугу, и пришли мириться с отцом. Они его по-ложительно любят. Все выпили, его старики просто на руках готовы были таскать. Елизавету Марковну все терпеть не могут. Теперь полнейшая дружба, косят сено, вчера совсем

кончили мост (бесплатно) и т. д. Я очень доволен, что сбыл с рук работу. Пишу помаленьку отчет, но хандра что-то одолевает. Неудобно заниматься, ничего не читаешь. На сон грядущий $\frac{1}{2}$ часа читаю статью Жуковского¹, — полезная, дает ключ к пониманию двух направлений в политической экономии, для меня это ново.

Теперь переписываю уже отчет, но начала все-таки нет, а без него ничего нельзя сделать. Полинька принялась подсоблять, но вчера в день переписала 2 страницы, напишет 10 мин. и бросит, а потом и вовсе ничего не делает. Вот невежество-то круглое! Даже самые названия: ботаника, зоология и пр[очее], ей дики — «литература» конец всех премудростей.

По вечерам мы ездили с ней верхом, но она страшно грустит, ее лошадь, водовозка, иначе как шагом и самой убийственной рысью не ездит; прочие пугливы, беспрестанно бросаются, из седла вышибут, ну, и ездит шагом, скука страшная, а между тем ей хочется ездить, жалко не брать ее с собой; так же и во всем, — мешает, а сказать «не мешай» — жалко. Беспутная девчонка! Взяла Фарадея, прочла 8 страниц в 3 дня и не берет больше.

Вчера пришла почта от 18-го из Москвы, от тебя нет писем. Толмачевская гора была у меня в памяти как большая гора, теперь же стал спускаться, уж и конец горе, пруд в Басове тоже какой-то маленький, все ужасно маленьким кажется.

Ну, прощай.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Никольское, 28 июня 1867 г.

Какая великолепная была сейчас гроза, она теперь снова начинается, но в другой форме, я в жизни не видал такой грозы, — такой массы накопившегося электричества и такого способа разряджений. Отдельных ударов совсем не было, а

¹ Жуковский, Ю. Г. — публицист и экономист, сотрудник «Современника» и «Отечественных записок», позднее «Вестника Европы». Здесь П. А. пишет о его статье «Прудон и Луи Блан», вышедшей в 1867 г. (Прим. ред.)

непрерывное, без преувеличения, освещение $\frac{1}{4}$ неба ярким фосфорическим светом, гром гремел изредка; хотя гроза была близко от нас, но молния за молнией освещали Никольское так великолепно, что я не мог оторваться от окна. Такая гроза—счастье. Если бы это громадное количество накопившегося электричества разряжалось ударами, то оно наделало бы, пожалуй, страшных бед. А действительно было с чего накопиться электричеству. Вчера вечером шел проливной дождь, который воочию сделал из Каменки (я был у Кошкаревых¹) из ручейка в саж. шириною речку в 4—5 саж. в самом узком и глубоком месте; рев какой поднялся — как на Иркуте. Сегодня безоблачный день и страшная жара. Испарение должно было быть крайне быстро, и следовательно бездна работы и тепла перешло в электричество.

Мои геологические изыскания подвигаются; впрочем, только две экскурсии удалось сделать в овраг, который идет позади села (по дороге в Каменку). Теперь я исследую нижнюю его часть, до вершины еще далеко,—кажется, девонширская формация, — а сверху ее форменные горные известняки с каменным углем. Каменный уголь уже находил оба раза в русле ручья, низкого качества, но все-таки сносный, горит хотя с пламенем, но сильно, запах серный не силен. В одном куске бездна серного колчедана. Кошкарев говорит, что ему раз приносили целую плиту каменного угля из этого оврага, залежи не видал, может быть — выше. Журнал геологических изысканий принялся писать по-немецки — практика.

Только мешают все.

Дома ужасная кутерьма. Был с отцом эти дни в ладах, грызся только по вопросу о тебе. Два дня тому назад он вздумал во что бы то ни стало поссориться с Кошкаревым, придрался к пустякам несправедливо и сел писать громаднейшее громоносное письмо. Больше часу возился с ним, покуда я не уговорил его не писать подобного письма, написал другое, помягче, но все-таки невежливое. В этот день мы должны были ехать обедать к ним и, конечно, не поехали. Вчера я поехал с визитом к соседям, в том числе и к Кошкареву. Он все время ворчал, хотя знал заранее, что я буду у Кошкарева, за обедом

¹ Соседи Кропоткиных по имению.

(Прим. ред.)

стал сильнее ворчать, «вот загонят лошадей, поехал к моему врагу», — напустился на мачеху. Предлогом было то, что она смела сказать экономке «вы», мачеха не раздражала больше, но он дошел до неистовства... хохот истерический и проч. и проч. Он спал, когда я вернулся, мне все передали, но просили не показывать виду. Впрочем, он сам рассказал. — «Меня рассердили... экономке и вдруг вы», о Кошкареве мне ни словечка, мачехе все говорит — «поехал к моему врагу — хорош».

Завтра Мещовская ярмарка, он все советуется с кучером, другим никому ни слова, завтрак наверно не обойдется без скандала. Я бы одного только желал, чтобы он уехал один, но он будет и меня звать. Я бы начисто отказался ехать вдвоем с ним — произошел бы маленький скандал и только. Но мачеха и Полинька упрасивают не затевать, он все на них выместит, приходится потакать ему ради них, так как на них, как на беззащитных, которых можно и поколотить, он набросится, как зверь, из-за пустяков. Не даром Полинька повторяет то же, что говорила и Леночка, что она за первого встречного готова выйти замуж, лишь бы избавиться.

Все это подло, глупо, но все это задевает за больные струны, сердит, ко всему этому невозможно оставаться безучастным.

И какой он подлый, хоть бы на меня напустился, — так нет; то же самое и сегодня, отколотил повара, я говорю: «Вот попадете к мировому, отсидите неделю под арестом, отучитесь драться». — «Я, — говорит, — без свидетелей бью...» Я говорю: «Что это, по-вашему, честно, тайком, — нутка гласно, при всех, посмотрим». — «Что ты меня все честностью попрекаешь».

Прощай.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Никольское, 8.VII. 67.

Чорт знает что делает почта! Все еще нет посылки. Авось послезавтра придет. Кошкарев тоже ждет посылку, высланную из Москвы 20/VI, и той нет. Я напишу в «Моск. вед.» об этом. Усурийского письма до сих пор не печатают.

Геологические исследования подвигаются медленно. Вчера обошел по берегу Серены, по реке Каменке, от устья до Барятина¹ (выше я раньше видел). Чрезвычайно мало обнаружил, и все поверхностные слои. Каменного угля нет нигде, кроме Никольского оврага, так что не придется дать более верных сведений о положении каменного угля. Да все мешали дожди и разные ярмарки. Сегодня встал рано, но никуда не пошел, — проливной дождь, — а идти далеко, мокнуть насквозь не охота — в пальто жарко. С лошастью тоже неудобно, привязать негде, впрочем, в дальние экскурсии буду брать ее и оставлять в деревнях. Ноги действительно нужны геологу. Вчера исходил верст около десятка, да все по оврагам. Мужики крайне удивляются — как это я с мешком за спиной и молотком на плече как мужик хожу. Мне одна баба целые полчаса сегодня об этом говорила, чуть не за шального считают.

Я бы охотно остался здесь до 20-х чисел июля, все же что-нибудь сделаешь. Ископаемых нахожу много, — до 50 номеров теперь уже собрано — превосходные кораллы и пр. На-днях пойду вверх по Серене до Староселья, там тоже ломают камень.

Отчет² кончаю, жду только бумаг, чтоб закончить и отослать.

Завтра и послезавтра опять пропавшие дни, завтра гости, будут танцевать часов до двух, встанешь не раньше 10-ти, усталый, все удовольствия, одним словом.

Деньги так и летят. Мещовская ярмарка стоила мне больше 10 р., я уже занял 20 у Елены Марковны, нужно будет сегодня людям кое-что подарить и еще расходы.

Музыканты едут сейчас в Мещов. Отсылаю письма.

П. Кротокин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Никольское, 13 июля 1867 г.

Сегодня едем в Мещов, а оттуда к одним соседям — Степановым. Беда с этими визитами, и отчет и геологические

¹ Барятино — село Мещовского уезда, в 60 километрах от Никольского.

² Отчет об Олекминско-Витимской экспедиции. Был напечатан Географическим обществом в 1873 г., 680 стр. (Прим. ред.)

розыски стоят. Ну, можешь себе представить, — до настоящего времени еще не был в Серенских оврагах.

Я думаю выехать отсюда 23—24-го, пробуду дня 2 или 3 в Москве, чтобы переговорить с Траутшольдом и разобрать ископаемые, следовательно 29-го, 30—31-го буду в Петербурге. Присмотри к этому времени квартиру, главное условие — недалеко от университета, а то утром бегать далеко неудобно, до Публ[ичной] библиотеки можно будет доезжать.

Ужасно мне не нравится, что нам всем кагалом жить придется, ну, да это можно будет устроить. Затем другое условие, жить возможно дешевле, не дороже 400 руб. в год с рьла. Неужели мы на 1200 р. не можем хорошо прожить втроем? настолько хорошо, чтобы это не было отяготительно для Верочки. Если тебе не будет недостатка во времени, ты в случае крайности возьмешь переводы, а в первую зиму мне это будет невозможно, — статья на носу, когда еще кончу. Лучше переносить маленькое неудобство от ребенка, чем заваливать себя непосильной работой, а я без того плох, сам, я думаю, видишь, что далеко нет той подвижности, которая была года три тому назад.

Целый месяц шалопайничаю, а все-таки слаб, хотя вполне здоров, а все-таки утомляюсь ужасно скоро. Нечего и толковать тут, надо жить вместе, только надо вспомнить твою московскую жизнь и к ней приноравливаться, — если это возможно с ребятами и с горничной... Попробуем, впрочем...

Скоро свидимся.

П. Кропоткин

АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — ПЕТРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Петербург, 10 июля 1867 г.

Соничка¹ была вчера в путевой канцелярии, и ей объявили, что Корсаков придет сюда 14 июля, о чем было сообщено канцелярии через одного господина, приехавшего из-за границы и фамилию которого забыла Соничка. Поэтому, если

¹ Соничка — Софья Николаевна — сестра жены А. А.

(Прим. ред.)

что-нибудь действительно важное не задерживает тебя в Мещовском уезде, то совет мой выезжать, не дожидаясь 1 августа. Остановишься у нас, квартира та же.

Статья о метеорах подвигается и принимает все большие и большие размеры. Лично поговорим о подробностях.

Вчера, засыпая, я думал о наших разговорах насчет сожития и едва не расхохотался. Взгляни попроще на дело, самому странно покажется. До того ли дело обществу, чтобы ты у меня или я у тебя не съели лишнего огурца! Благо обоим ладно и нет систематического дармоедства, которое одно развращает людей и распространяет миазмы в общественной среде.

Если есть о чем говорить, так только о том, насколько удобно сожитие тебе и мне. А это из практики узнаем, когда ты вернешься из Мещовского уезда и остановишься в комнате рядом с нашим Петькой¹.

Письмо об Ел[изавете] Марковне и В[ане] Наумове² не получал. Что же до портрета моего, на котором я в венгерке, то высылаю тебе таковой.

Затем до свиданья.

А. Кропоткин

Книги наконец пришли. Пообтаскались-таки.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Никольское, 16 июля 1867 г.

Я очень рад, что кончается мое пребывание в Никольском, хотя с удовольствием еще прожил бы здесь, если бы мог жить сам по себе, но в семье—каждый день брань, ругань. Ездили с отцом за Мещов, всю дорогу он меня вооружал против Елизаветы Марковны. Я ему сказал про нее несколько слов вскользь. Он ей передал, перевравши и прибавивши второе и т. д. Ссоры каждый день.

¹ Маленький сын А. А., которого звали в семье Кропоткиных «Петром вторым», в отличие от Петра Алексеевича, который назывался родными «Петром первым».

² Товарищ П. А. и А. А. Кропоткиных.

(Прим. ред.)

Не менее этого утомительны и постоянные разъезды по соседям, ездили почти каждый день, а знаешь, дворянское посещение продолжается неизбежно либо все время после обеда, либо весь день. Геология страдает. Вчера только утром и то поверхностно осмотрел Серенские овраги, в Староселье и на хуторе только мельком смотрел с лошади. Ничего не успеваешь сделать. Хорошо, что не без пользы съездил за 35 верст к одним соседям. У них Юра и бездна ископаемых, я целую корзину привез.

25-го я выеду отсюда, остановлюсь на 2—3 дня в Москве, 30-го или 31-го буду в Птб.

Ну, прощайте.

П. Кропоткин

1868 год

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Станция перед Псковом, 18 июля 1868 г.

До Пскова доехали хорошо¹. На 1-й станции спохватился, что забыл взять вид. Он у меня еще был записан на бумажке и еще положил на самом видном месте, но потому-то именно и забыл.

Впрочем, одна немка успокоила, говорит, что за 3 дня скандала не сделают, особенно если профессор знает. «Профессор!— о, это чрезвычайно много значит в Дерпте».

Теперь нашел студента, который тоже едет в Дерпт, вместе доедем до парохода в омнибусе (станция за городом, а пароходы пристают на пустом берегу). Впрочем, там стоит старое судно, на котором можно оставить вещи, а потом утром придет пароход и пересядем на него. На пароходе 8 часов езды, а потому сегодня же будем в Дерпте в 6 часов вечера, потому что, верно, будут остановки из-за мелководья, обыкновенно же 8 час. хода.

Какие окрестности невзрачные, леса мелкие, поля редко разбросаны среди них, жалкие селенья.

Дым такой, что боже упаси. Кругом и возле самой дороги палы² ходят, зги не видно кругом, а ты еще радовался за меня, что дыма не услышу.

¹ Поездка П. А. в Дерпт через Псков была вызвана тем, что П. А. хотел повидать в Дерпте профессора Шварца, который путешествовал по Восточной Сибири и составил гипсометрическую карту Сибири. П. А. хотел проверить свои определения высот с определениями Шварца.

² Лесные пожары.

(Прим. ред.)

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Никольское, 22 июля 1868 г.

Никак не могу найти письма, которое приготовил тебе вчера, но не успел сдать на почту, ибо проспал (здесь только до 12 час. прием); в Дерпт я приехал 20-го в 5 час. В Пскове с жел. дороги отправился прямо на пароход, а затем бродяжничал по городу все утро. На пароходе ехал с двумя дерптскими студентами и узнал, что здесь живет Гельмерсен¹, я зашел к нему, он меня и перетащил к себе вчера вечером. Вчера провел большую часть дня у Шварца², заполучил кучу материалов, и уже принялся за работу. Много интересного, так как он предоставил мне не только астрономический журнал с метеорологических наблюдениями, но и свои путевые журналы. Брат Гельмерсена (Ген. Шт.) дал мне также письмо в Петербург, чтобы получить материалы экспедиции. Словом, все очень хорошо, только не высыпаясь, в гостинице клопы и блохи не дают вовсе спать.

Ну, до свиданья.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Никольское, 14 августа

Из Москвы выехал 8-го, 10-го добрался утром до деревни. Здесь, конечно, все по-старому. Отец ничего себе, ласков более или менее, иногда ссоримся, потом опять в дружбе. Словом, как всегда. Едим, пьем, ездим верхом с Полинькой, играю на рояли и т. д. Мозг не работает, правда, утомила меня и дорога: после московских бессонных ночей еще две ночи не спал.

¹ Г е л ь м е р с е н, Григорий Петрович (1803—1885)—выдающийся русский геолог, был директором Горного института, академик и директор Геологического комитета. Им составлена первая геологическая карта Европ. России. Подробные сведения о жизни и деятельности Г. имеются в «Горном журнале», 1878 г., т. II, в «Записках Минералогического о-ва», т. XIV, 2 сер., и в «Известиях Геологич. комитета», 1885 г., № 3.

² Ш в а р ц — геолог, исследователь Сибири, составивший гипсометрическую карту Сибири. (Прим. ред.)

Перевод кончил вчера, проверка еще осталась, перевод на русские меры и исправление. В субботу, если будет случай отослать в Мещовск, пошлю его тебе. На место для тебя в Москве через отца нет никакой надежды: он прямо объявил: «пусть только не в Москве ищет», а в провинции он ничего не сделает. Говорят, и знакомые-то у него не так завидны, он кому-то хлопотал достать место зимою, ничего не достал. Если есть надежда, то на Ив. Ив. Пушкина¹, нужно будет, если не увижу его в Москве, написать ему. Он если сможет, то сделает. Здесь я пробуду до 24-го, так что после 17-го уже не пиши сюда, а Леночке.

Геологией здесь не занимался, хотя есть и побудительная причина — просьба крестьян исследовать тут кое-что, так как в Липицах нашли прекрасный жерновой камень, в слоях, лежащих над горным известняком. Не знаю, удастся ли. Если завтра кончу перевод, то, м. б., что-нибудь и сделаю, хотя мало надежды,—здесь, отгвервши, начнут опять ездить по соседям.

П. Кропоткин

¹ Мусин-Пушкин, Иван Иванович — дворянский брат П. А. и А. А. Кропоткиных. (Прим. ред.)

1870 год

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

[Никольское], 29 июля 1870 г.

Вчера я с особым наслаждением читал про побитие французов статейку в «Петербур. ведомостях» и совершенно с ней согласен. Если я желал успеха пруссакам, даже взятия Парижа, то единственно, чтоб образумить этот нелепый народ. Больше всего меня порадовали волнения в Париже, требование созвания палат, которые эти подлецы распустили с явною целью действовать бесконтрольно, прокламация министров, которым не нравится самодеятельность парижан в защите своего города и раздача оружия. Не дурен и тихий тон Наполеона, а народ обходится без него, сознание бессилия, разорванные сообщения с Мак-Магоном, — на первых днях войны, т. е. такая грубая ошибка в ведении войны, которую не простят ему французы, — ведь это все равно, что совсем опростоволоситься. И все это в телеграммах одного дня, — и тут еще надежды на чужеземную помощь уже через два дня после первых стычек.

Словом, щелчки хороши, — не потерпи Наполеон неудачи в Мексиканской войне, в европейской политике им не были бы недовольны, а крупные щелчки извне, я в этом твердо убежден, заставят обратиться и к внутренним делам... Вот почему я от души желаю поголовного побития французов, и так как Наполеон не слетит, пожалуй, ранее, чем возьмут Париж, то пусть его берут немцы. Прусские генералы гуманнее французских, — более развиты, несомненно, они не станут, удаляясь, жечь Саарбрюкена, не станут и Париж грабить.

Еще интересны во всем этом две вещи: волнение в Лионе, настолько сильное, что должны были вернуть корпуса, зани-

мавшие его, и громадное число пленных. Трудно думать, что большое число пленных обуславливалось тактикой кронпринца вообще, — помнишь, сколько брали пленных в австрийскую войну 1866... Если же нет, то, должно быть, военный энтузиазм французской армии не далек от военного энтузиазма австрийцев в 1866 г., которые сдавались толпами, нисколько не сочувствуя войне. — Волнение в Лионе знаменательно: это первый случай, если не ошибаюсь, в последние годы серьезного протеста против войны со стороны населения, хорошо, что именно рабочих. Международное общество рабочих ¹, видно, не даром существует. Жаль только, что не дадут взять Парижа, вмешаются раньше.

Мои занятия идут довольно медленно. Только вчера отослал 14-ю главу, небольшую, — да три дня прошалопайничал, — насморк и голова болит, — все растения определял, достал Кауфмана ² и не только собираю растения, но и определяю их; к сожалению, местность здесь уж очень однообразная, оттого и флора бедна, а ходить куда-нибудь подалее не решался, очень уж жарко было, да и отослать часть рукописи хотелось. Теперь будет посвежее, отправляюсь куда-нибудь геогнозировать, а то все сидишь.

Если Верочка заинтересовалась политикою, то, верно, не ограничится одним легким газетным чтением, а захочет немножко познакомиться с историей последнего времени. Рекомендую Шерра «Комедию всемирной истории», наконец найдется еще что-нибудь по-русски по истории последнего десятилетия или вообще нынешнего века. Поцелуй ее от меня вместе с Буртаской ³.

Неужели от Сонечки ⁴ нет писем. Доехала ли она, или застряла где? Напиши, когда получишь письмо.

П. Крототкин

¹ Интернационал.

² Кауфман Н., «Московская флора или описание высших растений и ботанико-географический обзор Московской губернии». М. 1866.

³ Маленький сын А. А.

⁴ Софья Николаевна Лаврова, сестра жены Александра Алексеевича, летом 1870 г. одна из первых русских женщин поехала в Цюрих учиться в университете. Там примкнула к кружку бакунистов. Весной 1872 г.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

5—9 августа 1870 г.

Ну, высылай продолжение карты, первой уже не хватает. А Наполеона все-таки еще не прогнали и, повидимому, еще не скоро прогонят, так как республиканская партия решила не ускорять событий. Нет, видно, нужно французам, чтобы у них взяли Париж. Комитет защиты организовался или нет? Об нем ничего не слышно. Я жду с нетерпением известий об нем, так как считаю его весьма и весьма важным шагом. В настоящее время главное дело Франции, конечно, защита, а защита немыслима без целого ряда внутренних мер. И это главное дело поручают комитету, который, если составится из порядочных людей, будет играть роль временного правительства. Это значительно облегчит перемену правления,— хотя я, признаться, настолько мало стал верить Франции, что сильно боюсь, что перемена правления будет не та, которую нужно. Не даром Франция в последнее время ударилась в парламентаризм, парижане, развращенные Наполеоном, его наемными кокотками и т. п., побоятся, пожалуй, республики и призовут орлеанских принцев, парламентаристов по преимуществу. Не верю я теперешней Франции. И до Наполеона общественная нравственность сильно в ней падала, а 18 лет Наполеонова правления не могли пройти даром. Сами социальные идеи утратились, должно быть, в развитой части общества. Возьми, например, революцию 48-го года, просто в ужас приходишь от характеров деятелей 48-го года, 5—6 порядочных людей среди самых пошлейших личностей. Наконец, современная французская романистика — создает ли она своих героев социалистов? Нет, да их и нет, пожалуй. Мещанская Германия имеет своих Шпильгагенов, свои «Что делать?», свои социалистические романы. Ничего этого нет во Франции.

П. А. приехал к ней в Цюрих и через нее познакомился с М. П. Сажиным и другими русскими революционерами, жившими в то время в Цюрихе. Позднее С. Н. Лаврова принимала участие в революционном движении. Умерла в декабре 1916 г. в Петербурге.

(Прим. ред.)

Передовые романисты, вроде Андре Лео¹, доросли только до эмансипации женщин — этим и Писемский пробавлялся в 30-х годах. Меня возмущает опошление Марсельезы наполеоновскими кокетками... Прежде хоть Рашель пела, а теперь разные Луизы из кафе-шантанов. А само это клубничное направление француженок, ведь всю Европу снабжают своими Луизами и Со. Если можно в кого еще верить, так это в парижских рабочих (говорят, парижский рабочий развитее всех в социальном отношении). Они, конечно, представляют запас сил, какого, пожалуй, не найдешь в Европе, возьми хоть их отчеты во время Парижской выставки². Но скоро ли они выступят со своими требованиями и главное со своей способностью организовать что-нибудь. Наконец, в последние годы Франция далеко утратила свою прежнюю монополию в социалистическом движении в рабочем классе. Вспомни Вену, где под гнетом австрийских законов вырабатывается сильная партия рабочих, которая организуется сильнее, чем французские рабочие. Вспомни беспрестанные стачки, совершающиеся там в громадных размерах. Возьми затем это Международное общество рабочих. Кто главные его участники: германские и бельгийские рабочие. В «Tagwacht» — соц.-дем. газете для рабочих (Цюрих) недавно был помещен список соц[иалистических] газет для рабочих. Оказывается, из них 9 немецких в Европе и в Америке, и только 5 французских, 2 бельгийских, 1 швейцарская, 1 во Франции, «Le Socialiste» в Париже закрыт, на испанском языке 4 и русских 2. Как ни пошел северо-германский парламент, как ни легко было при обстоятельствах этой войны признать Германию обиженною, но тем не менее в германском парламенте нашлось хоть 2 депутата, которые протестовали против займа на войну и

¹ А н д р е Л е о — французская писательница, социалистка, писала романы на социальные темы, принимала в 1871 г. участие в Парижской коммуне. Была замужем за известным деятелем Коммуны и французского рабочего движения Бенуа Малоном. После разгрома Коммуны эмигрировала вместе с Малоном в Швейцарию.

² П. А. подразумевает здесь «Доклады рабочей комиссии» во время Всемирной выставки в Париже в 1867 г. В составлении этих докладов принимали участие видные деятели французского рабочего движения, бывшие членами Интернационала, как, напр., Евгений Варлен, Толэн и др. (Прим. ред.)

могли в своем письменном протесте сказать в глаза, что настоящая война чисто династическая и вызвана войною 1866 г., когорая велась для возвышения Гогенцоллернов, а потому они, как соц.-республиканцы, члены Международной ассоциации (Internationale), протестуют против этой войны¹. Во французских палатах не нашлось ни одного протеста, и В. Консидеран² должен был напечатать протест, который заявил бы в палатах, если бы они были свободны. Словом, в виду той быстроты, с которой Internationale распространяется в Германской Европе, в виду многих протестов германских рабочих против настоящей войны, в виду организованных стачек в Германии и способности немецких рабочих организоваться в правильные общества, в виду о р г а н и з а т о р с к о й способности германского рабочего, воспитываемой стачками и обществами, я полагаю или, вернее, начинаю думать, что даже рабочий во Франции отстает от рабочего в Германии, а конечно теперь, когда принципы провозглашены громогласно, все дело в способности организоваться в правильные коалиции, сильные и способные силою протестовать против насилия правительства и высших классов. Словом, я сомневаюсь, удержалась ли Франция в своем прежнем значении знаменщика социализма. Но мне в то же время ненавистно немецкое бюргерство, — оно сильный тормоз для развития социализма. Но лучше ли его французская буржуазия, особенно после 18-летнего развращения Наполеоном? Только хороший разгром отрезвит парижан, а такой разгром может быть только — взятие Парижа. Но не поведет ли это к монархии орлеанистов, — вот вопрос.

Во всей Европе, всюду рабочие и их сторонники, люди прогресса и будущего стараются свести вопрос с национальной точки зрения на международную или, как выразился Чернышевский, с национальной на народную. А победные войны ведут только к усилению национальной точки зрения. Вот почему желательно, чтобы грызущиеся собаки друг друга съели. Но чем это отзовется на массах?

Вот в такие времена 1000 раз пожалеешь, что нет порядочных, честных, дешевых газет. Ты знаешь Москву, а и в Москве

¹ Это были Август Бебель и Вильгельм Либкнехт — социал-демократические депутаты в рейхстаге.

² К о н с и д е р а н Виктор — последователь Ш. Фурье. (Прим. ред.)

нередко извозчик едет шагом в пролетке и читает газету, — даже Леночкин повар — антик вполне — интересуется газетами вместе с кучерами. И знаешь, что их интересовало: особенно требование Кератри об ограничении Наполеона. Поняли, что прогоняют Наполеона, и, не питая к нему вражды, заинтересовались фактом изгнания, и когда в одной газете не было еще этой телеграммы, поняли, что скрывают. Дешевые газеты, «Русские ведомости», «Современные известия», идут лучше всех, ибо продаются по 5 коп., а они должны быть по 2, по 3 коп. Ведь какое богатое время, чтобы разъяснить народу много и много из государственной жизни! Представь себе только газету, наполненную короткими картинными описаниями не столько самих драк, сколько их последствий, разоблачений дипломатии и причин войны, с краткими историческими очерками (помнишь, что цензура позволяла нелегальные фразы о монархии в Испании), и непременно картин разорения и несчастия. Припомни газеты 1866 г. и теперешние, теперь нет этих сцен, их обегают или более интересуются военными подробностями сражения. Припомни, что и из романов мы знаем только ряд романов Шатриана в этом духе. А известия, помещаемые теперь с театра войны, способны скорее возбуждать энтузиазм военный, чем отвращение к зачинщикам, к самой войне. Такие времена — золотое время для пропаганды, и газеты читают и самые события таковы. Я бы с наслаждением работал в такой газете. Имея установившиеся общие взгляды, ознакомившись с исторической литературой, легко иметь трезвый взгляд — соц.-дем. — на современные события в частности. В руках цензурно-опытного, решительного и осторожного редактора такая газета процветала бы даже под покровом цензуры. Я с наслаждением бы занялся в такой газете. Такая досада, что тогда не состоялось приобретение «Сына отечества», на которое я все подбивал Бартошевского. Едва ли он будет теперь заниматься издательством. Получает такое большое жалование, но надо поговорить, не выдумает ли он теперь чего-нибудь. Держатся же «Русские ведомости» или «Современные известия», издаваемые бездарными людьми.

П. Кроткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

19 августа 1870 г.

Я тебе не пишу, потому что с того дня, как писал в последний раз, у нас пошел такой кавардак, что угла нет, где бы можно было писать покойно. Мы переселились в Москву. Флигель оказался весь в клопах, жильцы напустили во всех комнатах. Пришлось переклеивать обои, переделывать печи и т. п. Все разместились в двух комнатах, да и хлопоты по постройке и пр.

Я собираюсь выехать в Петербург 26-го, но выехать не с чем. Достань хоть у Павл[инова] ¹ рублей 15, десятью, пожалуй, не обойдешься, и вышли мне. Как приеду, получу с Ост[ен]-Сак[ена] ² и возьму вперед. У Леночки финансы плохи.

Сегодня еду в Сергиевскую лавру, у тетки Сулимы есть, говорят, отличный, очень похожий портрет матери, который бабушка завещала передать Леночке. Я еду за ним, чтобы снять фотографическую копию. Мне давно хочется иметь хороший портрет матери. А то, может, и самый масляный портрет возьму, Леночке незачем. Теперь удобный случай съездить, и поездка будет мне дешево стоить, так как на извозчиках вовсе не езжу, а хожу много. Завтра же вернусь ³.

Третьего дня был у Булатовых. Старики очень обрадовались мне, подробно спрашивали о Верочке, Людмиле, тебе кланяются и целуют. Я у них буду еще раз в конце этой недели.

Скоро, значит, свидимся, мне уж скучно без вас, больше месяца не виделись.

П. Кропоткин

Верочкин товарищ Булатов просил ей много кланяться. Он учится в университете, медик.

Леночка много всех вас целует.

¹ П а в л и н о в — адвокат, муж сестры Веры Севастьяновны, жены А. А. Кропоткина — Людмилы Севастьяновны.

² О с т е н - С а к е н, Федор Романович, барон — ученый, путешественник, в 1870—1871 гг. был генеральным секретарем Русского географического общества.

³ Портрет матери П. А., о котором он пишет, в настоящее время находится в Кропоткинском музее в Москве, помещающемся в доме, в котором родился П. А. Кропоткин (Кропоткинск. пер., 26).

(Прим. ред.)

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

20.VIII.1870

Сейчас вспомнил: если вышлешь деньги, вышли на имя Леночки, у меня билет здесь не прописан, вышел срок отпуска. Если денег трудно достать, не высылай, у Леночки возьму.

Твое письмо получил вчера.

Выеду непременно 26-го, тогда устроим Полякова. Едва пишу, нарыв на пальце.

Скоро свидимся.

П. Кропоткин

Суббота, вечером

Я просто похолодел от радости, узнав, что Наполеон больше не император Франции, но скверно, что судить не будут¹.

¹ На письме имеется позднейшая приписка рукой П. А. Кропоткина (карандашом): «Нап[олеон] б[ыл] свергнут 2 сент./20 авг. 1870 г.».
(Прим. ред.)

1871 год

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

6—8 июня 1871 ст. ст.

Добрался я до Выборга¹, конечно, благополучно. Дорога порядком-таки скучная, остановки самые коротенькие, да и в геологическом отношении ничего интересного. Остановился в «Hôtel de la Société», помылся, поел, почитал гельсингфорские газеты, да и спать. Пожалуй, из-за этого в Выборг не стоило ездить. Не обошлось, впрочем, и без некоторого комизма. При помощи книжки я очень бойко проговорил в таможне: «jug resa for geologiska onder sokuingar» и вообще думал так по книжке обходиться. Бойко затем объяснил извозчику: «Kuska, societats huis, 50 pennu», и куска поехал очень бойко, в Питере за такую езду извозчика, пожалуй, в часть бы засадили. Увидав какое-то высокое здание, я, как подобает туристу, полюбопытствовал о назначении. Слепил фразу по-шведски, куска только смеется, по-немецки — еще больше рот разинул и бор-

¹ Летом 1871 г. Географическое общество командировало П. А. в Финляндию и Швецию для изучения ледниковых наносов и следов древнего оледенения. В это время П. А. занимался обоснованием теории о ледниковом периоде и свои теоретические взгляды он хотел подкрепить фактическими данными. Результаты своих исследований в Финляндии и Швеции П. А. изложил в нескольких письмах в Географическое о-во, напечатанных в «Известиях Географического о-ва», а главным образом в своем труде «Исследование о ледниковом периоде», изд. Русск. географ. о-ва, Спб., 1876 г., т. I, XXXIX+717 стр., с приложением атласа карт и чертежей. Часть II тома о «Ледн. пер.» написана П. А. уже в Петропавловской крепости, в период 1874—1875 гг., и осталась в рукописи.

(Прим. ред.)

мочет что-то. На случай вырвалось у меня по-русски, что, мол, там за башня. «Старая крепость», говорит. Оказалось, что он только по-русски да по-фински и говорит. Впрочем, когда дошло дело до расчета, то он оказался ничего не понимающим по-русски и упорно говорил: «1 марка», я впрочем заявил, что такова такса, заплатил 50 пенни, и предоставил ему дальнейшие выводы вести solo. То же и с горничной. Прошу watten, väte (по-фински), ничего не понимает, наконец, говорю — «воды», сейчас же поняла, должно быть корелка. Вообще здесь ужасная помесь племен, наречий. Но вообще без языка трудно. Спасибо Шмидт¹ помогает, его смесь шведских и эстонских слов немного понимают.

Вчера, т. е. 2-й день моего пребывания в Выборге, провели весело. Поехал я утром к Ребиндеру², он попенял, что я не у них остановился, потом обедал с Шмидтом у них же и с барышнями поехали в парк на rendez-vous с Гельмерсеном. С экскурсии назад к Реб[индерам] и просидели у них до 12 часов. Парк здесь прелестный, весь на граните и весьма поучительный. Самые разнообразные формы гор, валунов и проч. Гельмерсен нарочно сводил нас туда, чтобы показать концентрическое деление гранита. Но не убедил ни Шмидта, ни меня.

Вообще полезная прогулка. Да и катанье вышло не скучно: через залив фиорда у Выборга. Барыни: жена Реб[индера] и и одна седая барышня лет 30-ти, Ломновская (оказалась ярая любительница «Русалки» и думки Платонова), другая Ломновская — художница — выучилась недавно рисовать портреты, ландшафты масляными красками и т. п. Следовательно общество самое разнообразное, и вечер прошел прекрасно за финским пуншем и пр.

Сегодня воскресенье, идем геогнозировать в окрестностях на кирпичный завод и проч., а завтра едем на Иматру, потом

¹ Ш м и д т, Фридрих Богданович—известный геолог, академик. В 1859—1862 гг. принимал участие в качестве геолога и ботаника в «Большой экспедиции Географ. о-ва для исследования Амурского края и острова Сахалина». Был близким другом П. А. Кропоткина, который считал его своим учителем в области геологии, как и Гельмерсена.

² Р е б и н д е р—финский геолог, приятель П. А. Кропоткина.
(Прим. ред.)

на Нейшлот и Пунгахарью. Пароходы пойдут не скоро, и мы едем на почтовых.

Нашим ботаникам скажу, что флора та же, что и в Питере, только одна трава оказалась не питерская, *Arabis Armosa*, хотел послать, да так завяла, что никуда не годится.

Писать много не приходится. Через $\frac{1}{2}$ ч. отправляемся экскурсировать, и это продлится до вечера, нужно еще записать кое-что и прочесть.

Так и не удается писать. Теперь мы уже едем на почтовых на Пунгахарью.

Сегодня (вторник) ночевали близ Иматры, водопада, 60 в. от Выборга. Осмотрели его, потом глину и гигантские ледниковые котлы возле, вернулись, завалились спать к 11-ти, только что встали (8 ч.), и, напившись чаю, едем сейчас же. Сегодня предстоит сделать верст 130 до Пунгахарьи.

Прощайте, милые, уже с Пунг[ахарьи] напишу.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

9/21 июня 1871 г.

Так и не удалось ни дописать, ни отправить вам письмо в Выборге. Когда я дописывал там последние слова, пришел Ребиндер, и мы отправились на экскурсию, — осматривать, как море обмывает скалы и как эти поверхности разнятся от сглаженных ледниками, потом с час искали шрамов [на валунах] в одном саду, но не нашли, попачкались в глине на одном кирпичном заводе, порисовали наконец один валун, который особенно красиво и странно торчит на склоне горы и который рисуют все умелые и неумелые приезжие в Выборг, — впрочем, до сих пор он никем хорошо не срисован. Все это было очень полезно, отчасти в геологически-педагогическом отношении, — но еще более для аппетита. Для тебя здесь была бы благодать, здешний обычай насчет еды привел бы тебя в восторг. Ты заказываешь себе *sexe* (от *klokan sexe*—6 часов), полуужин, и за марку тебе дают тарелочек до 15 со всевозможными закусками — икра, угорь жареный и маринованный, цыплячьи лапки, копченая говядина и т. д., и т. д. Все вообще пре-

15*

красно, а на берегу залива, после 6-часовой ходьбы, с местным пивом очаровательно. Выборгский залив очень красив. Вообще ландшафт без воды никуда не годится, здесь же масса воды, но не безбрежное море, которое тоже скучно, а широкий фиорд, с массою островков, валунов, торчащих из воды, с разнообразной зеленью, хвойною и лиственной, и с довольно живописными гранитными лбами по берегам. После обеда я ездил еще за 10 верст к Модену, хочется мне добыть себе жожака-переводчика. С финнами беда, языка знаков они совсем не понимают, язык же ихний очень труден, и без переводчика тоже с голоду помрешь в финской деревне. Тут еще кое-где понимают слова 2—3 по-русски, в средних же частях Финляндии не знают никакого языка, кроме финского. Этот Моден оказался очень интересным господином. В глуши, совершенно напоминающей своими оленьими ягельями и мхами сибирскую тайгу, забился географ с обширною памятью и с хорошим критическим взглядом. При другой обстановке из него вышел бы прекрасный географ и зоолог (страстный охотник). Я вернулся домой в час ночи, и, совсем не выспавшись, мы уже поехали в 9-м часу на Иматру. Ехали мы довольно скоро, не удавалось осматривать толком обнажения, и уже в 4 часа прикатили к водопаду. Слава про Иматру идет большая. Тысячи туристов вписали свои имена на всех павильонах (не забыт и «Наполеон III»), и теперь на берегу водопада выросла громадная гостиница в 2 этажа, с десятками галлерей и веранд и т. п. И мы застали немцев, которые семьей, всех возрастов, от 50-ти до 4-х включительно, приехали праздновать 25-летие свадьбы. Пьют рейнвейн, веселы до невозможности... Конечно, оказались знакомы с Гельмерсенем—все немцы на свете, кажется, между собою знакомы. Впрочем, хоть и приезжают сюда справлять свои серебряные свадьбы, но водопад вовсе не такой замечательный. В сущности водопада, каскада нет, огромная масса воды течет по неширокому ложу, врезанному в гранит, и ложе это довольно круто, чтобы образовать ряд длинного, сажень на 200 порога, где вода бьется страшными волнами — на всем этом протяжении громадная масса пены и зеленых волн, которые прыгают одна через другую. Вид теряет много от отсутствия целостности, но частности действительно хороши. Можно долго просидеть на каком-нибудь

камне, любуясь какой-нибудь частью водопада, где особенно сильно бьют волны, тут особенно любопытно усиление движения по временам, волны скопляются, скопляются и вдруг хватят огромным столбом сажени в две высоты, взовьется целое облако водяной пыли и брызг, и вода со страшною силой ворвется в гранитные щели и потом с полминуты сбегает оттуда. Эта борьба волн, временный напор и удар в берег очень красивы, и водопад заметно выигрывал бы, если бы был короче, тогда места наиболее сильной борьбы можно было бы наблюдать снизу, сбоку, а не под собой.

Вечером мы геогнозировали в окрестностях. Есть одно место, где лежат диллувиальные глины с иматровскими камнями, — совершенный бисквит. Любопытны и гигантские ледниковые котлы в прежнем русле водопада.

Затем вчера мы с утра, с 8 час., поехали далее на Пунгахарью, в дороге нас захватил страшнейший дождь и холод, и мы перемокли страшнейшим образом. Теперь холод страшный (целый день менее 4 градусов), дождь льет ливмя, и мы переночуем здесь вторую ночь.

Финляндские станции не похожи на русские. Везде очень чисто, на каждой станции постель с чистым бельем — 2 простыни, простое, но чистое одеяло, кровать без блох и клопов, но еды никакой, кроме молока и яиц, можно сделаться совершенно травоядным. И езда здесь прекрасная. Дорога превосходная, и таратайка отчасти так устроена, что мало трясет — старик Гельмерсен и тот не устает, лошади совершенные котята и везут великолепно; последнюю станцию под дождем мы ехали 12 верст менее часа. Природа на первых порах после Птб. кажется красивой, но потом скоро надоедает, все те же хвойные леса, та же подстилка из мхов, — даже мелкий вереск и тот напоминает Сибирь, и там почва в лесу покрыта низкой голубикой и брусникой, — этот же вереск напоминает ее и по цвету и по росту.

Теперь мы сидели и читали вместе описание шведских озоз или азаров¹. Гельмерсен очень словоохотлив, у него 1000 рас-

¹ Озы, или азары (Asar), — свиные хребты, возвышенные гряды наносных материалов (песка, глины, щебня, валунов), тянущиеся то непрерывным извивающимся валом, то распадающиеся в цепь удлиненных

сказов, как у всех бывалых стариков, по самым разнообразным предметам. Большая склонность к механическому мирозерцанию — массу фактов приводит — и недостаток смелости произнести последнее обобщающее слово, хотя, видно, и обдумывал не раз.

Твоя подушка, Верочка, это просто прелесть. Это целый чемодан. Теперь я взял с собою только саквояж и подушку, и чего там не набирается.

П. Кротопкин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Пароход «Samro», 16/28 июня 1871 г.

Мы все подвигаемся к северу, теперь забираемся в Иоенсуу, под 63° с. ш., чтобы наблюдать там прорыв озера. Писать совершенно некогда, либо экскурсируем, либо отдыхаем, и только сегодня на пароходе удалось немного привести в порядок целую грудку заметок и набросать брульоны части карты Пунгахарью.

На Пунгахарье (по-русски свиной хребет) это еще ничего, а то попался на станции кадет — кандидат Svinhilfond, свиная голова, мы прожили 3 дня, ходили, рыскали, спорили по вечерам и ни к каким результатам не пришли. На беду и обнажений совсем нет, а то, которое есть, — маленькое, — можно толковать произвольно. Самый положительный результат, кроме гипотез, мои карты и нивеллировка. Буссоль и особенно барометр незаменимы — в 1½ часа целая профиль острова готова и результаты исключительные — можно нивеллировать чуть ли не в длину своего носа.

Пунгахарья... преживописное местечко, и только современные финны с их полным отсутствием всякой образности могли дать ему свиное название. Между двух громадных озер вытянулась высокая, совершенно узенькая грядка: наверху нередко остается только место для дороги и спуска в 45°. Все

холмов; сильно распространены в области древних ледников в Скандинавии, Финляндии, Карелии и в других странах. В Финляндии озы имеют вид валов с крутыми склонами и достигают высоты 60—80 м.

(Прим. ред.)

это густо поросло лесом, но в казенном парке заботятся и о том, чтобы для приезжих были хорошие виды: везде, где открываются хорошие виды и даль на озера и группы островов, проложены просеки, специально для этой цели. И эти просеки не только для цивилизованных классов: Шмидт видел, как два финна в тележке остановились у такой просеки, и так как он понимает их при помощи эстского языка, то он слышал, как они любовались видом, покуривая свои трубки. На самом высоком месте построено помещение для проезжих, с высоким бельведером, с которого открывается вид на озера. Эти озера очень хороши, — даль видна и масса островов с их хвойным лесом; жаль только, что гор нет — все низенькие возвышенности, сглаженные и скругленные ледниками *roches mou-tonnées*... «бараньи лбы», со шрамами, на каждом шагу. Приезжих здесь не мало, и все проезжающие по почтовой дороге считают долгом заехать в гостиницу выпить бутылку крепкого нейшлотского пива (очень вкусное, с немного смолистым вкусом) и вписать свои имена в большую книгу.

С Пунгахарью мы поехали в Иоенсуу осматривать прорыв озера. Тут до Нейшлота надо было следовать верст 30 на почтовых, потом сесть на пароход к Иоенсуу. Едем мы назад, — навстречу Ребиндер, он хотел вместе осматривать Пунгахарью, да запоздал из-за похорон Пузыревского. Я вернулся с ним назад, опять на Пунгахарью, показать ему достопримечательности, и к вечеру мы были в Нейшлоте.

Городишко маленький, ничем не интересен, разве только исторически, по великолепной, уже разрушающейся шведской крепости, да еще хорошим пивом, да, пожалуй, тем, что мы прожили в нем 2 дня и 2 раза меняли квартиру. Впрочем, любопытно тем, что такой ничтожный городишко, а каждый день приходят или отходят пароходы в Выборг или Петербург, или на озера, которых тут кругом целая масса. По озерам шныряет тут до 30 пароходиков, которые поддерживают сообщение между кучею заводов, железных, лесопильных, стекольных и пр. В этом ничтожном городке оказалась и книжная лавка (мы заходили туда покупать оберточной бумаги), при ней библиотека на шведском, финском и отчасти русском языках (больше «новый завет», прочие не по карману или не знают). Шведский отдел не мал — много новых книг

в продаже, французские переводы, поэзия, перевод «Калевалы» и т. д. Масса финских дешевых книг, только не знаю, о чем трактуют. Вообще здесь книги в ходу. На станциях часто видишь финскую газету, а на Пунгахарье есть целая маленькая библиотека из шведских поэтов, разрозненных годов «Gårtenlaube» и шведских газет и даже 3—4 русские книги, запрятанные поглубже на нижней полке. К русским вообще здесь относятся недружелюбно, особенно после последней истории в университете; в этой истории шведские газеты весьма справедливо видят просто придирку для изменения университетского устава. Замечательно, что они не порицают действия правительства, или весьма мало, и даже не встают против исключения студентов. Они порицали в этом только то, что начальство знало, что демонстрация готовится, писало об ней в официальной газете и не приняло никаких мер, а затем уже обрушило все кары на молодежь. Но главные громы извергаются на то, что эта история служит предлогом к изменению университетского устава, так как предлагаемые изменения все носят тот же пакостный характер, что и в наших университетах. Тоже поручается начальству надсмотр за домашней жизнью студентов, за поведением их вне университета и т. п.

Вообще Финляндия, особенно Новая Финляндия, т. е. присоединенная с 1809 г., в которую мы въехали теперь, заслуживает внимания во многих отношениях. Прежде всего чувствуешь себя вольнее, не требуется никаких паспортов, ни подорожных, лежит просто на станции книга, где записываешь свою фамилию и цифру, выражающую число взятых лошадей. Есть и графа для часа выезда, но она никогда не заполняется; здесь не откажут в лошадях, если они дома, и скорее даже запрягут, не дождавшись обязательных часов отдыха, особенно если прибавить 50 пенни, т. е. 15 коп. Дороги везде прекрасные, и тщательно поделены между жителями деревень, по 6—7, по 20 сажень на семью. Все это прописано на столбиках, окрашенных в любимый шведский цвет—темнокрасный, им и дома нередко окрашены. Везде на станциях есть чистая постель, без блох и клопов (они преобладают на восточных, русских окраинах), и станция содержится весьма чисто, каким-нибудь одиноким отставным солдатом. Дадут поесть,

конечно, больше молочное, с примесью рыбы и отчасти мяса в городах. Впрочем, мы никак не можем свыкнуться с здешней едой: она довольно интересна. Прежде всего сехе, т. е. закуски, разнообразные по возможности, все подается очень мило, масло убрано укропом, иногда листьями роз, их тройчатки очень мило располагаются по углам масла, нарезанного тонкими волнистыми пластинками. Все это мелочи, но довольно типично. Можно ли представить себе нашего зашпанного трактирного слугу, занятого рваньем листьев с куста роз для украшения масла. Более чистая кухарка не составляет такого контраста с розами, как бы ни был некрасив местный женский тип. За сексой следует холодное, преимущественно заливная рыба, потом мясное блюдо горячее, мы ждем, наконец, супа, но, о ужас! Например, на пароходике довольно плохо подают горячую воду с крупой, черносливом и изюмом. Это выходит презабавная история — никак не можешь себя убедить, что это суп, а не компот, а для компота слишком несладко: мы спрашиваем сахару, его дают, но вместе с тем несут еще какое-то блюдо рыбное или мясное. Совершенно та же история, что с кирпичным чаем. Если бы его давали вместо бульона — прекрасно, но нет, не можешь отрешиться от того, что это чай, что его нужно подсластить, а не посолить, и пить его не с маслом, а с молоком. Вообще здесь правило—суп подают после всего, и после него мороженое. Все это удовольствие из 4-х блюд стоит 1¹/₂ или 2 марки. Вообще дешевизна заметна.

Заходили мы и в избы, но редко. Здесь та же история, что и везде. Та же теснота, немного больше чистоты, тот же упорный труд. Но от такого труда, конечно, убежал бы сибирский крестьянин. Ты видишь каменное поле, усеянное валунами, густо, часто на пол-аршина друг от друга. Определяешь, что это нижний ледниковый нанос, но верить не хочешь, чтобы это могла быть пашня под паром, а между тем рядом такую же пашню выковыривают двумя узенькими ножами, вложенными в соху вместо лемехов, приподнимают ее над камнями и обходят эти камни зигзагами, бороной из длинных лохматых сосновых сучьев, — много валяется этих первобытных инструментов возле дороги, рядом с громадными, сажени в 2, широкими и толстыми досками, поставленными на ребро и сое-

диненными под острым углом, чтобы прочищать дорогу, или, вернее, пролагать дорогу среди глубокого снега, отгребая его этим инструментом в стороны, усилиями 3-х или 4-х запряженных цугом лошадей. А между тем хлеб родится на этих несчастных пашнях довольно хорошо, если они достаточно удобрены золою сожженных на них сучьев и хвороста, пней и лесин, и если, собрав 2 урожая (только два), хозяин заготовит такое же поле, а старое забросит на несколько лет. И хлеб в урожайные годы (если посевы не вымерзли, ведь 63-й градус) не дорог, по рублю за пуд. Здесь, в заводском округе, избы не курные, но надо удивляться выносливости жителей: в жаркий день изба натоплена до невозможности, чтобы сушить ивовую кору, идущую на дубление кож. Теперь все набросились на этот промысел, который открылся недавно, и по дороге везде видишь таратайки с мешками корья. Впрочем, если судить по одежде, довольства здесь больше, чем в России, народ одет всюду не в лохмотья, а в сюртуки из толстого серого сукна или из пеньковой материи, прочные штаны и сапоги, — лапоть я видел только один, и то выброшенный у забора, — трубка во рту и фуражка. Если не ошибаюсь, то в воскресенье надевается даже чистая рубашка, причем я в счете дней совсем сбился. Для нас удивительно также, как здесь умеют дешево устроиваться с чиновниками. Пунгахарья составляет казенный лесной участок, и там живут 2 лесничих. Но только в последний день пребывания в Пунгахарье мы узнали, что тот господин, который приносит за обедом тарелки и водку и вообще заботится о благосостоянии приезжих, при помощи чухонки, — он и есть самый лесничий, при чем не носит никакого мундира. Впрочем, парк в исправности, и даже в самой глухой части одного острова я не заметил порубок.

Много здесь любопытного и довольно поучительного, без языка только плохо, а язык дьявольский, — длиннейшие слова и никакого сходства с прочими языками.

Так как одну достопримечательность Нейшлота вы увидите на фотографии, то о другой надо рассказать. а именно перемену квартиры: мы попали в бойкое время, в Societata huis набралась большая компания: странствующий фотограф, 4 бродячих певца, квартал, объезжающий Финляндию, и купеческие

сынки, жирные и глупые, как и всюду, спаивающие басов в квартете пивом, вином и даже бутылкой шампанского (непростительная роскошь в Финляндии). Все это вместе со сварливой хозяйкой и весьма болтливой кухаркой, которая по получасам изливалась на непонятном диалекте с генеральским Иваном, все это на нескольких квадратных саженях пьет, поет, аплодирует и кричит и разгорожено друг от друга эфемерными перегородками, в ожидании более прочных, над которыми работают плотники. По временам примешиваются к этому односложные рыкания юного, но весьма сумрачно смотрящего в землю, сквозь очки, доктора, от всклокоченных волос которого и походки так и веет родимым нигилистом. Да и композиция напоминает. На Пунгахарье он вылетел на крутом повороте под гору из таратайки, и наконец с парома грохнулся в воду плашмя. Если он в следующий раз не утонет в Пуру-веси, то наверное из него выйдет преблагодушнейший буржуа, уездный врач, — это видно из благодушнейшей улыбки, из напускного пессимизма физии.

Понятно, что среди всего этого гама всего хуже было нам, скромным геологам, и мы поспешили удалиться на другую квартиру, к Россиянам. Впрочем, Россияне сильно здесь преобразились. Прежде всего в доме чисто, хозяйка объявила, что она напоит нас чаем, по-нашему, по-русски, но не сдержала слова: вязаная чистая салфетка, ситечко в чайник воткнулось — какая тут Русь? Но были и русские признаки: люстра в чехле и наследие отцов, клопы, — все-таки нашлась парочка, впрочем цивилизованных, крупной породы и весьма хорошо откормленных, так что гостей не тревожили. В доме оказалось и фортепьяно, род *Spielkasten*, и ноты с обозначением «of Olga Schetaloff» и, что всего удивительнее, «Нувеллист» за нынешний год, даже с июньским номером. Впрочем, фортепьяно не редкость, и теперь в Иоенсуу я сижу в комнате, где стоит прекрасный рояль Лихтенталья с очень приятным тоном. Моя комната очень понравилась бы тебе, Верочка, это целая зала в 9 кв. саж., партер Иоенсууйской публики, налево отгорожена сцена с отверстием, может быть в сажень, голова Петра I не была бы видна, если бы он подошел к рампе. Даже в этой деревушке оказался театр. Остальная часть комнаты занята досками, наложенными на козлах, здесь раскла-

дывали проезжие купцы свои товары. Сцена верно бы тебе понравилась — очень мило раскрашена голубым. Преоригинальный это городок Иоенсуу. Ему всего 23 года, прежде была крошечная деревушка, теперь целый город, пароходы ходят, раза три в неделю в Нейшлот, раз в неделю в Петербург, и т. д. Что всего поразительнее — это школа на 600 человек. Теперь школьники, к сожалению, распушены.

Однако, пора спать — 12 часов, а завтра надо встать в 5 часов утра. Гельмерсен уезжает в 6 часов. Я решил остаться до следующего парохода, т. е. еще на 3 дня, чтобы изучить ледниковые наносы, обнаруженные в прорыве реки из озера. Такого разреза не найдешь во всей Финляндии.

Как вы живете? Я не имею от вас никаких известий вот уже две недели и не получу раньше приезда в Выборг, если догадаетесь туда написать. Я пробуду в Выборге с 5-го или 6-го до 8-го или, верней, до 9-го нового стиля. Надо корректуры карт прочесть. Вообще затянулась эта поездка в Восточную Финляндию гораздо дольше, чем я думал. Я даже не знаю вообще, что в Петербурге творится, как холера, напиши непременно в Выборг, даже после получения этого письма, оно еще застанет меня там.

Ну, прощайте, однако. Спать пора. Большой поклон Людмиле¹ и Ник. Мих.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Пароход «Сайма», 5 июля 1871 г.

Еду на пароходе и приближаюсь к Выборгу по Сайминскому каналу. Все очень хорошо, и пароход, и местность, но я все валяюсь со страшной зубной болью. Всю ночь не спал и просто в отчаянии — такой боли не запомню с корпуса. В Выборге пробуду дня два или три, смотря по тому, как кончу корректуру карт, и затем поеду в Гельсингфорс. Там первым делом — рвать зуб.

¹ Людмила Севастьяновна Чайковская, сестра жены Александра Алексеевича, вышедшая замуж за петербургского адвоката Павлинова.
(Прим. ред.)

От тебя не имею никаких известий и с нетерпением жду Выборга, чтобы послать на почту за письмами.

Пока прощай.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Выборг, 8 июля 1871 г.

Так и не удалось, Сашурка, забраться к вам в Питер. Когда я прочел твою приписку и, наконец, сообразил, в чем дело, я решил телеграфировать тебе. Потом сообразил, что телеграмма придет ночью, лучше сам поеду. Всю ночь затем не спал от зубной боли и проспал утренний поезд, не поехал и в 5 часов, чтобы на другой день скорее добраться до Гельсингфорса рвать зуб. Та же история и вчера. С утра легче было, и я думал ехать в 5 часов, чтобы переночевать у вас, но к вечеру опять боль стала сильнее. Теперь опять начинает разбалчиваться Был сейчас у Ленца¹ и через 1½ часа еду в Гельсингфорс. Оттуда напишу вскоре.

Посылаю карточку, снятую с Ребиндером в Нейшлоте одним бродячим фотографом. Мы пришли с экскурсией и торопились на пароход и изобразили себя в этом виде. Мое лицо неясно вышло, солнце жгло, слишком яркое освещение в верхних частях палатки.

Ну, прощайте, теперь я не буду удаляться от вас. В Гельсингфорсе я пробуду с неделю, а потому пиши.

Если бы я остановился не там, то сохранил. Я получил твое письмо от 25/6, первое пока. Пиши чаще, хоть несколько строк.

Собирание растений для Вер[очки] и Людмилы плохо идет, всегда переменьешь камнями. Но надеюсь, что Верочка будет определять те, которые привезу.

Ну, прощайте, дорогие.

П. Кропоткин

¹ Л е н ц, — геолог, прсф. Петербург. ун., знакомый Кропоткиных.
(Прим. ред.)

Вчера поздно вечером, в 11 часов, приехал в Гельсингфорс. Финляндцы уже заранее говорили мне о своей столице. Но, странно, при вечерней темноте она показалась мне совершенно похожей на Москву. Такие же низенькие одно-двухэтажные дома, большею частью деревянные, никакой оригинальности. Даже и тенистые липовые бульвары напоминают московские. Днем сходство несколько нарушается, но так как движения мало, то большинство улиц совершенно Москву напоминает, а вывески русско-французские, хотя гораздо скромнее.

Сегодня первый визит был к зубодеру. У него такая масса больших, особенно во время сезона минеральных вод, что пришлось отложить рванье до 6 часов вечера. Благо боль в сухой жаркий день унялась, я отправился узнать адреса разных уродов, а потом направился в зоологический сад, где никаких зверей, кроме Homo Sapiens, впрочем, не имеется. Там геогнозировал у больших обнажений по жел. дороге и нашел много довольно интересного.

Затем учинил себе рванье зуба. Долго исследовал зубодер мои зубы, какой зуб рвать. Три зуба в одной половине челюсти больны, два рядом. Один, похуже, вырвал, а в другом он хочет убивать чувствительный нерв, хотя, говорит, дней 12 (на лечение) нужно, и то это скоро. Но некоторые временные меры можно будет принять. Впрочем главный виновник теперь удален. Завтра придется посидеть дома. Послезавтра начну свои знакомства.

Прежде выезда из Гельсингфорса напишу. Утомлен что-то. Во время продолжительного исследования зубов даже дурно делалось, хотя, конечно, не до обморока.

Прощай пока.

П. Кроткин

Воскресенье 9 июля. Гельсингфорс.

Остановился в Societate huis.

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

15/VII 1871 г.

Ну, вот я и выезжаю из Гельсингфорса «за границу». Через несколько часов переселюсь на пароход «Гр. Берг», кото-

рый в 2 часа ночи разведет пары и тронется в путь. Завтра будем ночевать в Або, послезавтра в Стокгольме, барометр стоит очень высоко, кажется, неподвижно и не обещает даже порядочно покачать в заливе. Перед отъездом, конечно, за письмо к тебе. Твои письма я получил. Меня холера беспокоит, так как в финских газетах вычитал, что увеличивается смертность и быстрота болезни. Уж такой паршивый город Петербург, что низачто не возьмутся сделать что-нибудь сообща, — болен Трепов, так и подумать точно некому. Здесь же эпидемии нет никакой, ни оспы, ни холеры не слышно. Правда, в одном рабочем семействе в гавани заболело 3 человека и 2 из них, кажется, умерли, но больше не было случаев. В Стокгольме тоже нет, но лазарет для приезжих больных на судах уже устроили. Вообще я здоров, и зубная боль не тревожит. В каждом зубе уничтожили боль, теперь немножко замазал, вот и все.

В Гельсингфорсе не скажу, чтобы я весело провел время. В первые дни с зубами возился, потом стал разыскивать разных господ, бегал за книгами, картами, особенно приятных знакомств не свел. Счертил несколько карт и запасся разными материалами. Только не знаю, когда я их буду обрабатывать. Может быть, в Стокгольме будет веселее. Впрочем, я там долго не пробуду, поеду в поле разыскивать геологов на съемке. Здесь надо было побыть. Самые любопытные карты я нашел сегодня.

Пиши в Стокгольм.

Ну, прощайте покуда. Нечего писать, да и лень.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Стокгольм, 9/21 июля 1871 г.

Вот уже 4 дня, как я живу в Стокгольме. Сегодня пошел наведаться в «Hôtel Rydberg», нет ли писем, и получил 2 письма, — твое от 3/15 июля, пришедшее сегодня (адресованное в Гельсингфорс), и одно от Остен-Сакена. Ты спрашиваешь насчет квартиры. Место мне решительно все равно. Если я буду

ходить в университет, то только два раза в неделю слушать Чебышева¹, и то сомнительно. Следовательно, это решительно все равно. Главное, чтобы мои гости могли приходить и сидеть, без этого уж никак не обойдешься, мало того, сношения будут еще разрастаться.

Приехали мы в Стокгольм хорошо. Хотя в этот день Парижская обсерватория и предсказывала бурю, но до нас дошел только свежий ветер, и притом пароход все берегом шел, в шхерах, т. е. среди архипелага маленьких островков, низеньких, большей частью в виде возвышающихся скал, с жиденьким лесом, — я представлял их себе красивее. Открытого моря мы так и не видели, всегда два часа продолжается переход в довольно открытом месте, но и там на горизонте видны 2 маяка: финский и шведский. Впрочем, ветер был силен, но качка слабая, барынь некоторых слегка укачивало. Я выдерживал бодро, но когда началась боковая качка в этом открытом месте, то сперва спустился в каюту, потом как-то очутился на постели и крепчайшим образом уснул; то же случилось и с некоторыми другими, и к обеду (качка унялась) все были в сборе.

На пароходе все перезнакомились: ехал россиянин, артиллерист с женою, целое семейство из Остзейского края, предпринявшее увеселительную прогулку; их было: папаша, две барышни разных возрастов, одна с художественным направлением (пустой альбом подмышкой), другая — веселого нрава. Ехали они в компании с молодыми, здоровыми, довольно тупоумными парнями, был и германский студент, — чистый ксендз или пастор, бритый, в серебряных очках. Мы с артиллеристом сразу решили его профессию — пастор, действительно, оказался пастор, вернее, ксендз, теолог баварский. С дерптскими студентами (один оказался поначитаннее) я сцепился по поводу [Парижской] Коммуны, спорили весь обед, а здесь обед на пароходе целый час. Всего лучше был финал. Умеряя патриотизм моего спорщика, я ему напроорочил, что то же со временем может произойти и в Германии. Нужно было видеть

¹ Чебышев, П. Л. (1821 — 1894) — профессор Петербургского университета, известный математик. П. А. числился в это время студентом Петербургского университета. (Прим. ред.)

гонор, с которым он произнес, что в Германии ничего подобного никогда не будет. Вечером же в Стокгольме я, впрочем, читал, что германские рабочие только и ждали успеха Коммуны, чтобы начать волнения, что волнение теперь выразилось в грандиозном увеличении стачек (это и есть начало распространения идей Интернационала, оно так и шло всюду в 1864—69 гг.), наконец в собраниях, в агитации для представления петиции об уничтожении косвенных налогов, в пении «Марсельезы» на всех сходках, «Са іга». Но немцы были превосходны: они всю дорогу считали долгом восхищаться...

Я потом встречался с ними в музее, в одном саду. Вот истые туристы, ни минуты покоя, с 7 часов утра на ногах, таскаются в Упсалу на Беннерс и т. д., пишут восторженные письма матери, прелесть. Я, впрочем, мало беседовал с ними, только давал требуемые разъяснения относительно того, за сколько дней можно предсказать погоду... Я беседовал сперва со студентами, а когда надоело, — с россиянами, да с очень миленькой маленькой финкой, все больше о Финляндии, об их литературе, о женской эмансипации, женском труде (тут сошлись) и т. д. Расстались большими друзьями, хотя финка и не совсем владеет немецким языком, но в совершенстве владеет зелеными глазками, — сейчас видно, понимает ли, что говоришь, или нет.

Въезд в Стокгольм действительно замечателен. Город лежит в глубине залива с зеленоватою водою, берега не высоки и не круты, — тоже шхеры, только к самому городу повышаются горки, но зато дачки самые фантастические, мелькают беспрестанно по берегам, масса пароходов, судов. Наконец мало-по-малу озеро все суживается, темнеет (въезжают вечером), и открывается Стокгольм, тесно застроенные ряды высоких домов, почти амфитеатром, масса зелени и воды. Действительно живописно и ново. Впрочем, в этом отношении едва ли не живописнее один вид в Або. Мы приехали часов в 6, дождь лил ливнем, потом в 8 прояснило, но кругом тучи, местами дождь... Я пошел шляться, добрался до высокого здания на горе, обсерватория по виду. Вышел сторож и повел показывать. Оказалась навигационная школа, прежде была обсерватория астрономическая, теперь только метеорологи-

ческая. И повел он на самый верх, — высокое здание, 2 этажа, мезонин и башня, да еще на высоте, которая значительно командует над городом. Ну, действительно роскошь. Верст на 30 кругом видно во все стороны: 2 залива предлинных и призматических, один в Финский залив, другой в Ботнический, и на горизонте горы... Что особенно эффектно — то, что превосходно возделанная почва перемешивается с дикою. Поля с мягкой зеленью среди темных лесов. Наконец здесь гор собственно нет — нет сплошных цепей, а низкие горки с пологими скатами, и далеко друг от друга: в отверстии видны следующие горы, за ними еще следующие и т. д. Сибирские виды, конечно, в 1000 раз лучше финских, но подобного сочетания искусственной обработки полей с дикою природою я нигде никогда не видал.

Стокгольм славный город. Чрезвычайно оживлен, не менее Петербурга, движение на улицах вплоть до поздней ночи, красивые постройки и т. п. Старый город чрезвычайно оригинален, улицы только для одной телеги, две проедут, зацепив осями за дома, и то благодаря своей особой конструкции (длиннейшие и узкие, на 2-х низеньких колесах и на рессорах). Тут собственно рабочий квартал, ну это то же, что петербургские закоулки, и то еще поискать. Вонь, грязь порядочная, оборванные ребятишки, торговля поношенным товаром в темных лавчонках, те же апраксинцы настойчиво, назойливо навязывают товары и т. д. Но другие части города очень хороши. Улицы, правда, узкие, но увешаны вывесками. Гельсингфорс без вывесок казался мне скучным, много площадей, куча статуй с медными болванами для поддержания падающего королевского авторитета. Я остановился в дешевой гостинице, род мебелированных комнат, в главной части города. Оказалось, что я живу на самой ученой улице (Академия... Технологический институт, Горный, Геологическое Бюро и пр. и пр.). Все дешево во второстепенных гостиницах. В одной, например, по-нашему весьма хорошей, обед из закуски, супа, ростбифа, рябчика и пирожного с кофе, хорошей сигары и $\frac{1}{2}$ бутылки пива стоит всего 1 р. 80 к., и это, заметь, порционно, а не за табльдотом. Извозчиком я заплатил дань только в первый день, потом купил дешевенький пугеводитель и план Стокгольма и теперь знаю

город, да здесь как-то совестно и ездить на извозчике, пара лошадей в коляске, хотя цена и невелика — 45 копеек в час.

Из ученых я нашел здесь, т. е. в 20 верстах отсюда, так что пришлось заночевать там, только Норденшильда¹, молодого шпицбергенца и представителя радикальной партии в Reichstag'e. Славный парень. Он был профессором в Гельсингфорсе, но за либерализм должен был удалиться в Швецию. Он член рабочих союзов, но, странно, отрицает, что рабочий вопрос становится серьезным в Швеции. Здесь, говорит он, всякий может пользоваться избирательным правом, особенно когда проведут новый избирательный закон. Не знаю, так ли это, но швея против моих окон так же сидит за швейной машинкой с утра до вечера и рабочие, которых, правда, мало видно, не смотрят живущими в довольстве.

Кстати, вчера я наблюдал интересную картинку и довольно живописное место, куда собираются всегда посидеть, послушать музыку, выпить стакан пива и т. д. Сюда пришло американское судно из Кронштадта, и матросы пришли выпить. Выпили сильно, но старались держать себя чинно, по крайней мере не задевать столы на ходу, — впрочем, жестикулировали сильно, гонялись друг за другом, чтобы дружески потаскать за шиворот, не для драки, а так, в шутку, или шапку нахлобучить и т. д. Пришли 2 норвежских кавалериста, чрезвычайно изящно одетые, перетянутые в рюмочку, совсем франты. Один из матросов сейчас подошел к ним: «немцы?..» — и начал жестикулировать кулаком под самым носом. Норвежцы ужасно обрадовались, не знаю, что они им сказали, только матрос опять что-то проревел, и начались рукопожатия, сейчас подошли прочие матросы, норвежцы с чрезвычайно изящной вежливостью и ловкостью натаскали стульев, и пошла кутежка. Объяснения знаками, по пальцам, кажется, для счета хороших наций. Не выдержали матросы, пошли

¹ Норденшильд, Адольф Эрик (1832—1901) — известный путешественник и ученый. Исследователь полярных стран. В 1879—1881 гг. совершил знаменитое плавание на пароходе «Вега» вдоль северных берегов Европы и Азии и таким образом открыл так называемый Северовосточный проход из Атлантического океана в Великий.

(Прим. ред.)

чокаться и перебили все рюмки. Куча публики кругом, и все очень довольны. Сегодня я еду в Упсалу с циркулярами от Норденшильда к разным господам (эти все, впрочем, все консерваторы, как он пояснил). Из Упсалы проеду не знаю куда, но 30-го вернусь с пароходом в Або. Теперь уж и не знаю, куда адресовать письма, разве в Finland. Напиши туда на всякий случай. Твое письмо и письмо О.-С.¹, адресованное в Стокгольм, переслали сюда, в «Hotel Rydberg», на почте же нет писем.

Поздравляю Верочку и Людмилу. Хотел выслать им каких-нибудь гельсингфорских редкостей, но там ничего не нашел интересного, вообще торговля ничтожная. Отсюда уж высылать не стоит, все равно не дойдет во-время, а возня большая. Уже привезу сам какую-нибудь *specialité de Stockholm*. Ну, прощайте

Теперь не скоро напишу.

Конверт немного надорван справа.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Norköping, 30/18 июля 1871 г.

Не дались мне шведские геологи, ни даже шведские формации. Вчера утром я наконец дождался одного из геологов, того самого Post, к которому у меня было письмо. Приехал и Торель², но этот так занят выставкой (он же и лекции читать будет и тезисы защищать в эти 4 дня), что я его так и не видел. Пост познакомил меня еще с парой уродов, мы поболтали от 4 до 6, посмотрели крошечную геологическую коллекцию на выставке, в 6 часов за ними пришли звать в заседание,

¹ Остен-Сакен, секретарь Географического общества.

² Т о р е л ь, Отто Мартин (1828—1900)—известный шведский геолог и зоолог. В 1858 г. отправился с Норденшильдом на Шпицберген, затем посетил Гренландию и заинтересовался гренландскими и шпицбергенскими ледниками. П. А. Кропоткин, работая над построением теории ледникового периода, и решил познакомиться с Торелем, чтобы обменяться с ним своими взглядами по этому поводу. (Прим. ред.)

мы и расстались. Не стоило сидеть из-за этого в Готеборге, но кто знал, что время так попусту пропадет.

Чтобы воспользоваться последними днями, я решил ехать частью скорым поездом, следовательно во 2-м классе, и направиться в Норчопинг, это городок довольно большой, на берегу Балтийского моря, где делаются в нескольких верстах (15—20) работы по железной дороге, пересекающей озера. Дорога до Норчопинга, действительно, прелестная. Та же Финляндия с голыми горами или с довольно высокими куполами, поросшими хвойным лесом, и масса озер, туннели и т. д. Очень красиво. Но с двух часов зарядил такой дождище, какого во все лето не было, так и хлещет теперь, никакой возможности нет гулять, а тем более геогнозировать и ехать за 15 верст. Я обошел город, узнал, что в саду играет датская капелла, но не пошел ее слушать — плохонькая музыка и проливной дождь вечером не представляют особого удовольствия, я и вернулся в отель и сел писать вам. Сообщу общий вывод о шведах.

Когда мы ехали на пароходе, то одна соотечественница сделала первое обобщение касательно народа: «Какой, — говорит, — неприглядный народ эти шведы». После я сделал то же обобщение относительно шведских женщин — неприглядны тоже, в самом деле — положительно некрасивый народ. И рослый, и красный, и жирный, барышни особенно откормлены, но положительно некрасивы, тип немецкого бюргера так и проглядывает, только гораздо рыжее, ужасно грубые черты, мещанский тип, среди крестьян есть несравненно более красивые лица. Высокие, сухощавые, живые норвежцы, *Nogtap'ny*, как их здесь зовут, несравненно красивее, *ils ont de l'expression*, а шведы, чорт знает, что такое — буржуа так и виден в лице, но отнюдь не в манерах, этим они стараются щеголять, — вообще щеголь народ, — их аристократия одета всегда щегольски, причесана тщательно, шляпа на левом боку, здесь левой стороне во всем предпочтение, объезжают друг друга слева, нечетные №№ домов на левой стороне, шляпа на левом боку, в этом сильно напоминают французов, вообще в разговорах, в манере раскланиваться щеголяют до крайности. Норвежцы, которых я видел, те гораздо проще — демократы вполне, ходят по городу в таких

пиджаках, что мы бы посовестились, добротный такой, но затасканный, ирландская шапочка самая безобразная — самый резкий контраст со шведами, те из шкуры лезут, чтобы казаться джентльменами. Они и газету-то читают только «джентльменскую» «Aftonbladet» — умереннейше-либеральную (консервативных нет). Снаружи — самые шикари, а дома живут очень скаредно. Мяса едят ужасно мало. Дают Либихов суп (если он не заменен простоквашей или зеленым супом: сиречь вода, мука, зелень, масло), ветчину или рыбу, затем мучное, сладкое и т. д.; хлеб свежий потребляют мало, все больше сухие тончайшие лепешки (не сдобные) из ржаной муки, обедать у себя оставляют очень редко, но попить пунш в публичном саду, о, да, — это как у немцев. Сильно бьют на внешность. Характер у них, пожалуй, довольно живой, но какое сравнение с русским или французским характером; сойтись с ними трудно. Я, право, не знаю, о чем они между собой говорят: политики мало слышно, об женщинах (французы с третьего слова заводят об них речь) тоже не слышно. Должно быть, «о делах»... Со мной после нескольких фраз непременно вопрос: «А как вам нравится Швеция?», — но это не вопрос, а прямо вызов на похвалу, да самую восторженную — нередко прибавляют: «А такой ли вы себе ее представляли?» Ужасно недовольны, когда я скажу: «Да, я и всегда думал, что Швеция страна на европейский лад, впрочем очень красивая страна». В самом деле, все дело в том, с чем сравнивать, например Норчопинг нельзя же сравнивать с Калугой, потому что Норчопинг приморский город. Тут не может быть сравнения: в Норчопинге есть торгующие и англичане, и немцы, и датчане и т. д., сотни судов приходят ежегодно и этими приезжими живут гостиницы, публичные сады, оркестры и т. д. Одно здесь крупное отличие, что здесь любят проводить время в гостиницах и в кафе, в садах, и так как бездельного народа везде много, то, конечно, кафе всегда полны. Гулянья не более оживленны, чем наши, хотя в 100 раз красивее. Отчасти и растительность (пирамидальный тополь, бук) и холмистая местность усиливают красоту, но, конечно, все комфортабельнее, чище, чем у нас. Обед, стоящий на нашей железной дороге 1 р. 25 к., здесь стоит 1, 25 риксдалеров, т. е. по курсу 56 коп. Но ужасные хвастуны шведы. Не говорю уже про

путеводители, эти всегда сулят нивесть что, например сегодня в газете целая статья посвящена окрестностям города, — и что за восхваление — просто тошно. А об стачке рабочих и кровопролитии на площади (была, повидимому, драка между рабочими) несколько строчек. Затем ужасно высокое мнение о себе и *dépreciation* других. Один господин ужасно удивился, когда я сказал, что Петербург красивый город и т. п.

Русских здесь вообще не любят. Теперь идет речь об организации армии, и как в обществе, так и в газетах весьма серьезно доказывают, что нужно вооружиться — против немцев и России, и что раз Россия отняла Финляндию, она может иметь и другие притязания. Но какие? — добивался я у одного шведа. — «Ну, например, отнять Готланд». Дурачье, не понимают того, что страна завоеванная, где народ чужой, всегда может переходить из рук в руки, но не страна, где народ тоже шведы. Финляндия, наконец, была необходима России, но Готланд? Немцы в самом деле и теперь их уже обижают. Пришли в Готланд и вопреки закону, воспрещающему лоцману что-нибудь кроме ввода судна в гавань, заставили его водить судно 2 — 3 дня вокруг берегов. И это уже во 2-й раз. Французов шведы любят, немцев ненавидят, во время войны в азарт приходили. Но каждый из нас будет приветливее с французом, чем они у себя, если только француз не аристократ... Голову отдаю на отсечение, что *coûgrier* французского посланника, то-есть, должно быть, попросту лакей в шляпе с перьями, свел единственное знакомство в Готеборге со мной. Аристократы шведы ужасные. Сегодня, например, не хватает мест в вагонах 3-го класса, и 3-классных пассажиров сажают в вагоны 2-го класса, на предпоследней станции перед Норчопингом пассажирам 2-го класса предлагают пересесть в 1-й класс, — не потому, чтобы очистить места, — мест множество пустых, так что просторно, но чтобы пассажиры 2-го класса не имели неудобства сидеть с пассажирами 3-го класса. Дождь льет ливнем, изволь тут пересаживаться из вагона в вагон и переносить вещи; я, конечно, объявил, что мне 3-классные пассажиры не мешают нисколько, но я был единственный — все пересели, даже один отъявленнейший медведь-буржуа, которому я еще заметил, что ведь, надеюсь, они не мешают.

Вообще умственное развитие у шведов невысоко. Коммуна, конечно, пугало для всех газет, передовые статьи редки и жиденькие. В двух газетах видно стремление к республиканской форме, в одной намеками, в полушутливой форме, в другой—в более резкой, бьющей на скандал, на карикатуру, например, сегодня печатается разговор между двумя шведами, один говорит: «Слышали, король, мол, обещал бережливость в расходах».—«Да, утопающий хватается за соломинку,— отвечает другой—а потому все царствующие «божьей милостью» хватаются за всякую фразу, чтобы зажать рот недовольным. Они знают, что они по «милости» доживают последнее время, а потому берутся за всякое средство, чтобы заручиться хоть небольшой «отсрочкой повешенью».—Все это очень хорошо, но остальная часть разговора весьма мало гармонирует с этим радикальным тоном. Если кто идет действительно быстрыми шагами к республике, то это Норвегия с ее громадной крестьянской партией в парламенте и радикалом председателем. У них король царствует и теперь только по имени. Но и хорошо и плохо быть конституционным королем, прежалкую он играет роль: знает про наши царские поезда, роскошь и т. д., а его на каждом шагу корят, что, мол, много расходует, и царский поезд едет такой мизерный, мы встретились на станции, ждет, пока мы проедем, дорога в один путь, поезд состоит из царского вагона, вагона 2-го класса для свиты, багажного вагона, и все-таки к царскому поезду прицепили одну платформу и товарный вагон. Видел я на улицах наследного принца Оскара. Кто поклонится, кто нет, как раз наполовину: сидят и смотрят на него во все глаза, и он внимательно так смотрит: что, мол, не кланяетесь? Так и видно. Я шел, он ехал шагом по аллее, и долго видел эту сцену. А заметил я его потому, что некоторые снимали шляпы, я всмотрелся в лицо и узнал по сходству с королем, как его изображают в карикатурах (портрета не видел).

Самый развитой и радикальный из попадавшихся мне это Норденшильд, но знаешь, чье влияние на нем сильно заметно и о ком он вспоминает с большим увлечением: Бакунина (он был с ним лично знаком) и Герцена. Он же общительнее всех и любезнее и натура более нараспашку — он много жил с русскими, хорошие друзья его

молодости были русские, и теперь он с русскими часто встречается.

Литература у них, должно быть, не богатая. Правда, теперь лето, ничего порядочного не появляется теперь: разве ученые исследования, а политической литературы вовсе не видно, да и на выставках в магазинах не видно. Попался сегодня перевод «Самодетельности» Смайльса, перевод с немецкого перевода, 3-е издание...

Газеты все больше описывают, что делается во Франции. Газеты читают все, часто видишь, как горничная несет газету и на ходу прочитывает, прежде чем донести до дома; в вагоне 3-го класса, только что кто-нибудь прочел газету и оставил, какая-нибудь женщина берет ее. Что они читают больше, — не знаю, но читают, и, может быть, это частный случай, — женщины, т. е. прислуга, читают более мужчин. Но на железной дороге нет никакой продажи книг, брошюр, хотя пассажирский поезд ходит по два дня.

Затем полная свобода сходок. Решительно не понимаю, как весьма многие (в том числе и Соничка) не придают никакого значения этим политическим правам. Стачка — первая стычка в войне, а как организовать стачку, как направлять ее (куча частных вопросов во время стачек) — без сходок? Здесь сходки совершенно свободны и бывают нередко то тут, то там. Рабочие общества, с садом, клубом и библиотекой, имеются во всяком городе, особенно здесь, где много фабрик. Хотелось мне осмотреть их в Готеборге, но председатель и секретарь оба заняты на выставке, здесь некогда будет. Но нельзя сказать, чтобы очень заботились об развитии рабочих, лекции редки и устраиваются с трудом, теперь особенно часто созывают сходки, чтобы высказаться в вопросе о военной реформе. Но более капитальных вопросов не затрагивают. Жаль, что не приходится вовсе знакомиться с молодежью. Студенты вообще мало путешествуют по железным дорогам, а во-2-х, они очень редко говорят по-немецки.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Або, 3 августа 1871 г.

Вчера вечером я вернулся из Швеции и сегодня еду в дальнейший путь.

В Стокгольме, на обратном пути, я пробыл только сутки, но провел их очень приятно. Целое утро я просидел в Музее геологической съемки с одним господином химиком, который весьма подробно показал мне все. Особенно подробно ознакомился я с диллувиальными формациями. Вечером отправился слушать концерт приезжего Гунгля. Оркестр очень порядочный, выбор пьес недурен. Стокгольм вечером между 9-ю и 11-ю прелестен. На каждом шагу сад, превосходно иллюминированный газон и масса публики. Жизнь кипит всюду, впрочем, только до 11-ти, затем свет гаснет. В 12 все расходятся. Эти иллюминированные сады, с их сносной музыкой, с высочайшими пирамидальными тополями на берегу залива, где ежеминутно шныряют красные и зеленые огоньки парашодов, действительно нечто прелестное в теплый вечер. Я шлялся до 12-ти и усталый вернулся на парашод, который уходит в 2 часа ночи. Словом, на прощанье впечатление самое приятное.

Теперь я еду в менее цивилизованные страны, но, увы, деньги улетучились удивительно быстро, и у меня всего 300 марок (90 руб.). Далеко не уедешь. Поездка в Швецию стоила около 150 р. Больших покупок никаких не делал, даже книг купил очень мало, но железная дорога стоила много и почти попусту... Наконец, в Гельсингфорсе я чересчур много купил карт и книг. Вследствие чахотки кармана я должен был изменить маршрут и еду теперь прямо на Куопио.

В Куопио к моему приезду 6/18 августа ты должен выслать мне денег. Вместе с этим я пишу Остен-Сакену¹, чтобы мне выдал и 100 р. за редакцию 4-го тома «Записок», 20 листов по 5 р., отпечатано 25 л. Получив эти деньги, зайди в Финский банк (против Николы Морского), уж улучи как-нибудь время и возьми перевод на отделение Финского банка в Куопио, если не перевираю — Post-remis-vexel на имя мое, до востре-

¹ Секретарь Географического общества.

(Прим. ред.)

бования. Спроси в банке, долго ли может лежать письмо с переводным векселем.

Прощай пока, напишу из Таммерфорса. Нужно еще писать Остен-Сакену.

П. Кропоткин

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Таммерфорс, 6 августа н. ст.

Вчера приехал в Таммерфорс с моим юношей. Прекрасный мальчик, конечно, впрочем, вовсе не развит и задатков социального развития никаких... Но в дороге хороший товарищ, немножко забывчив, немножко приходится напоминать, не забыл ли чего, но это ничего...

Погода выдалась хорошая, дождь в Або, дождь в Таммерфорсе, а в промежутки прекрасная погода, не жарко, работается хорошо.

Полдороги не было ничего интересного, равнина и только. Но с полдороги пошли озера, — постоянно, раскопки — большие для починки дороги, и интересно — я прихожу к иным воззрениям, чем принято, и набираю кучу образцов горных пород.

Сегодня я еду дальше на Куопио.

Деньги расходуются гораздо медленнее, чем я рассчитывал, дороги остановки по деревням, на станциях расходуются очень мало.

Пока больше писать нечего. Прощайте.

П. Кропоткин

Да, сбереги №№ «Петербургских ведомостей», где печатается отчет по Нечаевскому делу. В шведских газетах я видел только тезисы заседания¹.

¹ Стенографический отчет о процессе Нечаева печатался не в «Петербургских ведомостях», а в «Правительственном вестнике», №№ 156—168, 171—178, 179, 180, 182—185, 187, 195—202, 205—206 за 1871 г. Этот отчет в значительной степени искажает обстановку дела и речи подсудимых.
(Прим. ред.)

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Jyväskeyla, 12 августа 1871 г.

Опять начинается жара, и я начинаю опасаться за вас в этом подлом рассаднике миазмов. Впрочем, утешаюсь тем, что, по газетам, не заметно усиления холеры в последние дни, но газеты я имею только от 5 августа.

Мои странствования идут хорошо. Погода стоит все превосходная, так что не останавливаешься писать. Здесь, в городке, я живу, впрочем, уже 3-й день, но целые дни пропадаю из дома на озах. Материала набирается множество, и обработка его займет много времени.

Теперь я пробираюсь в Куопио, к 18 августа буду там на-верное, — остается всего 180 верст, да еще придется сделать маленькие поездки в стороны.

Финляндия действительно прекрасная страна для путешествий, я понимаю, что Ребиндер так ее любит. Особенно когда после жары наступает более прохладный, но все-таки теплый вечер, открываются великолепнейшие виды на луга, при косом вечернем освещении, — я часто вспоминаю о вас, друзья, я думаю, как хорошо было бы вытащить когда-нибудь тебя с Верочкой побродить по Финляндии. Езда скорая, таратайка — очень удобный экипаж, мало трясет на хорошей дороге, остановки на станциях удобные, — чистая постель (впрочем, раза два были клопы), чистейший воздух. Теперь всюду запах сена. Народ кругом живет сравнительно с довольством. Одно плохо — с едой. Кроме молока, простокваши и яиц ничего не найдешь. В юго-западной части даже не было хлеба, только засушенные до окаменения плоские лепешки из простого и очень плохого ржаного теста. Но зато молока и яиц вдоволь.

И как все это дешево! На будущий год непременно надо предпринять такое странствование всей компанией. Разве скучно станет без дела? Ну, прощайте пока, обедать зовут, а после обеда еду дальше...

[Без подписи]

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

6 сентября, ст. Hiutikka

Я так и не успел написать тебе из С.-Михеля, хотя я прожил там $1\frac{1}{2}$ суток; пришлось делать съемку оза, вычерчивать карту и пр. Теперь дождь задерживает на одной станции. Твои два письма получил, ты хорошо сделал, что написал 2-е письмо туда же, а то поносы при непрекратившейся холере можно считать опасными. Напиши, как долго думает С. ¹ наверно пробыть в Птб.; я конечно непременно хочу ее видеть, но вернуться раньше 12-го, вернее 10—15-го сент. с. ст., не удастся, разве воспользовавшись дождливым днем можно будет приехать в Птб. переночевать. Я тороплюсь теперь, времени не трачу понапрасну, но хочется уже хоть это исполнить из обещанного Обществу, т. е. исследовать линию железной дороги, а на это должно уйти чертовски много времени, если даже я пройду пространство от Helsingfors'a только до Выборга: 24 станции, из которых можно пропустить, м[ожет] б[ыть], 5-6.

Сегодня я выехал из С.-Михеля, если не задержат дожди— в дождь нельзя двигаться, — немного наработаешь в дождь у обнажений, то 8-го вечером или 9-го утром н. с. буду в Lahtis (станция жел. дор.) и след[овательно] 9-го в Tavastehus.

Письмо туда едва ли меня застанет, а потому пиши Гельсингфорс, или, если соберешься написать 12 (31 авг.), то Rihimäki. В Lahtis мы расстанемся с моим переводчиком.

Что за охота Соничке переходить в Париж, терять год, еще каково там, наконец, пожалуй легче будет сдать экзамен в Цюрихе, где уже успела ознакомиться с методом преподавателей и т. п.; всякий студент теряет, переходя в другие университеты, а тут с подлецом Тьером и Версальской сволочью нельзя быть уверенным, что через год не погонят женщин из университетов.

Насчет слов Семенова ² (если это не болтовня) только скажу одно, что если они в самом деле прочат меня в секретари

¹ Софья Николаевна Лаврова, родственница П. А.

² Семенов, П. П. — известный географ, член Географического общества и исследователь Тянь-Шаня, близкий знакомый П. А. Кропоткина.
(Прим. ред.)

Географического общества, то ошибаются. Я не пойду. Ос.-С. ¹ прав, когда пишет, что нельзя обречь себя на всю жизнь на игру в дрязги и на побегушки. А может ли обойтись общество с высочайшим председателем и с унижающимся вице-председателем ² без массы дрязг? Если речь идет о редакторстве в Статистическом комитете, то об этом можно еще подумать.

8 сентября, вечером

Сегодня приехал в Tavastehus, пробуду здесь завтра; 10-го вероятно тронусь по направлению к Гельсингфорсу пешком вдоль железной дороги.

[*Без подписи*]

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Tavastehus, 10 сентября 1871 г.

Я уже отправил тебе письмо, когда сходил на почту получить твое от 7. IX. К отцу, конечно, незачем ехать, особенно когда не зовут. Если бы он и звал, то лучше отговориться. Он особенно рад не будет моему присутствию, которое будет напоминать ему, что я приехал к умирающему, а мне хотелось бы заняться здесь геологическими исследованиями (если только хватит денег). Все-таки будет какой-нибудь существенный видимый результат, тем более, что для моей теории озон необходимо еще кое-что собрать (я все пишу тебе про озы, еще осталось кое-что разъяснить, если хочешь знать, в чем дело, то можешь пробежать начало моего письма в Географ. общество из Куопио — которое теперь печатается), попадают новые факты. Итак, бросать исследования, чтобы ехать к отцу и может быть даже вернуться, не увидав его, не стоит. Он так давно тянет со своей болезнью, что этот фазис вероятно не последний, и, наконец, он мог же сделать нелегкое, в сущности, путешествие из Никольского в М[оскву].

¹ Остен-Сакен, Ф. Р. — географ, генеральный секретарь Географического общества в 1871 г.

² Председателем Географического общества в то время был вел. кн. Константин Николаевич, брат Александра II, а вице-председателем адмирал граф Ф. П. Литке. (*Прим. ред.*)

Я газет совсем не читал почти с Tammerfors'a. Некоторые номера одной подленькой газеты с телеграммами попадались, но разрозненные. Меня удивило, что ты пишешь о войне с немцами. Только еще этого нового разоренья недоставало! Но уже на этот раз побитие немцев необходимо. Рабочие авось поймут тогда всю нелепость своего Бисмарка настолько, чтобы дать какой-нибудь ход Новому Свету, да и у нас крестьянину станет, пожалуй, настолько плохо, что невоготу будет дольше терпеть.

Завтра я выхожу из Тавастгуса. Вещи пошлю в Рихимяки и приду в Рихимяки вероятно 13-го. Из Рихимяки напишу. Но затем между 13-м и 17-м можно адресовать письма на какую-нибудь станцию между Рихимяки и Гельсингфорсом... или же в Гельсингфорс к 17-му. В Гельсингфорсе постараюсь пробыть возможно меньше, только для того, чтобы взять карты, которые мне счертили, и списать из отчетов Пут[ей] Сообщения вообще о прорыве Хэйтиэна. И время терять нечего, да и финансы надо беречь. Отпустив моего переводчика, я теперь остаюсь только с 135 марками (считая без пенни) и сильно сомневаюсь, чтоб хватило на то, чтобы дойти до Птб. или до Выборга...

В заключение могу рассказать анекдот. В Куопио хозяин гостиницы спросил паспорт, и через день в финской газете появилась заметка, что приехал Furst Kr. ¹. Через 2—3 дня пришло в гостиницу несколько финнов и добивались меня видеть. Хозяин сказал, что я сплю, и спросил, зачем им нужно меня видеть. «Хотим посмотреть, какой такой князь бывает».

Прислуга определила «князя» очень просто: совершенно такой же человек, как все, только очень большая борода, очень мало волос и узкие панталоны. Финны вполне удовлетворились этим объяснением и ушли.

Теперь скоро свидимся, я уж и то завидую вам, что вы сидите с Сонечкой и слушаете ее милые рассказы.

[Без подписи]

¹ Князь Кр[опоткин].

(Прим. ред.)

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Станция Kuthyla, 12 сентября

Сегодня пришел сюда и сижу здесь, жду поезда в Рихимяки. Завтра уже тронусь из Рихимяки пешком дальше. Иду легко, хотя и приходится вместо 12—13 верст сделать в день добрых 18, если не 20. Материал набирается преинтересный.

Только моя надежда на лучшее продовольствие не оправдалась, между станциями и на станциях кроме молока и прескверного хлеба с молоком ничего нет. Правда, сегодня около обеденного времени красовалась целая прелестная дача, откуда неслись звуки этюдов, разыгранные на хорошем рояле, но ведь не пойдешь просить гостеприимства, а в сторожках кроме хлеба, испеченного 2 месяца тому назад, ничего нет. Масло, впрочем, везде есть, но не молоко. В самом деле, здесь хлеб пекут 3—4 раза в год, напекут в два-три дня низеньких круглых хлебцов с дырой посредине и развешат на палки под потолком, они там и сохнут. Иногда поплесневеют, ну да здесь за этим не гонятся. Теперь еще, впрочем, хлеб зубы берут, а вот месяц тому назад так молоток не брал, не то что мои зубы.

По-фински объясняюсь, и очень бегло могу выложить запас моих фраз, так как они составлены на основании опыта, не то что книжки для разговоров, они мало помогают, в одной такой книжке с финскими фразами все есть, напр. «что у вас будет сегодня к десерту?», но нет «дайте хлеба, молока и постель».

Свистит поезд, прощайте.

[Без подписи]

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Träskända, 15 сентября

Опять дождь сегодня, и я сижу у озера и жду погоды. Впрочем, гостиница добрая, так что можно сидеть. Да я и рад, что дождь, а то, признаюсь, устал за последние два дня. Не от ходьбы, впрочем, а от недостатка сна.

Прошел я уже 73 версты и завтра был бы в Гельсингфорсе, если бы не дождь сегодня, я дошел до Kervo, но с этой станции (Kervo) вернулся вчера ночевать сюда.

Эти дни мне не везло. Началось с того, что на одной станции пришлось спать вдвоем в 1 комнате. Товарищ встал рано и т. д. В Нуvinge целое утро шел дождь, так что, выйдя после обеда, я мог засветло пройти только полстанции, всего 2—3 версты. Я попросил себе в одной сторожке проводника и вышел. Оказалось 5 верст вместо двух, болото, грязь, камни и тьма-тьмущая в лесу. Еле добрались. И вышло в самом деле за десять верст киселя есть. Большущая, холодная комната с грязным полом и с таким же множеством клопов в постели, как немцев во время войны. А на полу вчетверо больше блох. Прислуга — целая орда девчонок. В опровержение всех толков шведских публицистов о вражде финнов к русским, я в самой большой дружбе с топографами, но от них ничего не добьешься. Словом, до 4-х часов я не спал от блох, хотя и прошел после обеда 16 верст, а с 6 часов не спал оттого, что каждые 5 минут входили в комнату. Просто горе, к тому же насморк и кашель.

На другой же день пошло уже комично. Так как мне предстояло пройти до Kervo 18 верст, то я решил доехать верхом (в телеге нельзя) до жел. дороги. Седла конечно нет. Подостлали мне на спину худого, исхудалого конишки какую-то тряпичку и пришлось так путешествовать; ноги цепляются за камни. Но о том, что чувствует сиденье, понятия нельзя составить, не испытавши. Решительно все равно, что сесть верхом на спинку стула, крепкий же спинной хребет у лошадей! Рядом с конем идут два финна, мальчишка и постарше. Зато здесь я блаженствую. Хорошая чистая постель: обед (г. е. мясо) и т. д.

Вообще поздно становится путешествовать в этих широтах. В 6—7 часов утра очень холодно, а холод вечером просто поразил меня вчера. При мокрой ходьбе я совсем зяб, как только село солнце, т. е. после 6 часов. В 6 оказалось всего 2°. Таскать с собою осеннее пальто, конечно, невозможно, я и так навьючен довольно, да еще камни набираются по дороге, а в летнем положительно холодно по вечерам.

Поражает меня Финляндия своими удобствами для путешественников. Возле каждой железнодорожной станции почтовая станция, род гостиницы. Конечно, прежде они были в стороне от дороги, но потом, верно, устроили у самой железно-

дорожной станции. То-есть везде есть хороший ночлег. Та скверная станция, о которой я сейчас писал, совсем в стороне, да и она 2-я на всем пути, который я проехал. Прочие все положительно хороши. Интересно также, как распространены газеты. В одной сторожке старуха расспросила меня, да и говорит: «да я читала об вас в газете». В одном домике то же. С этим домиком вышла забавная история. Я спросил по дороге одного рабочего, где бы найти вожака до ближайшей почтовой станции. Он полу по-фински, полу по-шведски объяснил мне, что вот такой-то есть хозяин, говорит по-шведски. У него можно переночевать. И все твердил stenvall (каменная стена). Я долго искал каменного забора, но не нашел и вернулся в сторожку к рабочему. На другой день выяснилось, что рабочий и есть сам «каменная стена» — фамилия такая.

Твое письмо в Рихимяки я получил в Huvinge... Подлый народ эти немцы, они еще много напакостят в Европе. Теперь Швецию тоже вооружают, собрали нарочно сейм, чтобы немедленно вооружиться. «Время, мол, опасное», — выражается король. В самом деле, немцы положительно хотят отнять у них Karlscrona на южной оконечности Швеции, надо же овладеть Балтийским морем. И какие «положительные» меры может принять эта сволочь при попытке решения социального вопроса? Ведь видно, что начинается время, когда речь пойдет не об уступках, а о коренном изменении теперешнего порядка, будет, следовательно, борьба не на жизнь, а на смерть. Решение брюссельских фабрикантов есть решительно настоящий ультиматум перед войной. Смотря на эти поля и вглядываясь в эти маленькие сложившиеся миры, которые еле-еле прокармливаются, еле выплачивают свои подати, убеждаешься, что все это до такой степени опрокидывается, подрывается каждой войной (особенно теперь), что две-три войны должны разорить всю страну и, во 2 х, что неизвестно, каким рычагом можно стронуть эту массу с места, разве разореньем вконец. Иначе все остается попрежнему.

Гельсингфорс, 18 сентября

Вчера вечером я приехал в Гельсингфорс с последней станции. Такой ужасный холод был вчера (4° при резком северном ветре, пошел снег), что я весь окоченелый дошел до Dickursby,

проработал в одной выемке 2 часа. Гостиница совсем холодная, 7° в комнате, ветер свистит в окна, я едва отогревался на кухне у большого очага, болтая с целою кучей девчонок, которые говорили так же скоро, как Людмила. Потом пришел начальник станции, и мы с ним проболтали часа 3 в холодной комнате.

Таков уже здесь порядок — какой россиянин не затащил бы к себе, не напоил бы чаем с пуншем? В конце концов в виду холодного ночлега (теплое пальто еще не пришло с вещами) я решил убраться в Г[ельсингфорс], хотя еще оставалось пройти 15 верст. А сегодня, как на грех, превосходнейшая погода, может быть, сегодня не пойду в Diskursby.

Время-то как идет!

На почте еще не был. Пиши теперь в Рихимяки, дня через 3—4, я пробуду здесь вероятно 18-е, 19-е и 20-е, 21-го уеду в Рихимяки, чтоб идти в Diskursby. Тогда можно писать на любую промежуточную станцию, перешлют.

[Без подписи]

ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ — АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСЕЕВИЧУ

Гельсингфорс 6/18 сентября

Сегодня получил твое письмо от 6/18, получил также и письмо от отца, от Пол[иньки] и от мачехи, все вместе от 5/VIII с. с.

Письма прелестные, так что я хотел послать их тебе, но 40 пенни при моих финансах составляют сумму, и поэтому воздерживаюсь, тем более, что мы через несколько дней увидимся, у меня всего 55 марок, и если счет в Гельсингфорсе возрастет до 20 марок, то придется ехать без дальних остановок прямо; у меня еще два больших ящика с камнями в Выборге, полновесный багаж и пр. Впрочем, 3 станции жел. дор. (3 дня) хотелось бы еще осмотреть, и если хватит финансов, и не будет такого мороза, как сегодня (7° на солнце), то пройду их пешком.

Во всяком случае через неделю, если не раньше, увидимся. Да и пора до дому — я совсем раскашлялся, да и кругом даже финны кашляют.

Отец очень любезен, Семенов за словом в карман не полезет, а ему все отписали: впрочем, Семенов и мне раньше говорил, что желал бы, чтобы я со временем заступил его место, но независимость лучше редакторства в Статистическом комитете и в 1000 раз лучше директорства.

7/19 сентября

Принимая во внимание:

1. Что в Гельсингфорсе мне оставалось только съездить на велосипеде до Dichurshy и вернуться оттуда по образу пешего хождения, что может быть учинено завтра.

2. Что в портмонэ имеется всего 50 марок и

3. Что за поstay в гостинице придется уплатить 28 марок.

4. Что в Выборге придется переночевать не для того только, чтобы повидаться с т-г и хорошенькою т-те Ребиндер, а для выручки и дальнейшей отправки земель¹, приобретенных мною в Финляндии.

5. Что земли сии полновесны и требуют значительной уплаты за перевозку оных.

6. Что для переезда из Выборга до Петерб[урга] имеются в заветном отделении первоначально удаленные за непригодностью 1 р. 35 к. российской монетою, решено:

9/21 сентября выехать из Гельсингфорса и следовать в Выборг. Переночевавши в оном пограничном граде, выехать из оногo (если ничто не помешает) с вечерним поездом 10/22-го или утренним 11/23-го.

По прибытии в Выборг уведомить кого следует о прибытии в вожделенном здравии.

Вчера вечером я получил от О.-С.² телеграмму: «Литке, я и другие желают вас секретарем Общества. Согласитесь, освободите меня из затруднительного положения». Отвечать вечером было поздно. Я написал ему письмо, которое пошлю сегодня утром, с изложением мотивов, а сегодня утром телеграфировал: «Очень благодарю за предложение, но не могу принять. Ответное письмо получите сегодня. Буду сам Петербурге

¹ Т. е. образцов геологических пород.

² Остен-Сакен, секретарь Географического общества.

(Прим. ред.)

семнадцатого». Не знаю, хорошо ли я сделал, но вечно бегать, суетиться для того, чтобы смазывать во всех министерствах и у всяких персонажей машину, и даже не двигая ее, и именно эту машину, скучно. Конечно, position financière плоха до-нельзя, но и прежде бывало не лучше, если не хуже. Так как спешность запроса (О.-С. знает, что я вернусь на-днях) говорит за то, что у него вышла какая-нибудь неприятность не на шутку, то я готов на всякую помощь, например, если есть кто-нибудь в виду, но вернется не раньше 1 или 2-х месяцев, то могу временно заступить место на определенный срок, или что-нибудь в этом роде.

[Без подписи]

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

- Александров**—137.
Андреев—170.
Аносов П. П.—174, 175.
Араго—67, 78.
- Бакунин М. А.**—79.
Баргошевский—222.
Баснин—203, 205.
Бебель Август—221.
Бенеке—57.
Бетховен—109.
Бисмарк—255.
Блан Луи—207.
Богданов А. П.—96, 115, 143.
Будмейстер—57.
Буксгевден—160, 161.
Булатов—223, 161.
Буссе Н. В.—42, 44.
Бутков В. П.—135, 136.
- Варлей Евгений**—220.
Васильев—170.
Васильковский—81, 89, 95, 110, 142.
Винклер Б. П.—150.
- Гарибальди**—43, 47, 53, 57, 72, 110.
Гейне Г.—134.
Гельмерсен Г. П.—215, 226, 228, 229, 230, 236.
Гершель Джон—20, 55, 57, 58, 71, 78, 94, 120, 125.
Гессель—68, 131.
Гете Вольфганг—10, 20, 67, 109, 125.
Гильомен—186.
Глазунов—74.
Горбачевский И. И.—15, 16, 93.
Гумбольдт А.—20, 125.
- Дависон Б.**—109.
Дадешкилиани—49.
Дарвин Чарльз—95, 115, 123, 143.
Добрицкая А. П.—48, 55, 63.
Дризен—76.
Друцкая В. Д.—131.
Дувинг—64.
Думанский—169, 170.
- Еропкин**—134.
Ерофеев—154.
- Жуковский Е. М.**—16, 58, 79, 80.
Жуковский Ю. Г.—207.
- Замыцкий**—139.
Зотиков—201.
- Иванов**—137.
- Кант Эммануил**—125.
Карандино Е. М.—см. Кропоткина Е. М.
Қаратыгин П.—159.
Қатрфаж—143.
Қауфман—189, 218.
Қащин Н. И.—186.
Квист—15.
Кератри—222.
Кинэ—188, 189.
Классовский П. И.—67.
Ковригин П. Н.—160.
Колошин—56.
Кольчугин—74.
Конради—170.
Консидеран В.—221.
Константин, вел. кн.—254.
Корсаков М. С.—12, 13, 16, 19, 42, 44, 45, 49, 58, 60, 78, 89, 105, 111, 112, 118, 130, 135, 139, 145, 146, 156, 164, 165, 167, 168, 169, 186, 206, 211.

- Кошкарев—48, 204, 208, 209.
 Кравченко Е. А.—32, 37, 47, 51, 59, 72.
 Кравченко Н. П.—132.
 Кропоткин А. А.—7, 8, 31, 36, 37, 40, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 55, 56, 57, 59, 68, 69, 70, 74, 81, 85, 87, 90, 91, 95, 96, 100, 101, 102, 113, 114, 116, 122, 126, 127, 172, 174, 185, 201.
 Кропоткин А. П. (отец)—31, 33, 53, 63, 99, 114, 153, 204, 254, 259.
 Кропоткин Д. Н.—114, 117, 137.
 Кропоткин И. Д.—37, 50, 51, 67, 74, 85, 116.
 Кропоткин Н. А.—162, 205.
 Кропоткин П. А.—7, 28, 32, 38, 39, 42, 43, 44, 48, 49, 51, 54, 55, 58, 60, 61, 64, 65, 66, 67, 70, 73, 76, 77, 78, 80, 84, 92, 97, 98, 103, 104, 105, 106, 122, 125, 135, 139, 141, 145, 146, 147, 148, 149, 150, 151, 152, 154, 155, 157, 158, 160, 163, 164, 166, 167, 169, 170, 172, 175, 176, 179, 180, 181, 182, 183, 185, 186, 187, 188, 189, 193, 194, 195, 196, 197, 198, 199, 205, 206, 208, 209, 210, 212, 214, 215, 218, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 236, 239, 241, 243, 244, 245, 250, 252, 253, 254, 255, 256, 257, 258, 259, 260, 261, 262.
 Кропоткин П. Н.—135.
 Кропоткина Е. А.—116, 138, 161, 162, 209, 223.
 Кропоткина Е. М.—32, 39, 48, 72, 153, 203, 205, 206, 209, 210, 212.
 Кропоткина П. А.—84, 86, 87, 204, 205, 207.
 Кукель Б. К.—12, 13, 16, 44, 46, 48, 49, 50, 54, 58, 60, 62, 64, 67, 76, 78, 80, 93, 105, 111, 112, 136, 145, 146, 147, 148, 150, 153, 155, 169, 183, 201.
 Лаврова С. Н.—211, 218, 253.
 Лагович—110.
 Лаплас—83.
 Лебедев Н. К.—28.
 Лежнев—50.
 Лео Андре—220.
 Леонтьев П. М.—34, 35, 39, 42, 46, 70, 78, 85, 98, 107, 116, 123, 125, 128, 156, 162, 175.
 Либкнехт В.—221.
 Линденер—136, 139.
 Лисовский—199.
 Ломновская—226.
 Лоран—35.
 Лукас—143.
 Лутковский И. С.—138, 145.
 Льюис—46, 115, 155.
 Ляйель—57.
 Магеровский—47.
 Мак-Магон—217.
 Малиновский—121, 125, 139.
 Малон Бенуа—220.
 Маркович—14, 58.
 Маслов—136, 137.
 Михайлов М. И.—16, 23, 62, 64, 79.
 Мицкевич—94.
 Моден—226.
 Моцарт—109.
 Мошинский—21.
 Муравьев—15.
 Муравьев-Амурский Н. Н.—216.
 Мусин-Пушкин И. И.—216.
 Наполеон III—217, 219, 221, 224.
 Наумов—136—140, 212.
 Нечаев С. Г.—250.
 Норденшильд Адольф Эрик—243, 248.
 Огарев Н. П.—134.
 Оглоблин—183.
 Ольденбург С. Ф.—65.
 Ольденбург Ф.—65.
 Остен-Сакен Ф. Г.—223, 244, 250, 254, 260, 261.
 Островский А. Н.—17, 19, 158.
 Павлинов Н. М.—223.
 Пауль А. К.—103, 105.

- Педашенко—16.
 Пермьяков—176.
 Петров—33, 38, 39, 72, 73, 110, 153.
 Победоносцев К. П.—47.
 Поляков И. С.—31, 182, 189, 197, 198.
 Пономарев—203.
 Поплавская—107, 146, 150, 151, 160.
 Поплавский И. В.—105, 169.
 Попов И. И.—160.
 Прудон Пьер Жозеф—23, 183, 193, 207.
 Пузыревский—231.
 Пумпелла Рафаэль—174.
 Пэдждэвид—20, 187, 196.

 Рачинский А. С.—123.
 Рашель—220.
 Ребиндер—226, 227, 231, 237, 252.
 Рейбо—183.
 Рейнгардт—189.
 Ренан Эрнест—154.
 Риттер Карл—150, 151.
 Россини—109.
 Русанов—185.

 Сегэж Марк—94, 133, 183.
 Семенов (Тяньшанский) П. П.—178, 203, 205, 253, 260.
 Сеньковский—125.
 Серно-Соловьевич Н. А.—131, 136.
 Серре—125.
 Смайльс—249.
 Смилга И. Т.—8.
 Соничка—см. Лаврова С. Н.
 Сорокина Варя—86.
 Спиноза—125.
 Сулима А.—139, 143.
 Сулима Д. Н.—85, 92.
 Сюдр—183.

 Толен—220.
 Торель Отто—244.
 Траушольд Г. А.—292.
 Тучков—114.
 Усольцев—170.
 Фарадей—207.
 Фигье—76.
 Фишер Куно—67, 125.
 Фурье Шарль—24, 221.
 Цэкутский—203.

 Чайковская В. С.—186.
 Чайковский С.—185.
 Чебышев П. Л.—240.
 Чернышевский Н. Г.—25, 136, 221.
 Черухин—141, 163.
 Чистяков—81.
 Чудновский—154.

 Шварц Л.—214, 215.
 Шекспир—109.
 Шелапутин—201.
 Шелашников—94, 97.
 Шелгунов Н. В.—64, 79, 137, 139.
 Шерр—218.
 Шиллер—109.
 Шмидт Ф. Б.—226, 231.
 Шпильгаген—219.
 Штакельберг—135, 136, 139, 154.
 Шульман Н. Г.—105, 112, 168.

 Шапов А. П.—191.
 Щедрин (Салтыков) М. Е.—15, 151.

 Эркман-Шатриан—222.

 Юркевич—142.

 Яковлев—204.
 Ярцев М.—128.
 Ярцев С.—74, 85, 128, 137.

ПЕРЕЧЕНЬ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

Портрет П. А. Кропоткина	между стр. 2 и 3
Портрет А. А. Кропоткина	» » 2 » 3
Факсимиле письма А. А. Кропоткина	41
Факсимиле письма П. А. Кропоткина	149
Факсимиле билета на спектакль, в котором участвовал П. А. Кропоткин	159
Ловля лошадей в Северной Манчжурии	163
П. А. Кропоткин во время путешествия по Манчжурии . .	171
Кратер потухшего вулкана, открытый П. А. Кропот- киным	177
Маршрут экспедиции П. А. Кропоткина с Ленских золотых приисков в Читу	193

СОДЕРЖАНИЕ

И. Смилга. Предисловие	7
Н. Лебедев. Годы странствований П. А. Кропоткина.	9
Переписка Петра и Александра Кропоткиных	
Письмо Петра Алексеевича	27 июля 1862 г. 31
» Александра Алексеевича	28 июля » 32
» Петра Алексеевича	3 августа » 33
» Александра Алексеевича	14 августа » 36
» Петра Алексеевича	19 августа » 37
» Александра Алексеевича	19 августа » 39
» Петра Алексеевича	25 августа » 42
» Петра Алексеевича	7 сентября » 43
» Александра Алексеевича	7 сентября » 46
» Петра Алексеевича	11 сентября » 48
» Петра Алексеевича	14 сентября » 49
» Петра Алексеевича	15 сентября » 50
» Александра Алексеевича	18 сентября » 51
» Петра Алексеевича	14 октября » 54
» Александра Алексеевича	21 октября » 55
» Александра Алексеевича	29 октября » 56
» Петра Алексеевича	8 ноября » 57
» Александра Алексеевича	6 ноября » 59
» Петра Алексеевича	24 ноября » —
» Петра Алексеевича	1 декабря » 61
» Петра Алексеевича	8 декабря » 62
» Петра Алексеевича	21 декабря » 69
» Петра Алексеевича	13 января 1863 г. 71
» Петра Алексеевича	19 января » 72
» Александра Алексеевича	31 января » 74
» Петра Алексеевича	2 февраля » 76
» Петра Алексеевича	8 февраля » 79
» Александра Алексеевича	18 февраля » 80
» Петра Алексеевича	20 февраля » 84
» Александра Алексеевича	24 февраля » 85
» Петра Алексеевича	10 марта » 86
» Александра Алексеевича	13 марта » 87
» Александра Алексеевича	22 марта » 90
» Петра Алексеевича	24 марта » 92
» Александра Алексеевича	14 апреля » 94

Письмо	Петра Алексеевича	21 апреля 1863 г.	96
»	Александра Алексеевича	13 мая »	98
»	Петра Алексеевича	13 мая »	102
»	Петра Алексеевича	1 июня »	106
»	Петра Алексеевича	3 июня »	107
»	Александра Алексеевича	6 июня »	113
»	Александра Алексеевича	15 июня »	114
»	Петра Алексеевича	18 июня »	116
»	Александра Алексеевича	4 июля »	117
»	Петра Алексеевича	10 июля »	119
»	Петра Алексеевича	1 августа »	124
»	Александра Алексеевича	14 августа »	126
»	Александра Алексеевича	2 октября »	129
»	Петра Алексеевича	4 октября »	130
»	Петра Алексеевича	4 декабря »	131
»	Петра Алексеевича	28 декабря »	133
»	Петра Алексеевича	11 января 1864 г.	135
»	Александра Алексеевича	15 января »	137
»	Петра Алексеевича	16 января »	138
»	Петра Алексеевича	25 января »	140
»	Петра Алексеевича	30 января »	141
»	Александра Алексеевича	6 февраля »	142
»	Петра Алексеевича	10 февраля »	145
»	Петра Алексеевича	24 февраля »	146
»	Петра Алексеевича	27 февраля »	147
»	Петра Алексеевича	1 марта »	150
»	Петра Алексеевича	15 марта »	153
»	Петра Алексеевича	21 марта »	154
»	Петра Алексеевича	2 апреля »	155
»	Петра Алексеевича	8 апреля »	157
»	Петра Алексеевича	18 апреля »	—
»	Петра Алексеевича	26 апреля »	158
»	Петра Алексеевича	7 мая »	—
»	Петра Алексеевича	14 июня »	164
»	Петра Алексеевича	2 июля »	167
»	Петра Алексеевича	20 июля »	169
»	Петра Алексеевича	30 июля »	170
»	Петра Алексеевича	1 февраля 1865 г.	174
»	Петра Алексеевича	16 мая »	175
»	Петра Алексеевича	25 мая »	178
»	Петра Алексеевича	31 мая »	179
»	Петра Алексеевича	8 июня »	180
»	Петра Алексеевича	28 января 1866 г.	182
»	Александра Алексеевича	1 февраля »	183
»	Петра Алексеевича	13 мая »	185
»	Петра Алексеевича	27 мая »	186
»	Петра Алексеевича	4 июня »	187
»	Петра Алексеевича	17 июня »	189
»	Петра Алексеевича	27 июня »	192

Письмо Петра Алексеевича	10 июля 1866 г.	196
» Петра Алексеевича	26 июля »	198
» Петра Алексеевича	22 августа »	199
» Петра Алексеевича	3 апреля 1867 г.	201
» Петра Алексеевича	20 июня »	202
» Петра Алексеевича	23 июня »	205
» Петра Алексеевича	28 июня »	207
» Петра Алексеевича	8 июля »	209
» Петра Алексеевича	13 июля »	210
» Александра Алексеевича	10 июля »	211
» Петра Алексеевича	16 июля »	212
» Петра Алексеевича	18 июля 1868 г.	214
» Петра Алексеевича	22 июля »	215
» Петра Алексеевича	14 августа »	—
» Петра Алексеевича	29 июля 1870 г.	217
» Петра Алексеевича	5—9 августа »	219
» Петра Алексеевича	19 августа »	223
» Петра Алексеевича	20 августа »	224
» Петра Алексеевича	6/8 июня 1871 г.	225
» Петра Алексеевича	9/21 июня »	227
» Петра Алексеевича	16/28 июня »	230
» Петра Алексеевича	5 июля »	236
» Петра Алексеевича	8 июля »	237
» Петра Алексеевича	15 июля »	238
» Петра Алексеевича	9/21 июля »	239
» Петра Алексеевича	18/30 июля »	244
» Петра Алексеевича	3 августа »	250
» Петра Алексеевича	6 августа »	251
» Петра Алексеевича	12 августа »	252
» Петра Алексеевича	6 сентября »	253
» Петра Алексеевича	10 сентября »	254
» Петра Алексеевича	12 сентября »	256
» Петра Алексеевича	15 сентября »	—
» Петра Алексеевича	6/18 сентября »	259
Указатель имен		263
Перечень иллюстраций		266

*Ответств. ред. И. Смилга.
Худож. ред. и техн. руковод.
изд. М. П. Сокольников.
Литерат.-технический редактор
А. Н. Павлищико в.
Техред. Л. А. Фрязинова.
Наблюдение на производстве
М. И. Козлов.*

* * *

*Книга сдана в набор 6. XI. 32.
Подписана в печать 17. V. 33.
Тираж 5300. Уполном. Главлита
Б. 24028. ЗТ—1832. З. „Ас“ 24.
Индекс А—2. Ав. л. 13. П. л. 17.
Бум. 62×94 1/16. Тип. знак. на
1 б. л. 68640.*

* * *

*Отпеч. в „Интернациональной“
(39) тип. „Мособлизграф“.
Проезд Скворцова-Степанова, д. 3.*

Цена 7 р. Пер. 2 р.

РУССКИЕ МЕМУАРЫ

П Е Р Е П И С К А
П. И. ЧАЙКОВСКОГО
С
Н. Ф. ФОН-МЕКК

Т Р У Д Ы
ПУБЛИЧНОЙ БИБЛИОТЕКИ
СССР ИМ. ЛЕНИНА,
Сб. III

К А Р П О В
ВОСПОМИНАНИЯ

—
Ш И П О В
ЗАПИСКИ КРЕПОСТНОГО
КРЕСТЬЯНИНА

С Ы Ч У Г О В
ЗАПИСКИ БУРСАКА

★ ★ ★

„А С А Д Е М І А“

Москва, Б. Вузовский в. 1
Ленинград, Пр. 25 Октября
„Дом книги“

Перепи́ска П. и А. Кропотки́н

Перепи́ска
ПЕТРА
И АЛЕКСАНДРА
КРОПОТКИНЫХ

—ACADEMIA—

Второй том „Перепи́ски Петра и Александра Кропоткиных“ включает письма П. А. Кропоткина из Сибири за период 1862—1867 гг. и ответы братья. Эти письма позволяют проследить умственное развитие молодого П. А. Кропоткина и рисуют нам картину того, как юноша-аристократ постепенно превращается в демократа, просветитель в революционера, ставшего впоследствии воздем и теоретиком анархизма.

К сибирским письмам П. А. Кропоткина в настоящем томе приложены письма П. А. к брату из Финляндии и Швеции, относящиеся к 1871 г.

Письма П. А. Кропоткина представляют ценное дополнение к известным „Запискам революционера“ и помогают лучше понять личность и деятельность П. А. Кропоткина.

Цена 7 руб.

Переплет 2 руб.